

Брианна Р. Ураи

НИКОГДА

НИКОГДА

Джеймс Крюк — ребенок, который только и хочет, что вырасти. Когда он встречает Питера Пэна, — мальчика, который любит притворяться и полон решимости никогда не взрослеть, — Джеймс решает, что может попытаться побыть ребенком... хотя бы чуть-чуть. Джеймс присоединяется к Питеру Пэну, отправляющемуся в Нетландию — месту приключений, созданному детскими мечтами, но Нетландия не для слабонервных. Уже вскоре Джеймс жаждет вернуться домой, понимая, что должен вырасти. Но Питер отказывается возвращать его, оставляя Джеймса в ловушке в мире, который любит только он. В мире, где дети никогда не взрослеют. Но Джеймс вырастает. И так начинается эпическое приключение Потерянного Мальчика и Пирата. Эта история не о Питере Пэне; это рассказ о мальчике, жизнь которого он украл. О человеке в мире, где ненавидят взрослых. О капитане Джеймсе Крюке, которого боятся, и о его страстном желании убить Пэна — невозможном подвиге на волшебной земле, где все любят Питера Пэна. Все, кроме него.

Брианна Р. Шрам
Никогда Никогда

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

в которой Крюк встречает Пэна

Глава 1

Все дети, кроме одного, хотят оставаться детьми. Джеймс Крюк, напротив, хотел вырасти. В свои двенадцать лет Джеймс был абсолютно доволен текущим положением вещей, как и все двенадцатилетние: у него были родители, которые его очень любили; собака, которая любила его ещё больше; и полная кладовка сладостей, которая никогда не пустовала. Но часть него была старше, чем на самом деле, и эта часть понимала, что всё счастье быстротечно. Именно из-за этой своей части Джеймс не мог дождаться, когда станет взрослым. Поскольку лето подходило к концу, и на горизонте маячил первый год обучения в Итонском колледже, мальчик с нетерпением ожидал, когда же перевернётся новая страница его книги жизни.

Теперь, когда он заранее, за две недели, аккуратно упаковал свои вещи в чемодан (а он всё делал заранее), у мальчика появилось задумчивое выражение на лице. Такое выражение лица больше бы подходило молодому мужчине в день его свадьбы или девушке, впервые взявшей на руки своего новорождённого ребёнка. Джеймс видел будущее, незапятнанное безрассудной молодостью и глупостью, будущее, полное надежд и мечтаний, которые может свершить только взрослый человек.

Тем не менее, такие взрослые мечты не помешали ему схватить одну из свободных вешалок и начать рубать ей со свистом воздух, протыкая висящую одежду тупым концом и кромсая её импровизированным крюком от вешалки, всунутым между пальцами. Пусть он теперь и готовился ко взрослой жизни, часть него цеплялась за сны, которые снились ему каждую ночь всю эту неделю и через раз в предыдущие недели. Сны, в которых он был капитаном пиратов, свирепым владельцем навевающего ужас корабля и вожаком ужасной банды пиратов-головорезов. Во сне он окрестил свой корабль «Грозой Испанского Мэна». В перерывах между складыванием рубашек и носков, мальчик представлял, что его кровать — это корабль, а коробки — плавающие в океане коряги, и вскоре он уже ощущал запах морской воды и чувствовал сырость холодного моря. Только так рано утром он мог восстановить эти фрагменты сна, поэтому считал, что вполне может потратить немного времени, пока и они не исчезнут окончательно.

Джеймс готов был биться об заклад, что взрослые тоже видят сны. Он ухмыльнулся, представив, что его отец тоже по ночам мечтал стать пиратом, даже больше, чем моряком, которым всё же стал. Всё может быть. И правда, ну разве это ребячество, время от времени поиграть в пиратов?

Но это служило слабым оправданием для его второй зрелой половины, поэтому он позволял себе всего несколько минут игры за несколько часов.

А всё остальное время, когда сумки уже были сложены, он сдерживал свою излишнюю подвижность и старался держать рот на замке.

Мама Джеймса была внизу, на кухне, составляя вместе кастрюли и сковородки с такой силой, что это не могло быть не намеренно. Джеймс улыбнулся. Его мама всегда была потрясающей матерью, но готовка была её единственным слабым местом. Тут мальчик нахмурился: а почему мама занялась готовкой, если она, конечно, не забыла, что сегодня они собрались в Кенсингтонские сады¹. Он оставил чемодан открытым и сбежал вниз с лестницы, перепрыгивая через ступеньки.

— Мам, — позвал он, принюхиваясь к запахам на кухне. — Ты для меня готовишь?

Она вразвалку вышла из кухни, вся покрытая мукой, включая и большой из-за беременности живот.

— Да, Джеймс. А почему ты спрашиваешь?

— Ну, просто мы с папой сегодня собирались пообедать в Кенсингтонских садах.

Мать изменилась в лице, когда в кухню вошёл отец Джеймса — с перекинутой через плечо сумкой он выглядел как истинный моряк: гладко выутюженные светлые брюки, которые станут грязными и поношенными, когда он вернётся с другого конца света, коричнево-синий платок на плечах, а в карих глазах поблёскивал зов моря.

Джеймс нахмурился, и его пальцы потянулись к шее, начав накручивать на них прядь волос.

— Пап?

Моряк улыбнулся и взъерошил сыну волосы. Джеймс нахмурился ещё больше, оглядел отца с ног до головы и увернулся от руки.

— Зачем тебе сумка? — подозрительно спросил мальчик, пытаясь убедить себя, что то, о чём он подозревает, неправда.

Отец приподнял брови.

— Я сегодня отправляюсь вниз по Темзе. Ты ведь знал это, не так ли?

— Но я...

— Что ты?

Он открыл рот, чтобы сказать что-то другое, но после последнего вопроса весь сжался.

— Ничего.

Отец Джеймса грозно взглянул на сына, выдвинув челюсть.

— Не лги мне.

Следующую фразу Джеймс беззвучно проговорил вместе с отцом:

— С мальчиками, которые лгут, ничего хорошего не случается.

Джеймс почувствовал, как его затылка коснулись прохладные мамины пальцы, и с трудом сглотнул ком в горле.

— Я думал...

— Выкладывай, мальчик, — пророкотал отец.

— Ты говорил, что сегодня мы пойдём в Кенсингтонские сады, — произнёс Джеймс, не сводя глаз с тёмного пятна на полу.

— Я такого не говорил.

— Но это же ложь, отец!

Мальчик больше мог сдержать этот крик; казалось, каждая клеточка его тела взорвётся от эмоций.

Его отец сильно нахмурился, и это заставило Джеймса покраснеть.

— У тебя плохие манеры, Джеймс. Плохие манеры.

Кончик его носа подрагивал, как и каждый раз, когда отец был недоволен.

— Эдвард, — мягко произнесла мама, подходя ближе к мужу, но тот проигнорировал её, не спуская глаз с Джеймса.

Мальчик старался держаться, но слёзы всё равно потекли по щекам из уголков его глаз. Он поднял глаза и встретился взглядом с отцом.

— Я на две недели уезжаю в школу-интернат. И мой день рождения как раз совпадает с моим отъездом!

— Перестань, Джеймс. Я присутствовал практически на всех твоих днях рождения и

ещё погуляю на полусотне других впереди.

Из кухни потянуло дымом, и глаза Джеймса заслезились ещё больше, чем прежде. Он сморгнул, желая, чтобы слёзы исчезли. Мать сморщила нос и вытерла покрасневшие глаза, а потом оставила их наедине, бросившись на кухню. Вероятно, чтобы спасти дом от пожара.

— Так что насчёт Кенсингтонских садов?

Мужчина смягчился и притянул к себе мальчика, крепко обняв. Джеймс почувствовал запах соли и песка, постарался запомнить ощущение гладкой отцовской кожи на своей щеке.

— Перестань, парень. Ты ведь уезжаешь не навсегда. Это всего на пару месяцев.

Джеймс не хотел отпускать отца, даже когда тот попытался отстраниться. Мальчик боялся, что если он так сделает, отец просто исчезнет. Но мужчина всё-таки победил и разорвал объятия. Он опустился на колени перед сыном и провёл мозолистым пальцем по щеке, стирая слёзы.

— Обещаю, когда ты приедешь на каникулы, а я снова причалю к берегу, мы сходим пообедать в Кенсингтонские сады.

Джеймс хлопнул носом и медленно поднял глаза на отца. Его лицо светилось добротой, мужчина улыбался, но была в его взгляде какая-то грусть. Вокруг глаз залегли морщинки от улыбки, которую Джеймс так редко видел. Мальчик снова опустил глаза, стараясь сдержать предательские слёзы.

В тот момент Джеймс пожалел, что не увидит отца, когда тот снова ступит на берег. Таким, как в дни прибытия, отец нравился ему больше всего: короткие волосы отросли и начинали кучерявиться, лицо зарастало щетиной и пахло морем.

Отец взял сына за подбородок, чуть сильнее, чем следовало, и заставил посмотреть на себя. Джеймс сжал губы в тонкую полоску, противясь желанию уклониться от грубой отцовской ласки.

— Я горжусь тобой, сынок, — прошептал он. — Поезжай в Итон, стань человеком. Приложи все свои усилия. Стань во сто раз лучше, чем твой отец — бедный грязный матрос. И помни, мальчик мой, ты особенный.

Джеймс обхватил отца руками и сжал изо всей силы. Борьба со слезами была проиграна, и теперь он залил ими отцовскую рубашку. Но у мальчика уже не осталось в сердце места на сожаления.

Мужчина поцеловал его в макушку и произнёс негромко:

— Это не навсегда, сынок.

Потом он встал и направился на кухню, наблюдая за мамой Джеймса. У неё были круглые яркие щёки и блестящие серые глаза. Мужчина стёр пальцем муку с её лица и поцеловал жену в щеку, а когда он поцеловал её в губы, мальчик отвернулся, опасаясь, что мешает чему-то очень личному. Его отец что-то прошептал жене, опустился на колени и поцеловал её в живот. Затем послал Джеймсу извиняющуюся улыбку и распахнул дверь. Мать вздохнула, и устало вернулась к кухонной утвари.

Ланч для Джеймса был скучным и безвкусным. Он ел медленно, ковыряясь в тарелке. Его мать поджала губы и приподняла бровь, дотронувшись до его руки, и мальчик сразу почувствовал себя лучше.

— Ладно тебе, Джеймс. Он вернётся, не успеешь ты опомниться.

Мальчик вздохнул.

— Он не приедет на мой день рождения, даже открытку не сможет послать. Не сможет отвезти меня в школу-интернат и попрощаться, прежде, чем я навсегда уеду.

— Это не навсе...

— Но ведь такое может быть, — сказал Джеймс, сам понимая, что ведёт себя как избалованный ребёнок. Он кинул быстрый взгляд на мамин живот и тряхнул головой. — Он ведь даже не вернётся, когда ты будешь рожать.

У матери задрожали губы, и она заёрзала на стуле.

— Ну конечно он вернётся к тому времени.

Джеймс вздрогнул.

— Что значит «ну конечно»?

— Только то, что рождение ребёнка — это очень важное событие, и конечно твой папа будет здесь, когда придёт время рожать.

Мальчик почувствовал, будто ему дали под дых. Он поджал губы и встал из-за стола.

— Я больше не голоден. Если я тебе понадобится, буду наверху, в своей комнате, — выдавил он.

Мать попыталась погладить его по плечу.

— Ох, Джеймс, я не имела в виду...

Больше мальчик ничего не расслышал, потому что забежал наверх по лестнице, захлопнул дверь и бросился на кровать прежде, чем мать закончила говорить.

Мать так и не поднялась к нему, и мальчик был этому рад. Возможно, ей было слишком тяжело подниматься по лестнице, не будучи уверенной, что её приходу будут рады. Мальчик сидел на кровати, поглаживая гладкую золотистую шерсть Мэгги, желая, чтобы эти две недели уже закончились завтра, и, как никогда мечтая поскорее выбраться из этого места. Джеймс представлял, что кусочки и обрывки его снов были правдой, что он был капитаном наводящего ужас пиратского корабля, неважно, как бы он назывался. Сейчас он уже не мог этого вспомнить. А ведь с утра прошло ещё так мало времени.

Если бы он только был моряком, пиратом, он бы отправился на море со своим отцом, когда захотел, и возвращался бы в Лондон только сам того пожелав. Мэгги положила свою огромную голову мальчику на колени, и Джеймс знал, что она понимает все его проблемы.

— Ты ведь будешь здесь, когда я буду уезжать, правда, Мэгги? — прошептал он, почёсывая её за ухом. — Поможешь мне задуть свечи на праздничном торте.

Мэгги просто лежала и мурлыкала. Джеймс решил, что это было «да».

— Но ты ведь не сможешь пойти со мной в Кенсингтонские сады? А один я тоже не могу туда пойти, особенно в такой час.

Небо было тёмным, не считая луны и пары мерцающих звёзд. Смотря в окно из своей комнаты, на грани сна и бодрствования, у Джеймса родилась жуткая идея. То, что его отец назвал бы «плохими манерами». Джеймс ухмыльнулся и вскочил с кровати, сбросив Мэгги, которая громко шлёпнулась на пол. Затем он достал явно слишком большую, красную полинявшую куртку, которую он стащил из полусобранного отцовского чемодана, и набросил её на плечи. Следом примерил фуражку, которую тоже стянул у отца, и на цыпочках вышел из комнаты.

Обычно пол скрипел под его тяжестью, но сегодня половицы просто вопили. Не понятно, как только мать не проснулась. Ещё одна маленькая победа. Входная дверь маячила впереди, как знак, уговаривая её открыть. Мальчик крепко зажмурился, ожидая обычного пронзительного скрипа дверных петель. Но дверь открылась беззвучно, и Джеймс глубоко вдохнул и вышел на туманную улицу Лондона.

Она была пуста, за исключением нескольких заблудившихся прохожих и бездомных животных, которые придавали ночи жуткий оттенок. Туман опутывал его лодыжки, проникал в мелкие трещинки брусчатки, поднимаясь вверх по голени. Здесь пахло ночью: землёй, сыростью и темнотой. Джеймс засунул руки в карманы и опустил голову, стараясь изо всех сил не обращать внимания на туман, постоянный цокот копыт и проезжающие мимо экипажи. Он был уверен, что внутри не скрывается кто-то с дурными намерениями. Никаких Джеков-Потрошителей, психопатов или желающих его похитить. Это смешно. Мальчик выдавил смешок, дыхание облачком застыло во влажном воздухе, и прижался спиной к кирпичной стене магазина, чтобы ненароком не привлечь внимание не-похитителя.

Чем ближе он подходил к Кенсингтонским Садам (и чем дальше отходил от дома), тем темнее и страшнее становилась ночь. Мальчик как можно плотнее кутался в куртку и уже начинал жалеть о своей бунтарской вылазке. Сады были совсем рядом, и глупо было поворачивать сейчас назад домой. Шаги отдавались эхом, когда он подходил к Садам, а когда ускорил шаг, звуки слились в один сплошной топот. Джеймс подумал, что просто пересечёт ограду Кенсингтона, чтобы можно было смело сказать, что сегодня он тут побывал, а потом развернуться и пойти домой. Но когда он дошёл до изгороди, понял, что хочет большего. Больше всего на свете он хотел сейчас зайти внутрь, погрузиться в растительность и посидеть там в одиночестве, представляя, что рядом сидит отец.

Джеймс глубоко вдохнул, вошёл внутрь и остановился у пруда в центре сада. Он смотрел на него, растягивая момент, смотрел, как над водой поднимается туман. Острые травинки оплетали ноги мальчика, и он упал на них, наслаждаясь мягким прикосновением к шее и спине, и отчётливым запахом воды в воздухе. Он лежал там долго, не позволяя себе разрыдаться, и к своему удивлению понял, что и не хочет плакать. Слезы были просто ребячеством, реакцией ребёнка, а Джеймс уже чувствовал, что становится взрослым.

Выдающимся человеком, как сказал бы его папа. Истинным сыном своего отца.

Джеймс не верил, что он действительно сможет таким стать, но было приятно снова и снова об этом думать. К тому же, здесь, рядом с водой, его мечты казались более реальными. Будто он просто ждал, ждал, когда отправится в грандиозное путешествие. Рядом был не пруд. Это было море. И он не был школьником, он был моряком. Возможно, даже пиратом. Иногда мальчик представлял, что именно этим и занимается его отец во время своих поездок — ходит по морю, как настоящий пират. Может быть, когда-нибудь он даже возьмёт с собой сына, и тот сам всё увидит. Сидя в тишине и одиночестве, Джеймс уже был рад, что принял такое глупое решение прогуляться.

— Ты потерялся, мальчик?

Спокойный и властный, но ещё юный голос разорвал тишину и заставил Джеймса запаниковать. Он вскочил на ноги, пошатываясь на трясущихся ногах, и нервно поправил кепку.

— Не подходи! — закричал он, отступая назад.

Человек напротив слегка передвинулся, и Джеймс смог его рассмотреть. Он немного

расслабился, осознав, что этот человек — мальчишка немногим старше его, лет четырнадцати-пятнадцати. Его улыбка была обезоруживающей, а сам он был похож на эльфа — острые скулы, смеющиеся глаза и острые уши, торчащие в стороны.

Даже его одежда выглядела так, будто он только что спустился с дерева. С плеч небрежно свисал мох, листья различных форм и цветов, неумело сшитые вместе, были обёрнуты вокруг бёдер и туловища.

— Я тебя напугал? — спросил незнакомец, смеясь.

— Нет. Конечно, нет.

Джеймс ощетинился и выпрямился, стараясь казаться более зрелым, особенно перед этим своеобразным мальчишкой, разговаривая с которым Джеймс чувствовал себя одновременно и старше и младше.

Пруд позади него замерцал и запенился, и Джеймс готов был поклясться, что раньше такого не было, что точно было странно. Мальчику показалось, что он либо слишком устал, либо сошёл с ума. Третьего не дано.

— Думаю, ты врёшь. Уверен, ты был не в себе от страха, — протянул незнакомый мальчик.

Джеймс усмехнулся и задрал подбородок.

— Ну, думаю, с меня хватит. Я отправляюсь домой.

Второй мальчик оборвал смех и нахмурил брови.

— Так ты не потерялся?

— Нет. Я здесь намеренно. А ты потерялся?

— Да, — произнёс мальчик, подняв брови, — но я точно знаю, где я.

Джеймс нахмурился и закатил глаза.

— Не важно. Так кто ты такой?

— Я — Питер, — сказал мальчик, сдерживая смех. От его тона Джеймсу показалось, будто тот считает, что его все должны знать. — Питер Пэн. А ты?

— Джеймс Крюк, — ответил Джеймс, безуспешно пытаясь скопировать издевательский тон Питера.

— Забавная фамилия, — заметил Питер, сморщив нос.

— Не забавнее, чем Пэн.

Питер нахмурился, задумавшись.

— Наверно.

Затем он развернулся и припустил прочь, а на траве, куда ступали его ноги, оставались светящиеся следы.

Джеймс моргнул и потряс головой, пока свечение не исчезло. Он смотрел вслед Питеру, часть его желала пойти домой, а другая — отчаянно хотела побежать вслед за странным мальчиком вглубь парка. Он закусил щеку, переводя взгляд с удаляющейся спины Питера на ворота Кенсингтонского сада и вспоминая скучную, привычную домашнюю жизнь. В конце концов, безрассудная его часть победила. Джеймс рванул вслед за своим новым спутником.

— Что ты делаешь в Кенсингтонских садах посреди ночи, Питер Пэн? — спросил Джеймс, спотыкаясь в попытке догнать мальчика.

— Ничего. Просто общаюсь с феями, ищу Потерявшихся Мальчиков. И кажется, ты не один из них.

— С феями? — Он остановился рядом с Питером, упёрся руками в колени и согнулся, стараясь выровнять дыхание. — Ты что несёшь?

— Уверен, ты знаешь о феях, — ответил Питер со снисходительным смешком; его огромные глаза горели, брови сошлись вместе. Он почти смеялся над Джеймсом и показывал пальцем.

Челюсти Джеймса сжались. Он терпеть не мог задир. Это было ужасным качеством. А особенно он не мог их терпеть, когда они задирали его. Но ему надо было ответить на вопрос Питера, потому что... Что ж, он и сам не знал, почему. Может, он по-прежнему хотел его впечатлить.

— Ну конечно, я читал о них в книгах, но это книги для детей.

— А ты не один из них? — спросил Питер, рассеянно оглядываясь и задевая рукой листья и ветки деревьев.

— Один из кого? — уточнил Джеймс.

— Ты не ребёнок? — спросил Питер, снова взглянув на Джеймса.

Джеймс приподнял брови. Пэн точно не учился в Итоне. Хотя, это не так много и значило, но Джеймс уже открыл рот, чтобы сказать, что он, конечно же, «не ребенок». А потом вспомнил, как всего несколько часов назад краснел, как бурак, и старался сдержать слёзы. Он снова сжал губы.

— Полагаю, я «ребёнок».

— Отлично, — преувеличенно радостно вздохнул Питер.

— Не вижу в этом ничего отличного.

— Ну, если бы ты не был детьми, я не мог бы с тобой говорить.

Питер сказал это, как нечто само собой разумеющееся, будто никто не общается с людьми, если они уже не дети.

Джеймс вздохнул и потряс головой, тёмные волосы растрепались. Мальчик попытался разобраться в происходящем. В первое мгновение ему показалось, что связаться с кем-то вроде Питера было самым быстрым способом во что-нибудь вляпаться и оказаться на первой полосе Лондонской газеты. Пэн Потрошитель. И что он скажет апостолу Петру у ворот?

«Да, сэр, полагаю, меня недавно убили, когда я последовал ночью в тёмный лес за своим явно невменяемым новым знакомым с одеждой из листьев и растительности».

Но всё же что-то внутри Джеймса говорило ему игнорировать эти тревожные звончки. Ведь ни у кого не бывает приключений, пока не отбросишь размышления и не решишься.

Поэтому вопреки здравому смыслу, идя навстречу своей жаждущей приключений половине, он всё дальше бежал за Питером в парк, мимо пруда, мимо аккуратно подстриженных лужаек вглубь леса. Джеймс никогда не заходил так глубоко, туда, где ветви деревьев становятся ветвистее, а тени темнее.

— Куда ты бежишь, Питер?

— Увидеть фей.

— Это всё чепуха, — ответил Джеймс. В голове всё громче звучали тревожные звончки, но ноги отказывались это признавать, и мальчик всё дальше углублялся за Питером в рошу.

— Не думаю, — не согласился Питер, и Джеймс обиделся.

— А я думаю!

Питер остановился и уставился на него, будто это Джеймс был ненормальным, а не он.

— Почему ты так упираешься?

Джеймс моргнул несколько раз.

— Я не верю в...

Внезапно Питер подскочил к нему и закрыл рот рукой.

— Ш-ш-ш.

Джеймс выпучил глаза и застыл на месте.

— Не говори так. Никогда так не говори. Когда дети говорят, что не верят, где-то падает замертво фея. А ты ведь дети, не так ли?

Джеймс яростно кивнул.

— Тогда никогда больше этого не произноси, Джеймс Крюк. Пообещай мне.

И он убрал руку.

— Обещаю.

Питер сразу изменился в лице, появилась широкая радостная улыбка, и он припустил дальше, а Джеймс побежал вслед за ним, пока они не скрылись за деревьями.

Внезапно Джеймс остановился, широко раззинув рот и уставившись на деревья. Он отступил назад, глаза заметались из стороны в сторону, а на лице возникла широченная недоверчивая улыбка. Вокруг мелькали и прыгали мелкие огоньки, то прячась в тени, то вылетая обратно. Питер поднялся на цыпочки, и огоньки заметались вокруг него, светились на кончиках его пальцев, носа и ярко-рыжих прядях.

Один или два огонька приблизились на пару сантиметров к Джеймсу, и он заставил себя остаться на месте, не отшатнуться. Всё его восприятие мира стремительно рушилось. Он громко засмеялся, когда услышал лёгкие звон колокольчиков, и вытянул руки, растопырив пальцы.

Может, он и сошёл с ума. Может, его новый знакомый был ненормальным. Но в тот момент это не имело никакого значения. Ведь сегодня ночью он увидел фей, и был абсолютно уверен, что снова хочет их увидеть.

Глава 2

Большинство ночей после этой прогулки, а точнее четыре, Джеймсу удалось встретиться с Питером в Кенсингтонских садах. Он научился избегать всех скрипучих половиц, пока быстро спускался вниз, и всегда умудрялся вернуться прежде, чем его мама узнает, что он не ночевал дома. Беременные женщины вообще склонны ничего не замечать.

Одной особенно тёмной ночью в конце недели, Джеймс лежал на траве рядом с Питером. Крона дерева скрывала их от посторонних глаз, а вокруг летали феи. Тогда Питер задал ему вопрос, который никогда не задавал прежде.

— Сколько тебе лет, Джеймс?

Питер рассеянно провёл руками по длинной, отсвечивающей синевой траве. Джеймс повернул голову и взглянул на собеседника.

— Завтра мне будет тринадцать.

Питер повернулся к Джеймсу и нахмурил брови.

— Будет?

— Да. Завтра у меня день рождения.

— Какой ужас, — произнёс со страданием в голосе Питер.

Джеймс сел на траве и нахмурился.

— Что значит «ужас»?

Кровь прилила к щекам, и он был рад, что вокруг было темно.

— Ужас, что ты растёшь, конечно, — ответил Питер, сядя рядом с Джеймсом и покачав головой, будто был чем-то очень расстроен.

Джеймс нахмурил брови. Он всегда боялся, что слишком мал для того, чтобы водиться с более взрослым и более интересным мальчиком, как Питер. Конечно, когда он был мал, он был слишком мал, но теперь, когда он был старше, он был слишком старше.

— Я не понимаю, — произнёс он. Взросление — это то, что происходит с каждым, желает того Питер или нет.

— Взрослеть — это ужасно. Ужасно становиться мужчиной.

Питер передёрнулся, произнеся последнее слово, и уставился на звёзды, а феи летали вокруг него, разгоняя тьму.

— Не понимаю, почему ты так говоришь. Вот я, например, очень этого жду.

Питер резко вскочил на ноги и с ужасом посмотрел на Джеймса.

— Ты сошёл с ума? Кто вообще в здравом уме захочет повзрослеть?!

Джеймс отшатнулся, его уши покраснели. Он никогда не задавался этим вопросом. Взросление было его мечтой столько, сколько он себя помнил, и он никогда не спрашивал себя, почему. Он просто этого хотел.

— Ну, хм, я думаю, стать взрослым — это замечательно. У меня будет жена и собственные дети. Я смогу познавать мир и покорять моря.

Питер смотрел на него так, будто впервые увидел. Длинная тень упала на лесок, и Джеймс поплотнее закутался в куртку.

— Чепуха. Когда ты вырастешь, то навечно попадёшь в ловушку. Вот я никогда не стану взрослым. Я хочу всегда оставаться маленьким и веселиться.

Он решительно кивнул, и прядь волос упала ему на глаза.

Джеймс засмеялся и поднялся с покрытой росой травы, заставив взлететь нескольких

фей.

— Ну, это, конечно, всё хорошо и чудесно, но однажды тебе придётся вырасти, Питер. Все вырастают.

— Не правда.

— Правда. Вот посмотри на себя. Ты уже на половину взрослый. Ты, по меньшей мере, на дюйм выше меня, и твой голос скоро изменится и погрубеет. А сколько тебе вообще лет?

— Точно не скажу, — Питер взмахнул рукой и закатил глаза.

Джеймс покачал головой, удивляясь необычности и своеобразности Питера.

— В любом случае, — продолжил Питер, сложив руки на коленях, — вряд ли я «на половину взрослый». Я мальчик, и всегда им останусь.

Джеймс хмыкнул и начал наблюдать за летающими над головой феями, освещающими листья деревьев.

— Думаешь, я шучу?

Джеймс засмеялся и дотронулся до фиолетового цветка на одной из ближайших клумб.

— Думаю, ты чокнутый.

Питер прищурился и уставился на Джеймса с полуулыбкой.

— Знаешь, я могу это доказать.

— Доказать?

— Да, я отведу тебя туда. В место, где ты никогда не вырастешь.

— Звучит заманчиво, — саркастически заметил Джеймс.

Питер отвёл руки в стороны, громко прочистил горло, а затем его ноги оторвались от земли и он завис в воздухе приблизительно на уровне трёх футов от земли. Джеймс подскочил, громко выдохнул и отступил назад.

— Что... Что ты... Как это?..

— А, это? — спросил Питер, положив подбородок на толстую ветвь дерева. Он ухмыльнулся, страшно довольный собой. — Я постоянно так развлекаюсь в Нетландии.

— Этого не может быть.

Не может. Джеймс моргнул раз, второй, третий. И каждый раз, открывая глаза, он видел ухмыляющегося, зависшего в воздухе Питера. Джеймс уже всерьёз задумался о том, что он сходит с ума. И придётся ему свой тринадцатый день рождения отмечать в психушке, что его не очень радовало.

— Может-может, — ответил Питер.

Над его головой кружились феи, а Джеймс просто стоял на траве, уставившись на мальчика, и прохладный ветер трепал его кучерявые волосы.

И когда Джеймс начал осознавать, что всё происходящее реально, внутри него начал разрастаться страх. У него спёрло дыхание от того, что, что мальчишка напротив продолжал летать над землёй. Конечно, это было не так странно, как существование настоящих фей. Но для того, чтобы смириться с присутствием этих крохотных существ, Джеймсу понадобилось несколько дней. Сколько же теперь он будет привыкать к летающему мальчику?

Джеймс присел на траву, ноги вдруг перестали его держать.

Через несколько минут, в течение которых Джеймс сидел без движения, а Питер делал сальто, летал зигзагами или вытворял другие акробатические трюки (ведь просто висеть в воздухе — не интересно, по его разумению), Джеймс пошевелился.

— Ты сказал «Нетландия»? — прошептал он.

— Да, Нетландия. Там, где ты никогда, никогда не вырастешь.

— И где она? — спросил Питер, одновременно чувствуя себя и глупо, и заинтересованно.

Питер указал на сверкающее звёздами небо, на что-то, что Джеймс не смог рассмотреть. Интересно, это из-за облаков, густо сплетённых ветвей деревьев или он просто не знает, на что смотреть?

— Направо — второй поворот, и прямо, пока не настанет рассвет.

Джеймс вскинул голову к звёздам, сбитый с толку, губы приоткрылись в немом вопросе.

— Это хорошее место? — поинтересовался он, всё ещё ничего не замечая в тёмном небе. И какая же из этих звёзд та самая «вторая направо»?

— Я имею в виду, это место, где хотел бы жить любой мальчишка? Или, по крайней мере, съездить на время?

— Ну конечно! — заявил Питер.

— Это место полно фей и русалок, приключений и пиратов!

— Пираты? — воскликнул Джеймс, подняв глаза, чтобы встретиться взглядом с Питером. Этой последней фразой Питер его зацепил. В конце концов, мальчик мечтал о пиратах всё своё детство.

— Конечно. Наш Испанский Мэйн полон неуклюжих, тупых, взрослых пиратов. Я лично убил их не меньше десятка.

— Испанский Мэйн? — произнёс Джеймс, запрокинув голову. Эти слова казались ему очень знакомыми, больше, чем должны были. А ещё он почувствовал скользкого, извивающегося червя беспокойства внутри, но не мог ронять, почему. Будто причины были серыми и размытыми, и он никак не мог их ухватить.

— Да-а, — протянул Питер, и Джеймс постарался не обращать внимание на беспокойство, потому что Питер и так смотрел на него с неодобрением.

— Да, конечно. Я просто решил, что ослышался.

Джеймс помялся в нерешительности, заламывая руки.

— Ты говорил, что убил их? — Джеймс озабоченно нахмурился.

Питер закатил глаза.

— Это пираты, Джеймс Крюк. Это не то же самое, что убить обычного человека.

Джеймс закусил губу и задумался. Питер был значительно старше него, и он явно знал много о вещах, в которых Джеймс абсолютно не разбирался. Возможно, убийство пиратов было одним из них.

— Но, убийство? Не думаю, что смог бы убить человека, даже если бы он был пиратом.

«Особенно, если бы он был пиратом», — подумал Джеймс, но решил, что вслух это произносить не разумно.

— Ну, я бы в любом случае не доверил тебе убийство пирата. В тебе всё ещё слишком много лондонского.

Джеймс отпрянул, не уверенный, что имел в виду Питер, но чувствуя, что это было что-то оскорбительное.

— Я не думаю...

— Нравится тебе или нет, мы постоянно так поступаем.

Питер махнул рукой и прислонился к ближайшему дереву, разогнав всех фей вокруг.

Джеймс нахмурился, изо всех сил стараясь сфокусироваться на правилах поведения. Он знал, что люди, учащиеся в Итоне, придерживаются определённого кодекса относительно убийств. Но каждый раз, когда он запрещал себе думать о том, чтобы решиться на авантюру,

его взгляд натыкался на парящего ухмыляющегося Питера и фей.

— Из этого места можно вернуться обратно? — спросил Джеймс.

— Конечно. Я и сам родился в Лондоне. А сейчас путешествую туда-обратно, когда пожелаю.

Джеймс поднял удивлённо брови и шагнул к Питеру.

— Ты родился здесь? В Лондоне?

Питер посмотрел на пруд поверх плеча Джеймса.

— Я рос прямо тут, в Кенсингтонских садах, с феями. Пока однажды не решил, что больше не хочу.

«Пока однажды не решил, что больше не хочу».

Джеймс закусил губу. Интересно, а действительно ли можно просто «не захотеть»? Впервые в жизни Джеймс задался вопросом, а правда ли он хочет стать взрослым.

— И тогда появилась мечта о Нетландии. И с тех пор я могу летать туда и сюда, когда захочу.

Джеймс начал считать, что предложение этого мальчишки, и его обещания, и пираты, и приключения — всё это детские фантазии. Но уже через минуту он задавал следующий вопрос:

— И ты можешь взять меня с собой? В Нетландию?

Питер внимательно на него посмотрел, пощипывая подбородок и разглядывая своими завораживающими зелёными глазами.

— Возможно.

Начинало светлеть, и Джеймс поднялся на ноги, понимая, что они будто приросли к земле. Он разрывался между тем, чтобы остаться в Кенсингтонских садах, чего страстно желал, и тем, чтобы пойти домой, как и должен был.

— Мне пора идти, Питер.

— Ну, тогда иди. Но завтра я уже улетаю домой. Найдёшь меня, если захочешь.

Сказав это, Питер упорхнул прочь, а Джеймс поплёлся домой с полной головой глупых фантазий. Его мысли были в полном беспорядке, а внимание настолько рассеянно, что он даже не заметил, как зашёл в спальню и забрался под одеяло. Находясь где-то между сном и бодрствованием, он не мог думать ни о чём, кроме таинственного волшебного места, где мальчики всегда остаются мальчиками, сражаются с пиратами, резвятся с феями и плавают с русалками.

Но, наконец, сон сморил его.

Его последней мыслью перед пробуждением, как и всегда, была мысль о его пиратском корабле, полном головорезов. Там был и мужчина с золотым зубом, и толстяк с мягкой улыбкой, и ещё один с рыжими волосами, и великан с татуировками. И огромная каюта, полная золотых кубков, наполненных чем-то, что ему определённо нельзя было пить.

А вот первая мысль после пробуждения была совсем иного рода. Он проснулся, задаваясь вопросом, а не сменить ли ему его чёрные кудряшки на ярко-рыжие прямые

волосы. Это было глупо, поэтому мальчик сразу решил об этом забыть. И вторая мысль была тоже не о Питере. Каждый уголок в доме заполнял запах пирога, что было пусть и неожиданно, но очень приятно. Джеймс спустился по лестнице на кухню как был, в пижаме, где его мама доделывала последние штрихи на торте. Мальчик поверить не мог, что она его испекла. Мама просияла, когда увидела сына.

— С днём рождения, Джеймс!

Мать поставила восхитительный торт прямо перед ним.

Связанное с тортом счастливое настроение улетучилось.

Что... как? Ужасно? Прекрасно? Джеймс и сам не мог понять, что он чувствует. Но его мать, казалось, не заметила появившееся несчастное выражение на его лице.

Настроение чуть-чуть поднялось, когда мальчик осознал, что в честь дня рождения мама разрешит съесть на завтрак кусок торта. Это определённо было удачей. Поэтому Джеймс нашёл повод улыбнуться, съесть праздничный пирог и притвориться, что не имело значения то, что он стал на год старше, на год ближе к зрелому возрасту. Раньше бы он сказал, что это замечательно, но сейчас Питер заставил его думать, что не будет с ним разговаривать, если Джеймс перестанет быть ребёнком.

Весь остаток дня Джеймса терзали сомнения и противоречия. С одной стороны, Нетландия выглядела потрясающим местом, а Питер уверил мальчика, что навсегда останется ребёнком — лучшее, что может произойти. С другой стороны, Джеймс действительно хотел вырасти, стать мужчиной и совершать поступки, свойственные взрослому человеку. Эх, если бы ему не надо было принимать решение сегодня вечером!

Он поплёлся в свою комнату и рухнул на кровать, положив голову на брюхо Мэгги. Если он уйдёт, то будет очень скучать по Мэгги и по маме с папой. Джеймс был уверен, что они тоже будут по нему скучать. Вечность — ужасно долго, чтобы по кому-то скучать.

И вдруг его осенило. Питер ведь никогда прямо не упоминал, что переселение в Нетландию — это навсегда. В конце концов, Питер Пэн перемещался туда-обратно. Может, он сможет поехать туда просто на каникулы, пока не начнётся семестр в Итоне. Ведь это разумно? Конечно, у мамы будет истерика, но она вскоре всё забудет. Если честно, неделя или две домашнего ареста стоили ожидавших его громадных приключений, если он, конечно, согласится на предложение Питера. Джеймс вскочил, заставив Мэгги залаять, и бросился к окну, ожидая, когда же наступит ночь, сильнее, чем всегда, желая поскорей попасть в Кенсингтонские сады.

Когда он добрался туда, то довольно быстро нашёл Питера, направившись туда, где они проводили каждую ночь, к Лесу Фей.

Питер, Питер, я здесь! — прокричал он, вдыхая запах сырой земли в Садах.

— Вижу, — кивнул Питер, больше никак не реагируя на его появление.

— Ты сегодня уходишь?

— Да. Уже скоро.

Фей крутились и мелькали вокруг Питера, резвясь в тумане, на его волосах, разгоняя

окружающую тьму. Джеймс вновь, как и раньше, захотел, чтобы феи уделяли ему больше внимания.

— Думаю, я хочу с тобой, — произнёс Джеймс, повернув голову и широко улыбаясь маленькой одинокой фее, примостившейся на его плече.

Питер повернул голову в его сторону.

— Уверен?

Джеймс потёр руками плечи в поношенной рубашке, пытаясь унять холод. Он возбуждённо ходил взад и вперёд, избегая смотреть на Питера.

— Ну, я подумал, что могу отправиться туда просто на выходные. Ненадолго. Если ты не против.

Питер минуту молчал, пощипывая подбородок большим и указательными пальцами, и отогнал фею, мельтешащую у него перед лицом и мешающую думать. Джеймс нервно переминался с ноги на ногу.

— Не против. Ну что ж, тогда вперёд, в Нетландию!

Джеймсу показалось, что он сейчас грохнется в обморок от волнения.

— А как мы туда попадём? — внезапно перестав дышать, спросил он.

Питер запрокинул голову и захохотал.

— Ну, конечно, мы полетим.

Джеймс скривился, не понимая, шутит Питер или нет.

Питер перестал смеяться и поднял брови.

— Ты ведь умеешь летать, разве нет?

Джеймсу вдруг стало стыдно без всякой объективной причины.

— Я... Не думаю, что умею...

— Все умеют летать, Джеймс!

Питер скрестил руки на груди и облокотился на сплетённые ветви дерева.

— Но я не умею!

Питер покачал головой и возвёл глаза к небу.

— Вы — Потерянные мальчики — ничего не можете сделать сами. Никакой сообразительности, ни у одного.

Джеймс хотел сказать, что он не Потерянный мальчик, но решил, что лучше промолчать. Он был слишком занят, наблюдая за Питером, чтобы ввязываться в спор. А Питер тем временем подлетел к верхушке ближайшего дерева и что-то прошептал в ветви. Из них вылетел маленький огонёк и полетел к Джеймсу, который просто стоял, потому что не знал, что ещё делать. Этот огонёк, конечно же, оказался феей, которая подпрыгивала над Джеймсом в воздухе, и с её крыльев на голову мальчика упало немного волшебной пыли. Джеймс чихнул.

«Интересно, а может ли быть аллергия на волшебную пыль? Нет, дурацкий вопрос».

Джеймс решил не произносить его вслух.

— И что теперь? — спросил Джеймс, стоя по стойке «смирно». — Теперь подумай о самом счастливом событии в твоей жизни. Затем разбегись и просто взлети в небо.

— И всё?

— И всё. Любой на такое способен.

Джеймс скривился и оперся подбородком о скрещенные руки, из всех сил стараясь найти в мыслях счастливое воспоминание. И не просто счастливое, а самое счастливое. Он ни в коем случае не хотел разочаровывать Питера. И тут в памяти всплыло лицо. Лицо отца,

вернувшегося из плавания. Усталое, заросшее щетиной, но улыбающееся, с расходящимися от уголков глаз морщинками. Низкий баритон, рассказывающий о приключениях на море, убаюкивал Джеймса. А затем, как само собой разумеющееся, Джеймс осознал, что висит прямо напротив верхушки дерева.

Джеймс просиял:

— Мне даже не пришлось брать разбег!

— Действительно, не пришлось.

Питер поджал губы и пожал плечами:

— Как и мне, конечно же.

Джеймс вздёрнул бровь, но в итоге решил проигнорировать это довольноглупое уточнение. Он был слишком рад своему новообретённому умению.

— А теперь — за мной! — прокричал Питер, с треском вырываясь вверх через ветви деревьев.

Джеймс быстро и довольно неумело полетел за ним. Его не надо было подгонять. Он жутко боялся отстать где-нибудь посреди Атлантики или любого другого океана волшебной страны, над которыми они будут пролетать, поэтому неотрывно следовал за Питером, уверенный, что хоть так ему не грозит потеряться.

Джеймс был тенью, следовавшей прямо за Питером. Он улыбался, несмотря на страх, наслаждаясь волнующим ощущением обволакивающего его тело воздуха и невесомости, влекущей его вверх, к небу.

Казалось, полёт занял вечность, а может, так оно и было. Как маленькие птички, они летели сперва над Лондоном, а затем над местами, которые Джеймс не мог опознать. Местами, наполненными цветами и всполохами света, местами, заставляющими его то чувствовать, что он вот-вот упадёт, то ощущать, будто пробирается сквозь мокрые пески. А вот Питеру это всё было не в новинку. Он нырял и выныривал из облаков, огибал вершины гор и бог знает чего ещё, будто постоянно только это и делал. Скорей всего, так оно и было.

Время от времени Джеймс начинал уставать, но в эти моменты либо его обволакивало облако, либо Питер тряс его за плечо, и он становился бодрее. Его лёгкие горели, а руки и ноги, казалось, отвалятся, хотя он ими и не сильно махал, когда Питер вдруг остановился и издал радостный возглас.

Джеймс остановился прямо позади Питера, ведь это было единственным, что он мог сделать, и кинул взгляд вниз. От удивления у него открылся рот, а глаза вылезли на лоб. Там, в сотнях футов под ним, простирались огромные джунгли, в которых кипела жизнь, и то тут, то там виднелись оазисы. На краю леса бал залив, переходящий в бирюзовое море, а на его волнах качался большой, устрашающего вида пиратский корабль. С такой высоты Джеймс еле мог его разглядеть, но при одном взгляде на корабль что-то защемило в груди.

— Это... Это... Это она?!

— Да, Джеймс. Это она. Это Нетландия.

Джеймсу пришло на ум, что приземление при ночных полётах ещё не было тем, в чём преуспел, поэтому он прицепился к Питеру во время снижения. Его руки и ноги дрожали, когда они спускались на землю, это странное ощущение головокружения заставляло его желудок кувыркаться от ужаса и волнения одновременно. Спустя минуту, ребята легко приземлились на почву гигантского, мерцающего леса Нетландии.

Джеймс пытался скрыть свои широко открытые глаза и неистовое мотание головой, но понял, что хочет смотреть всюду сразу. На деревья, чьи листья были всеми видами постоянно меняющихся оттенков фиолетового, розового и синего. На небо, настолько глубокое и темное, что тысячи звезд выделялись ярким блеском. На луны, три из которых он мог различить. Воздух здесь был настолько лёгким, что ему казалось, будто его тело могло воспарить вверх, если бы он отвлёкся, и мог поклясться, что чувствовал вкус воздуха на своём языке. Слабый оттенок ванили и веянье имбирного печенья. Он с любопытством облизал губы.

— Я думаю, Потерявшиеся Мальчики появятся с минуты на минуту, — сказал Питер.

Джеймс встал прямо и отряхнулся, демонстрируя манеры, которыми гордилась бы его мать, не обращая больше внимания на воздух вокруг него.

Питер странно посмотрел на Джеймса и сложил руки рупором у рта, имитируя крик ворона, который эхом отозвался среди деревьев. Казалось, будто в этот самый момент вся Нетландия оживилась. Треск и грохот доносились от стволов деревьев, а завывания и чирикание сменили тишину ночи. Листья трепетали и шелестели, неистово меняя цвет с пурпурного на золотой, зелёный, розовый, будто бы были настолько взволнованны, что не могли решить, каким сезоном хотят быть, и всё вокруг них засияло, когда феи спустились с верхушек деревьев, чтобы порхать вокруг Питера. Джеймс подумал, что никогда не видел ничего прекраснее в своей жизни.

Одна фея, особенно радостно летала вокруг головы Питера, приземляясь на него, и взволнованно болтала, что для Джеймса звучало просто как бешеный звон колокольчиков. Он не говорил на фейском языке, но сейчас очень хотел бы этого.

— Джеймс, это моя фея.

Она скользнула к нему, остановившись перед его лицом и осматривая его беглым взглядом, а Джеймс широко улыбнулся, отчаянно желая, чтобы она осталась. Но она поспешно вернулась дальше беспокоиться о Питере, который, казалось, очень наслаждался всем этим вниманием. Он лучезарно улыбнулся, и его волшебные создания засияли так, какими их Джеймс ещё никогда не видел.

Затем между деревьями раздался грохот. Джеймс инстинктивно отпрянул назад, не привыкший к темноте, волшебным деревьям, и вещам, грохочущими в них по кругу. Питер снова сымитировал крик ворона и взмыл высоко в воздух прямо за своей феей, затем снова опустился вниз, как раз тогда, когда группа мальчишек выстроилась перед ними.

— Питер! — воскликнули они одновременно. — Ты вернулся!

— Точно.

Они были очень неуклюжи и просто толпились вокруг, каждый пытаясь дотянуться до Питера первым. Питер улыбнулся одним уголком рта, но очень быстро чрезвычайно посерьёзnel, принимая в воздухе стойку сержанта:

— Мальчишки! Пооостроились!

Ребята встали в линию перед Питером, все стояли совершенно неподвижно. Джеймс прикусил губу, неловко стоя там, и не совсем уверен, что делать с самим собой. Питер заложил руки за спину и прохаживался взад и вперед перед строем, внимательно осматривая каждого мальчика. Джеймс не имел ни малейшего представления зачем. Он подозревал, что ни Питер, ни кто-либо из мальчишек тоже не знали этого.

— Потерявшиеся Мальчишки, у нас есть новобранец. Это Джеймс Крюк, Потерявшийся Мальчик, которого я нашел в Кенсингтоне.

Услышав титул, Джеймс нахмурился. Он думал, что совершенно ясно дал понять, что он был больше «Мальчишкой на Выходных», чем «Потерявшимся», но он решил не напоминать об этом.

— Он старый! — крикнул самый маленький мальчик.

Питер обернулся к нему и посмотрел в лицо. Этого было достаточно, чтобы почти тотчас же заставить его замолчать:

— Теперь кричите!

Первый на очереди был высокий, застенчивый, немногим на дюйм выше Питера.

— Биббл! — крикнул он.

Следующий, он мог бы быть близнецом Биббла, но казался короче его, потому что горбился, крикнул:

— Боббл!

Следующий:

— Чуточка!

Джеймс подумал, что имя этого мальчика было ироничным, поскольку в нём не было ничего небольшого.

Следующий, весь покрытый огромным количеством веснушек, закричал:

— Симпкинс!

И последний, тот малыш, сделавший замечание по поводу возраста Джеймса:

— Шалун!

Джеймс стоял там, моргая, и не имея ни малейшего понятия о том, что сейчас произошло. Это звучало для него так, как будто мальчишки просто выкрикнули первые попавшиеся бредовые слова, которые пришли им в голову.

— Ну? — сказал Питер, повернувшись к Джеймсу и сложив руки на груди.

— Что ну?

— Что значит «что»? — Питер сузил глаза.

Джеймс протянул руки в воздух:

— Что я должен делать?

Питер покачал головой и уставился в землю:

— Как я уже говорил, вы Потерянные Мальчишки... Маловато мозгов у многих из вас. Встань в ряд к остальным. Когда я скажу — «Кричи!», ты крикнешь.

Джеймс сделал так, как было велено, но это очень смущало, потому что у него не было ни малейшего понятия о том, что он должен был сказать, когда прозвучит «Кричи». Это смущение усилилось, когда он понял, что ему придется стоять впереди всех, поскольку был выше Потерянных Мальчишек (хотя догадывался, что Биббл был немного старше, но все же). Он занял свое место, и Питер крикнул:

— Кричи!

Джеймс заёрзал и посмотрел на мальчишек, а затем снова на Питера и сказал первый бессмысленный набор слов, который пришёл ему в голову:

— Буфин!

Всю компанию распирал приступ смеха, но они тут же прекратили, заведя гневный взгляд на лице Питера. Он очень близко подошёл к Джеймсу и состроил такую гримасу, что стал похож на собственную карикатуру.

— Что ты сказал, Джеймс Крюк? — прошипел он.

Джеймс моргнул и отшатнулся. Он никогда не видел Питера таким, с малиновым лицом и настолько сильно суженными глазами. Он никогда не видел Питера в каком-либо другом состоянии, кроме радостного.

Питер медленно приближался к нему, и от этого на затылке волосы становились дыбом.

— Я не был уверен, что должен был сказать. — Джеймс смотрел на землю, сосредоточившись на дыхании, и запрещая сердцу останавливаться.

Питер закатил глаза:

— Дураки все вы! Когда я говорю: «Кричи», ты скажешь своё имя. Никакой чепухи вроде «Буфин» в моих рядах.

Джеймс сделал глубокий вдох и ощутил привкус ванили на языке. Он старался казаться выше и ровнее перед ходящим взад и вперёд Питером. Затем тот повернулся в сторону мальчишек:

— Кричи!

— Джеймс!

— Биббл!

— Боббл!

— Чуточка!

— Симпкинс!

— Шалун!

Питер улыбнулся:

— А теперь, Джеймс, если ты хочешь быть одним из Потерянных Мальчишек, тебе надо следовать нескольким правилам.

Джеймс кивнул, прогоняя из головы смущающую мысль о том, что Питер продолжал обращаться к нему, как к Потерявшемуся Мальчишке в более долгосрочном понимании этого слова, чем то, о чём они изначально договаривались.

— Номер один, тебе запрещено знать вещи, которых не знаю я.

Джеймс нахмурился, неуверенный, как именно он должен был выполнять это правило. Он готовился поступить в Итон, но даже только поступающие знали очень много вещей, о которых, он был совершенно уверен, не знал Питер. Он всё равно кивнул, желая казаться подходящим.

— Номер два, — сказал Питер, расхаживая туда-сюда и тыча пальцем в воздух, — тебе запрещено быть выше меня.

Это казалось справедливым правилом. Поскольку он планировал оставаться тут неделю, максимум две, то не планировал становиться выше, пока был тут.

— Последнее и самое важное, — Питер понизил голос и заговорил скороговоркой так, что Джеймсу пришлось прислушиваться, чтобы услышать, о чём тот говорил, — ни в коем случае не расти.

Потерявшиеся мальчики зашумели, выражая своё восторженное согласие. Джеймс

серьёзно кивнул, думая, что и это правило было не так уж сложно соблюсти, так как рост не входил в его планы на этой неделе.

— Можешь ли ты следовать всем этим правилам, Джеймс Крюк?

— Могу.

— Ты торжественно клянешься не расти любой ценой? — спросил Питер, приблизившись к Джеймсу на волосок от его носа.

— Я торжественно клянусь. — Джеймс очень надеялся, что Питер не заметит, как дрожат его руки, или какая-то другая часть тела.

— Тогда, — сказал Питер, широко улыбаясь, — добро пожаловать в наши ряды!

Джеймс расплылся в большой улыбке, почти превосходящую улыбку Питера, при этом сообщении. Остальные, как он заметил, ничего подобного не сделали, каждый из них, кроме Биббла, демонстрировал холодное безразличие, скрестив руки, глядя вниз, и только кончики их носов, даже самого младшего, были направлены на него. Биббл, по крайней мере, повернулся к нему и протянул руку. Джеймс пожал ее и подумал, что хоть что-то здесь было прилично.

— Итак, — беспечно спросил он, полный решимости насладиться всеми возможными приключениями, которые только можно было успеть до конца недели, — чем займёмся для начала?

— Первым делом... — Питер торжественно остановился.

Джеймс подумал, что, возможно, это потому, что у Питера не было ни малейших идей, чем заняться, но промолчал, не желая уже нарушить первое правило.

— Первым делом будет следующее: как много бродящих хулиганов, морских собак и пиратов вы видели в последнее время, ребята?

— Слишком много! — ответили мальчишки хором.

— А что мы ненавидим больше, чем их?

— Ничего!

— Тогда, мальчишки, сегодня ночью мы убьём пирата.

Джеймс с трудом сглотнул, сердце уверяло его, что это было преувеличением, а желудок шептал, что сердце врёт.

Было неописуемо дико и тревожно видеть мальчишек лет пяти, раскрашивающих себя, готовясь к бою. Джеймс чувствовал себя нехорошо при мысли об этом, и у него всё ещё была тень сомнения, что, быть может, они лишь притворяются, но, тем не менее, позволил раскрасить себя. Они дали ему небольшой кинжал и размазали глину на его лице в виде волнистых линий и узоров. Можно только представить себе, что бы сказала его мать, если увидела бы его.

— Пошли, войско. Пришло время навестить Испанский Мэйн.

Джеймс почувствовал крошечный толчок искры осознания в груди, но она была расплывчатой и быстрой, исчезнув до того, как он мог полностью сосредоточиться на ней.

Они подкрадывались прямой и молчаливой линией сквозь листву, все кроме Биббла и Боббла, которые ползли друг с другом рядом. Некоторые из мальчишек держали ножи во ртах, а у других были привязаны луки за спинами.

Джеймс заворчал, чувствуя теперь щекотание кроваво-красных листьев на своей спине, а когда он увидел их внезапный цвет и резкость, его волосы встали дыбом. Маленькие феи вились вокруг компании, метались то туда, то сюда, учтиво освещая им путь. Тёмный воздух по сторонам становился всё плотнее и плотнее по мере их приближения к морю, и сильнее

чувствовался запах солёной воды, всё ещё смешанный с ванилью. Джеймс закашлялся и закрыл глаза, пытаясь очистить голову от слишком многих ощущений за раз.

Вся группа медленно остановилась, как только они достигли массивного корабля, и челюсть Джеймса отвисла. Он был громадным и светящимся, вырезанным из самого красивого дерева, покрытого блестящим и насыщенным коричневым цветом и завитками. На нём был огромный череп со скрещенными костями, вырезанный на передней части корабля и злобно смотрящий на Джеймса, от одного взгляда на который захватывало дух.

Он отвернулся от него и повернулся обратно к мальчишкам, почувствовав, что они снова начали двигаться дальше. В глазах Пэна виднелась жажда крови, когда он обернулся к ним и жестом указал всем забраться на борт. Джеймс чувствовал большое беспокойство, частично состоящее из вины и частично из того, чего он не мог объяснить. Что-то шептало ему, что всё это было не правильно, что это было, по непонятным причинам, предательством... или чем-то тесно связанным с ним. Он пробрался по земле к Питеру, прежде чем старший мальчик мог забраться на борт, и прошептал ему на ухо:

— Почему мы идём убивать пирата сегодня ночью, Питер?

Питер посмотрел на него, как на слабоумного, будто даже подумать задать такой вопрос было большой глупостью.

— Потому что он пират, Крюк.

Джеймс не понял, и присел там, не зная, что ещё сказать. Но когда Питер двинулся по направлению к кораблю, что-то отчаянно вцепилось в его внутренности, требуя остановить всю эту затею.

Он ухватился за первый попавшийся вопрос, подкинутый ему его разумом.

— Где спит капитан, Питер?

Группа мальчишек позади них начала извиваться и шуршать, растерянные, нетерпеливое бормотание поднималось в воздух.

— Нигде, — сказал Питер сквозь зубы. — У этих пиратов нет капитана.

Джеймс нахмурил лоб.

— Нет капитана. Это кажется подлым, убивать пиратов, у которых даже нет капитана, хотя у нас есть.

— У вас есть?

— Ну да, конечно. Ты, Питер Пэн.

Всё лицо Питера просияло от этого:

— Я Капитан. Я Капитан.

Затем он повернулся к кораблю, будто продолжение разговора не могло даже существовать, и забыл о нём.

— Питер, ты обещал, что мне не придётся убивать... — Джеймс пошел дёрнуть Питера за рубашку, но Питер вытянул руку, чтобы остановить его.

— Тсс.

Джеймс отодвинулся назад, бросив эту борьбу за справедливость. Мимо него к Питеру прополз Чуточка, и произнёс достаточно тихо, но Джеймс услышал:

— Посмотри на вот того. Спит возле самого края. С ним будет легко справиться.

У Джеймса сжалось всё внутри. Его глаза лихорадочно метались со старого, седого пирата на Пэна, а с того — на тёмное, старое, позолоченное по борту дерево корабля, и до него начал медленно доходить весь ужас ситуации.

Питер задумался об этом на мгновение и лучезарно улыбнулся:

— Вот этот там. Я перережу ему горло, прежде чем кто-либо из них успеет схватить меня. Это будет засада. О, какой я умный.

Питер взобрался на отвесный борт корабля, будто в нём были скобы для ног, и остальные Потерянные мальчики последовали его примеру. Джеймс с ужасом понял, что ему лучше идти за ними, хотя с каждым движением ему становилось всё сложнее игнорировать пугающее предчувствие. Похоже, в этом месте приказы не обсуждались. Он последним забрался на сияющую палубу, и оказался там как раз вовремя, чтобы увидеть жуткий оскал на лице Питера.

Конечно, он слышал про план, но видеть, как Питер воплощает его в жизнь — совсем другое. Джеймс застыл в ужасе, когда Питер молча достал нож из складок одежды, перебросил его из руки в руки и сжал за рукоять. Пират продолжал мирно спать. Питер подкрался к нему и похлопал по плечу. Джеймс был слишком напуган, чтобы что-то сказать или сделать, и часть его до сих пор не верила, что всё это происходит на самом деле. Но он осознал всю серьёзность ситуации, когда пират проснулся и схватился за меч. Питер быстрым и отточенным движением полоснул его по горлу, и ярко-рыжие волосы пирата залила кровь. Глаза жертвы раскрылись шире, но смотрел он не на Пэна. Его глаза смотрели прямо на Джеймса, недоумевающие, потрясённые, полные боли. И в это мгновение Джеймс понял, почему всю эту ночь ему было не по себе.

Каким-то образом, он знал этого человека; он знал его глаза. Он был уверен, что узнал его волосы. Этот пират, этот прохвост, был одним из пиратов, о которых он всегда мечтал. Он играл тщательно продуманные роли в ночных фантазиях Джеймса. Этот корабль, эти люди, они были его.

Он так уверенно знал это, как и то, что небо голубое, а трава зеленая.

— О да. Испанский Мэйн, — говорил Питер ещё в Кенсингтоне. — Полный неуклюжих глупых, взрослых пиратов. Я убил, по меньшей мере, десяток из них.

Испанский Мэйн. Корабль Джеймса.

И вот они были тут, и Питер наживался на его собственности.

Пока жизнь пирата потихоньку угасала, и кровь, пульсирующая из горла, пропитывала воротник его рубашки, Джеймс знал, что пират тоже признал его.

Было тихо на корабле, мрачная, тяжелая неподвижность, давившая на его плечи, сердце и на кончики пальцев. Раздался могучий всплеск, из-за того, что Джеймс случайно оступился и упал с корабля в воду. А высоко над ним, кукарекал Питер.

Вода была ледяной, но Джеймс и так уже окоченел, так что это не играло роли. Над ним, на корабле, начался хаос, пираты с грохотом врывались на палубу, а Питер Пэн и Потерянные мальчики убивали тех, кто подбирался слишком близко. Но Джеймс ничего не мог сделать потому, что погрузившись с головой в сверкающую, кишашую нимфами воду, он перестал что-либо слышать, наступила давящая тишина, и всё, что он мог — это смотреть, и постараться не утонуть.

Он думал о глазах. Не только о глазах пирата, но и о глазах Питера. В последнем взгляде рыжеволосого разбойника Джеймс видел мольбу и растерянность, а потом они потухли, и это было страшно. Но во взгляде Питера он увидел нечто такое, что никогда не сможет забыть. Невинный мальчик, который резвился и играл в Капитана, мечтал о вечном детстве, превратился в зловещее чудовище в тот момент, когда перерезал ножом горло пирата. В то мгновение на лице Питера читалось чистое, неподдельное торжество. Джеймса передёрнуло, и он не мог точно сказать, было это от ледяной воды или от воспоминаний. Но даже если мозг Джеймса не беспокоился, что вокруг него ледяная вода, тело уже начало замерзать. Ноги начинали неметь, и мальчик решил, что лучше обдумает ситуацию где-нибудь на берегу, подальше от Питера, и там, где его не смогут найти, чем продолжит дальше барахтаться в холодном море.

Когда Джеймс доплыл до берега, он глянул обратно на маленькие светящиеся точки, плавающие в морской пене. Это действительно были нимфы, как он и читал в мифологической энциклопедии на прошлой неделе. Но сейчас его мало заботила мифология. Он обернулся к пиратскому кораблю, наблюдая за происходящим и обдумывая собственное положение. Может, стоило попытаться вернуться на Мэйн и попасть под меч кого-нибудь из пиратов (или Потерянных мальчиков)? Возможно, если его здесь убьют, он проснётся в своей кровати и больше никогда не станет убегать в Кенсингтонские сады. Это была дельная мысль.

На корабле царили хаос и безумие; рёв, крики и лязг стали разрывали тишину ночи. Питер и Потерянные мальчики бегали, прыгали, летали то тут, то там, а растерянные и неуклюжие пираты, не имея предводителя, понятия не имели, как отбиваться. Джеймс почувствовал огромное сожаление и вынужден был отвернуться от этой бойни.

И в этот момент он заметил в полумраке одинокого пирата, тайком кравшегося прочь от места стычки. И этот пират шёл прямо на мальчика. У Джеймса даже не было сил, чтобы убежать, казалось, вода их все из него вымыла. Когда он постарался подняться, песок будто удерживал его. Джеймс сжал зубы, сражаясь с белым песком и усталостью, пересматривая свои предыдущие размышления о самоубийстве, и не спуская глаз с приближающегося пирата. Тот бежал изо всех сил прямо на Джеймса, его глаза сверкали, как светящиеся шары, золотые зубы блестели, а щетина и борода топорщились во все стороны.

Джеймс вскочил, еле вытянув из зыбучего песка конечности и тело, на ватные ноги. Он достал маленький кинжал, который ему дал Биббл, и сжал рукоять. Мальчик весь дрожал, но старался сохранить равновесие, в упор глядя на пирата, пытаясь выглядеть устрашающе и уверенно, и пытаясь быть мужчиной.

Пират взревел, как какой-то монстр из книги, но этот рёв совсем не напугал Джеймса, пока пират был далеко. И когда пират был близко, мальчик тоже не боялся. Но вот когда

разбойник оказался очень близко, тогда и пришёл страх.

И тогда произошло что-то странное. Мужчина остановился, как вкопанный, и его рёв мгновенно затих. Джеймс и пират, не отрываясь, смотрели друг на друга, и на лице морского волка проступало настолько странное выражение, что у Джеймса не осталось сил бояться. Ему было только любопытно.

— Я тебя знаю? — наконец выдавил Джеймс.

— Капитан, — послышался ответ. Мужчина упал перед ним на колени и приложил руку к сердцу.

«Капитан»- мысленно произнёс Джеймс, смакуя это слово, наслаждаясь его звучанием. На минуту звуки исчезли вокруг него, пока Питер и потерянные мальчики не разрушили тишину, устремившись обратно на берег, подпрыгивая и улюлюкая.

— Иди, пират, — прошипел Джеймс. — Пэн приближается.

Мужчина подчинился, не задавая вопросов. Джеймс, не желая показаться мятежником, последовал за оживлённой толпой, погружённый в свои мысли. Когда они достигли полянки посреди леса, группа остановилась, и один из мальчиков спросил, пытаясь отдышаться:

— Сколько, Питер? Сколько?

— Я насчитал четверых, — ответил Питер, выпятив грудь и уперев руки в бока.

Джеймс почувствовал личную боль, которую не мог объяснить, и глубокую, клокочущую ярость, которую как раз мог объяснить. Заносчивость. Снова. Из-за убийства людей.

Меньше всего он сейчас хотел стоять здесь, промокший насквозь, среди толпы бессердечных мальчишек, упивавшихся беспричинным убийством. А тем временем дети продолжали торжествовать.

Наконец, когда Джеймс больше не мог сдерживаться, он выкрикнул:

— Питер!

Веселье моментально прекратилось.

— Да? — Ответил Питер, медленно поворачиваясь к Джеймсу. За его спиной поднялись мрачные и высокие деревья. Джеймс мог поклясться, что они стали гораздо выше за последние пару секунд.

— Питер, мне надо кое-что уточнить, — произнёс он, смягчив немного голос.

— Тогда уточняй.

Джеймс отступил на дюйм, но постарался не опускать подбородок. Он проигнорировал предупреждающие взгляды Биббла и Боббла.

— Мужчина, которого ты убил...

— Мужчины, — поправил он.

Джеймс почувствовал, как кровь отхлынула от лица, но не стал обращать на это внимание. По крайней мере, постарался.

— Один из мужчин, которых ты убил... Я его знал. Клянусь в этом.

Наступила давящая тишина, а лицо Питера потемнело, когда он шаг за шагом начал приближаться к Джеймсу.

— Так ты пират, Джеймс? — Прошипел Питер так близко, что Джеймс почувствовал его дыхание на своём лице и увидел крошечные брызги крови на щеке Питера.

— Конечно, нет, — фыркнул Джеймс.

— Тогда что ты имел в виду под «я его знал»?

Питер не отступал, но и не повышал голос ни на децибел.

Джеймс чувствовал, как вокруг накалилась обстановка. Остальные мальчишки отошли назад.

— Я и раньше его видел, — мальчик запнулся. — Не здесь. В своих снах. Дома. В Лондоне.

Джеймс чувствовал, как пот заливает ему лицо, и тяжело сглотнул, желая чем-нибудь смочить высохшее горло. Питер чуть-чуть отступил назад и потёр подбородок.

— В твоей Нетландии.

Джеймс просто смотрел на него и никак не мог решить, что же он чувствует: отвращение, ужас или любопытство.

— Твоя Нетландия. Время между сном и пробуждением. Там ты их увидел. Вот как всё устроено в Нетландии — это наши сны. И значит пираты — твой сон.

Деревья за спиной Питера начали потихоньку возвращаться к их первоначальному размеру.

— Я... Я думаю, да, — произнёс Джеймс.

Внешне Джеймс был спокоен, хотя и немного дрожал. Но внутри он был все еще напуган и смущен. Он едва мог верить тому, что говорил Питер. Он создавал их, мечтая? Это казалось невозможным. Как и все, в этом фантастическом месте.

Питер вложил в ножны свой кинжал и восхищенно рассмеялся.

— А я гадал, кто их выдумал.

Джеймс выдохнул. Жизнь в лесу возобновилась, и мальчишки вернулись к веселью.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Джеймс, распираемый нервной энергией, когда он следовал за Питером, расхаживающим по кругу.

Питер закатил глаза и вздохнул, и Биббл быстро встал между ними. Он схватил Джеймса за руку, и Джеймс нахмурился, но позволил себя увести, когда Биббл настоял на этом.

— Я говорю... — начал Джеймс, но Биббл просто покачал головой, а Боббл появился рядом с ним в одно мгновение.

— Лучше не задавать Питеру слишком много вопросов, — сказал Биббл.

— Он ужасно занят, — влез Боббл.

— Ну, я просто хотел знать...

— Почему он выбрал тебя, — сказал Биббл, отбрасывая свои каштановые волосы с глаз. — Ты — Мечтатель, Джеймс.

— Как и все мы, — сказал Боббл, отбрасывая такие же темно-каштановые волосы с ярких зеленых глаз.

— Что ты имеешь в виду? Все здесь? На острове?

— Ну, не все. — Биббл самодовольно улыбнулся. — Питер выдумал индийцев, а ты — пиратов. По крайней мере, тех — на Испанском Мэйне.

— А Великая Пустошь Нетландии — моя, — радостно сказал близнец Биббла. — Ну, придумал пакостных Грапов, которые живут там.

Джеймс удивленно поднял брови.

— Грапов? Что это...

Боббл рассмеялся, проигнорировав вопрос Джеймса.

— Очень хорошо, что ты сделал бедного Флоббинза.

Биббл опустил глаза, а Чуточка прекратил делать то, чем занимался, и они втроём с близнецами сделали жест, который Джеймс мог описать только так: они перекрестились и

сплюнули через плечо.

— Флоббинз, — вздохнул Чуточка. — Покойся с миром.

После этого Чуточка вернулся к своему ничего-не-деланию, а Джеймс тряхнул головой и постарался вновь привлечь внимание мальчиков.

— Так что? Я Мечтатель?

Он чувствовал, как нелепо это звучит, к тому же, абсолютно не понимал, что это значит.

— Ага, — ответил Боббл, щёлкнув Джеймса по лбу. Тот отшатнулся, раздражаясь ещё больше.

— Запомни. Если Питеру нравится то, что он встречается, он забирает это в Нетландию, а теперь и ты здесь. Вот так-то.

Биббл говорил очень медленно, отчётливо выговаривая каждый слог, а на его заострённом лице плясали отблески от летающих фей.

— Ты был избран. Поэтому ты мог попадать в Нетландию, и уходить отсюда, когда пожелал бы, как и твои мечты. Как маленькие привидения. Но те, кто нравится Питеру, остаются тут навсегда. Ему нравятся твои пираты и, по-видимому, ты сам. Вот так мы все здесь оказались. Ясно?

— Но...

Джеймсу не удалось закончить предложение, потому что как раз в этот момент Симпкинс подбежал к Питеру и, дёрнув его за рубашку, сказал:

— Питер, я хочу есть!

Питер задумался на секунду, а потом крикнул:

— Еда!

Мальчики замерли посреди плясок, посреди разговоров, посреди всего, и бросились к Питеру, столпившись вокруг него. Глядя на это, на лице Питера заиграла широченная усмешка. Тяжело было ненавидеть Питера, когда он так улыбался. А затем он махнул рукой, будто брал кусок чего-то из воздуха, и укусил это невидимое «что-то». Джеймс был сбит с толку (впрочем, это уже было его привычное состояние). Он заметил недолгие недовольные выражения лиц у мальчиков, но они исчезли так же быстро, как и появились, и вся толпа мальчишек начала кусать, грызть и зачёрпывать воздух.

Джеймс почувствовал, как рушится его самообладание, когда он осознал, насколько голоден, ведь он не ел ничего с тех пор, как покинул Лондон, а это было почти вечность назад. Его рука тряслась, а в животе яростно урчало, когда он поднял руку в воздух и сжал пальцы, будто хватая кусок хлеба. Он хватал пустоту и подносил её ко рту снова и снова, быстро жуя, почти до боли стуча зубами друг о друга. Он продолжал так, пока повторяющиеся движения не стали почти безумными, будто если съесть много «ничего», можно утолить голод, который гложет его.

В конце этого ритуала Питер лёг на землю, заложив руки за голову и выглядя абсолютно удовлетворённым. Он смотрел на сияющие звёзды, которые роились и летали по небу. Джеймс только сейчас это заметил, ведь у него не было времени до этого обратить внимание на небосвод, и теперь это небо на мгновение испугало его.

Остальные подражали Питеру, хотя выражению их лиц было далеко до Питера. Джеймс мог поклясться, что все они остались такими же голодными, как и он, и почему-то был рад этому. Он заставил себя подойти ко всем остальным и лечь рядом с Питером. Его одежда была ещё мокрой, и земля под ним пропитывалась морской водой от одежды.

Когда мальчики начинали засыпать, в голове у Джеймса начали роиться тысячи мыслей,

будто они только и ждали того момента, чтобы вырваться и атаковать его. Это было и страдание, и чувство вины, и счастье, и все они смешивались друг с другом в гремучую смесь.

— Питер, — тихо прошептал он, стараясь не разбудить мальчиков. Питер ещё не спал.

— Да?

— А где все спят? — спросил Джеймс, снова глядя на звёзды, которые казались ещё ярче и веселее и тишине.

— Там, где заснут. Я искал какое-нибудь дерево и что-то, где бы мы смогли жить, но пока ничего не подошло, поэтому мы спим там, где получится.

Это немного сбивало с толку, ведь Джеймс представлял, что в Нетландии есть роскошные спальни среди леса, полного волшебства. Он бы хотел, чтобы Питер забрал у него эту мечту и воплотил в жизнь. Деревья вокруг были тёмными и страшными, и мальчик мог поклясться, что тени вокруг него были мрачнее, чем вокруг остальных.

— Так вы просто спите на открытом воздухе? — уточнил Джеймс, пытаясь сглотнуть ком в горле.

— Если мы там заснём, то да.

Голос Питера стал подозрительно спокойным, будто он засыпал, либо начинал злиться. И что-то Джеймсу подсказывало, что верно было последнее.

— И вы не боитесь диких зверей и всяких шорохов среди ночи?

И только он это произнёс, из чащи раздался то ли вой, то ли свист, заставив Джеймса вздрогнуть и забеспокоиться ещё больше, чем раньше.

— Никто из зверей не станет есть Пэна. И немногие из них попробуют съесть Потерянного мальчика под моим присмотром.

«Немногие из них» было не такой уж и утешительной статистикой, как полагал Питер.

— А если кто-то начнёт замерзать? — спросил Джеймс, когда на него подул прохладный ветерок.

— Просто представь, что тебе не холодно, — сказал Питер со вздохом, который подтвердил ранее предположение Джеймса.

Просто представить. Как он представил себе, что кушает. Это было колоссальным провалом, по крайней мере, так думал его желудок. Поэтому он не возлагал больших надежд на то, что ему станет более комфортно, если он это только представит. Тем не менее, он очень старался делать вид, что ему было не зябко и не страшно, но, как только его веки начинали опускаться, очередное потрескивание или звяканье будили его, или же листья снова меняли свой цвет. В один момент он мог поклясться, что почувствовал в земле рокот — слабое, гулкое биение массивного барабана, будто у самой Нетландии было сердцебиение. Он ёрзал и поворачивался с боку на бок, пытаясь перестать представлять это и не слышать ветра, который, он знал, не мог тихо шептать «Питер» пролетая по лесу. Но это сработало так же, как и его неудачные попытки представить еду. Он слегка повернул голову, чтобы посмотреть, не спит ли ещё Питер. Тот не спал.

— Питер?

Джеймс почувствовал, как в бок ему упёрся острый локоть, и отпрянул, бросив косою взгляд на лежащего рядом Биббла.

— Да?

— Мы должны заснуть прямо здесь, сами?

— Да, мы всегда так делаем.

Джеймс закусил губу и посмотрел вокруг, стараясь успокоиться, но у него не получалось.

— И мамы нас не уложат спать? — спросил он.

Джеймс понимал, что ведёт себя по-детски, но в тот момент его это не волновало. Пока Питер не обернулся и не посмотрел на него, поджав губы и с мрачным выражением лица.

— Больше никогда не произноси это слово. Здесь мы не говорим о матерях.

Глаза Питера были полны такой злобы и боли, что Джеймс опешил.

— Не говорим о матерях?

Биббл снова заехал локтем Джеймсу в бок, и тому захотелось ткнуть его в ответ или просто дать оплеуху. Но стоило Питеру сесть и нависнуть над Джеймсом, как все мысли о Биббле выдуло из его головы, и всё, что ему хотелось — это поглубже вжаться в землю.

— Ты снова это произнёс. Ещё один раз — и я задам тебе такую трёпку! И не думай, что я этого не сделаю.

Джеймс вновь глянул на звёзды и тяжело вздохнул, начиная сожалеть, что решил провести здесь выходные. Хотя, может, с восходом солнца это место станет приятнее? Может, тьма, окутавшая землю, принесла тьму и в душу Питера и всей Нетландии? Мальчик отчаянно на это надеялся.

Вдобавок ко всему, когда Джеймс закрывал глаза, всё, что его уставший разум являл после жутких чудовищ и завоёванных островов, был Испанский Мэйн — красивый, величественный и прекрасный. А потом на него напали мальчишки, желавшие только одного: убить как можно больше пиратов, прежде чем отправиться к новым приключениям. А потом эта картинка сменялась приближающимся пиратом на берегу. Джеймс вспомнил его очень дружелюбные карие глаза с сеточкой морщин, возможно, из-за постоянной улыбки. Пират-весельчак.

Наконец, по какой-то причине — или подействовало самовнушение, или приятные воспоминания, или что-то ещё — Джеймс смог согреться. Он слегка улыбнулся, вспоминая, как пират преклонил перед ним колени, и заснул со словом «Капитан» на устах.

Джеймс рано проснулся и был сбит с толку, не представляя, где находится. Часть его подозревала, что все события прошлого дня были не более чем сон. Но под ним была лишь трава, а над ним — полог из ветвей, и никакой мягкой кровати или маминого завтрака. И тогда он начал осознавать всю ситуацию. Мальчик поднялся, потянулся и зевнул, жалея, что у него нет с собой зубной щётки, потому что изо рта неприятно пахло.

И вдруг он услышал музыку, идущую из чащи, и наострил уши. Из леса выскочил Питер с горящими глазами, играющий на панфлейте². Через плечо у него была перекинута самодельная сумка. Он опустил флейту и крикнул мальчишкам:

— Завтрак!

Все, включая Джеймса, глядели на Питера с подозрением, но тот спустил с плеча сумку, и из неё на землю выкатились ягоды, настолько яркие, будто сделанные из цветного стекла шарики. Джеймс сразу понял, что это будет далеко не лучшим, но единственным завтраком, и, отбросив гордость, кинулся к еде вместе с другими мальчишками и начал горстями закидывать ягоды в рот. Когда он, наконец, смог притормозить и разобрать вкус, то понял, что его любимыми ягодами стали белые, матовые, по вкусу напоминающие перечную мяту. На втором месте были те, что мигали и меняли цвет, а когда их начинаешь есть — ещё и вкус. Пэн выглядел довольным, просто стоял и смотрел на них, скрестив руки на груди. Ягоды успокоили грызущего и ревушего монстра в животе Джеймса, и теперь он просто ныл и поскуливал. Джеймс решил пока довольствоваться этим. Когда вся странная еда была съедена, Джеймс огляделся и заметил флейту, лежащую рядом со всем этим пиршеством. Мальчик потянулся за ней, с любопытством пробежал по флейте кончиками пальцев, и тут Потерянные мальчишки ахнули все, как один, а Питер сжал руку Джеймса, будто тисками.

Джеймс дёрнулся, широко распахнув глаза, но Питер лишь сильнее сжал его запястье, оставляя синяки.

— Не трогай её, — прошипел он. — Никогда.

Ветер завыл вокруг Питера, шевеля его волосы, и это было бы смешно, если бы не внезапно застывшая воздух серая пелена, а приятный ванильный привкус во рту Джеймса резко сменился отвратительным солоноватым вкусом лакрицы.

— Мне... Мне очень, очень жаль, Питер... Я просто...

— Ещё раз до неё дотронешься — и можешь попрощаться с рукой.

Питер отпустил запястье Джеймса и, выхватив флейту, повернулся к нему спиной.

Джеймс сел на корточки и повернулся к Потерянным мальчишкам, ожидая найти в их лицах хоть что-то, говорящее о том, что такая реакция Питера была просто абсурдной. Но не получил этому реальных подтверждений. Лишь Чуточка высокомерно пожал плечами, да Биббл с Бобблом выдавили сочувствующую улыбку.

Вдруг Питер насторожился и повернул голову на восток — точнее, Джеймс решил, что это восток. На самом деле нельзя было разобрать, где какая сторона света, потому что здесь, в отличие от Лондона, было несколько солнц и лун, и все они передвигались по небу.

Питер поднял руку, и все разговоры мгновенно смолкли.

— Вы это слышите?

Джеймс абсолютно ничего не слышал. Но через какое-то время с той стороны, куда смотрел Питер, послышался едва заметный треск.

— Индейцы, — выдохнул Питер.

Мальчики вскочили в мгновение ока. Джеймс взял еще одну горсть ягод и сунул её в карман, а затем двинулся вперёд, благодарный тому, что кто-то другой стал причиной возникшего напряжения. Не важно, что его опасения по поводу этого места оправдываются, он не собирается все выходные сидеть здесь и хандрить. У него будет столько приключений, сколько он захочет, а, значит, надо было идти за Пэном и его мальчиками. Поэтому Джеймс крался вслед за всеми по лесу, с волнением ожидая нового приключения, которое, наконец, не требует убийств.

Биббл отстал от остальных и остался с Джеймсом, и когда Питер не мог их услышать, прошептал:

— Это был подарок.

— Что?

Джеймс вскинул брови. Он сдвинулся чуть правее, чтобы Биббл не тыкался своим слишком длинным носом в его щеку.

— Флейта. Это подарок его матери с тех времён, когда он был ещё маленьким и обычным. Никому нельзя её трогать.

Джеймс кивнул и двинулся дальше, имея довольно смутное представление, как Питер вообще мог быть обычным.

— Боббл тоже так сделал, давным-давно. Питер почти сразу об этом забыл, так что не расстраивайся слишком сильно.

— Спасибо, — ответил Джеймс и дальше они с Бибблом пошли в ногу. Джеймс решил, что надо будет держаться этого малого, пока он остаётся здесь.

Внезапно их импровизированное войско остановилось. В воздухе просвистел лимон, и Питер подскочил от неожиданности. Оказывается, не они одни умели скрываться среди деревьев. Мальчики не слышали ни звука, пока нос к носу не столкнулись с индейцами. Их вождь был огромным мужчиной и выглядел олицетворением могучего дуба. Он стоял прямо, гордо выпятив грудь — истинный вождь.

— Сегодня мы друзья или враги, Вождь? — спросил Пэн.

Мужчина медленно оглядел толпу мальчишек, с каждым встречаясь взглядом пронзительных, тёмных глаз. Но хоть Джеймс и отчаянно трусил, когда взгляд вождя перешёл на него, взгляд мальчик не отвёл. Даже наоборот — он вообще старался не моргать. Он смотрел на этого серьёзного мужчину, пока у того в уголках губ не заиграла лёгкая улыбка.

— Среди вас новенький.

Питер свёл брови вместе, будто он уже и забыл об этом. А потом посмотрел на Джеймса. Через несколько долгих секунд, в течение которых Джеймс был готов провалиться сквозь землю, что-то изменилось в лице Питера.

— Ах, да. Джеймс Крюк.

Вождь снова глянул на Джеймса, и тот по-прежнему, не отрываясь, смотрел на мужчину. Мужчина был огромен, Джеймс даже не представлял, что человек может быть таким. Но не огромный, как Чуточка. А Огромный — настолько, что вряд ли что-то или кто-то рискнул бы его зацепить. Джеймсу казалось, что если вдруг кому-то в голову придёт ударить главного индейца, он отлетит назад со сломанными пальцами, а Вождь даже не шелохнётся.

Из-за ноги мужчины выглянул маленький ребёнок, девочка лет шести. Пэн ей

улыбнулся, и она заворожено смотрела на него огромными блестящими глазами, а маленькие, красиво очерченные губы растянулись в широченной улыбке. Джеймс тоже ей улыбнулся, девочка смотрела на него пару мгновений, а затем снова восторженно повернулась к Питеру.

— Сегодня — друзья, — прогудел Вождь.

Пэн кивнул. Джеймс глубоко вздохнул, отводя подозрительный взгляд от малышки, и просиял. Значит, сегодня никакого насилия. Он уже столкнулся со смертью прошлой ночью и не горел желанием это повторить.

Вождь со своим племенем развернулись и пошли в лес, откуда и пришли, а Питер и Потерянные мальчики остались на месте. Джеймс неотрывно смотрел на маленькую девочку, и в какой-то момент она обернулась и одарила его невинной, широкой улыбкой. Единственная часть настоящего детства в этом мире, перевёрнутом с ног на голову.

Джеймс сморгнул, когда прямо перед его носом очутился Питер.

— Идём, Джеймс. Ты ведь не хочешь, чтобы тебя тут забыли? Индейцы вернутся обратно через реку и выпустят тебе стрелу прямо в сердце.

Джеймс бросился догонять своих спутников, не уверенный до конца, что это было: преувеличение или суровая правда, но не желая проверять это на себе.

Когда они пришли туда, куда направлялись, Джеймс почувствовал, как в груди поднимается восторг, а на лице появляется искренняя улыбка. Перед ними была лагуна с такой голубой водой, что Джеймс не мог поверить своим глазам. Вода блестела под солнцем, ленивые волны накатывали на берег. Джеймсу пришлось просто постоять несколько секунд, и посмотреть, чтобы понять, что это не сон. А на другом берегу виднелась огромная пещера. Вокруг неё росли деревья, похожие на плакучие ивы, хотя это точно были не они. Ветки спускались вниз, а постоянно меняющие цвет листья покрывали берег и падали в воду. А самым замечательным в этом мерцающем спокойствии и тихой красоте лагуны были её обитатели — полные изящества и очарования русалки.

Они смеялись и ныряли в синюю воду, разбрасывали брызги и щебетали друг с другом. Ниже пояса у них была рыба чешуя, неописуемо красиво блестящая на солнце, а мелькавшие и бьющие по воде хвосты разбрызгивали воду вокруг них. А выше пояса это были люди, красивые и непокрытые чешуйками. У всех них были длинные распущенные волосы самых причудливых цветов, будто выкрашенные краской. Они были слишком прекрасны, чтобы быть настоящими. Собственно, как и всё в Нетландии — слишком красивым, слишком ужасным, слишком неправдоподобным, или слишком жестоким, чтобы быть правдой.

Питер гикнул, и со всех ног припустил к лагуне, без раздумий бросаясь в воду. Джеймс начал осознавать, что его новый спутник всё делал без раздумий. Джеймс с другими мальчишками последовали его примеру, на бегу срывая с себя рубашки и окунаясь в воду вслед за Пэном.

Вода была достаточно холодной, чтобы охладить мальчиков, и достаточно тёплой, чтобы не замёрзнуть. При ближайшем рассмотрении Джеймс понял, что только у тех русалок, что греются под солнцем на камнях, есть кожа, и то, только на высушенных лучами местах. А у тех, кто плескался в воде, всё тело было покрыто тонкой, перламутровой чешуёй. Чешуйки не мешали красоте русалок, наоборот, они даже подчёркивали её. И ещё кое-что. Русалки, которых Джеймс так хотел увидеть с тех пор, как Питер упомянул о них в Кенсингтонских садах, держались подальше от мальчишек и все собрались вокруг Питера. Тот лежал на возвышающемся посреди лагуны камне, ухмыляясь, когда русалки увивались вокруг него, глядя волосы, смеясь и что-то шепча ему на ухо и воркуя. А вот на всех остальных мальчиков в лагуне они бросали такие ледяные взгляды, что могли заморозить воду вокруг них.

Джеймс сосредоточился на мальчишках, плескаясь в воде и наслаждаясь днём, решив, что в оставшуюся часть каникул будет обращать внимание лишь на положительные стороны Нетландии, а не на её недостатки. К тому же, русалки начинали разочаровываться общением с Питером и игнорированием других мальчиков. Одна за другой, русалки покидали чудовищный обломок скалы, где сидел Питер, и прыгали в воду, разбрасывая вокруг себя яркие брызги и сверкая разноцветной чешуёй. Какая-то часть Джеймса была рада, что русалки устали от Питера, но другая часть была полна мрачных предчувствий.

Русалки выныривали и вновь прыгали в воду, как и раньше, и наконец, подплыли достаточно близко к мальчишкам, чтобы те могли до них дотронуться. Одна как раз плавала на расстоянии вытянутой руки от Джеймса и кокетливо ему улыбалась. Мальчик решил, что она — самое прекрасное существо, которое он когда-либо видел. Но вдруг она нырнула в воду, окатив его водой и ударив по лицу хвостом. Джеймс вскрикнул от неожиданности и несильной боли. После такого точно останется синяк.

Вскоре ещё несколько русалок последовали примеру своей подруги, плескаясь вокруг Джеймса и толкая его, а тот из всех сил старался удержаться на поверхности. Многие мальчишки уже вылезли на берег, но Джеймс не знал, как бы вылезти и ему. Было очень сложно думать, когда в глаза летят брызги, а о тебя ударяются русалки, и, в конце концов, он не смог удержаться на плаву. Мальчик почувствовал, как уходит под воду, и запаниковал. По телу побежали волны страха, когда он понял, что не знает, где верх, а где низ. Он отчаянно крутился, поворачивался и размахивал руками, лёгкие начинали гореть, в глазах резало, а мысли становились всё менее чёткими.

А потом несколько маленьких рук обхватили его за спину и потащили к берегу. Джеймс почувствовал, как его вытянули из воды на песок, и просто лежал какое-то время, откашливаясь, отплёвываясь и не открывая глаз. А когда всё же открыл, Шалун, Чуточка и близнецы смотрели на него широко открытыми глазами.

— Живой! — закричал Биббл, и Чуточка вытер бледный лоб, разбрасывая брызги по всему побережью. Пэн бежал к ним. Он выглядел озадаченным. Не встревоженным, обеспокоенным или чувствующим облегчение. Нет, просто озадаченным, будто и не понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее.

Джеймс закрыл глаза, задаваясь вопросом, почему здесь, в Нетландии, он каждый день сталкивается со смертью. Хотя, скорей всего, «день» — не совсем верное слово. Кажется, здесь никто не следит за временем. «Может, его и вообще тут не существует» — подумал Джеймс.

С другой стороны, здесь ведь было что-то похожее на ночь, а день сегодня пусть и был

длиннее, чем вчера, но проходил, как обычный день. Хотя это не имело значения. Джеймс был здесь всего лишь на два дня и одну ночь, но сейчас, лёжа на траве, он почувствовал, что больше откладывать нельзя. Его маленькие каникулы слишком затянулись.

— Питер, — прохрипел он, открыв, наконец, глаза. — Я хочу домой.

Питер громко захохотал, и Джеймс не мигая уставился на него.

— Никто не хочет домой. Не из Нетландии.

— Но я хочу.

Питер прищурился, и Джеймс внезапно осознал, что по-прежнему лежит на земле, а это не лучшее положение для переговоров. Он медленно сел, оперевшись локтями в колени, и изо всех сил старался не показать, как ему важен этот разговор. Потерянные мальчики, все как один, отступили назад, и всё, что видел Джеймс, был Питер.

— На самом деле ты не хочешь уходить. Тебе ведь придётся вернуться в Лондон, вырасти. Стать мужчиной.

Питер поёжился.

У Джеймса начали раздуваться ноздри.

— А что такого ужасного в том, Питер, чтобы стать мужчиной?

Эта фраза вызвала общий вздох у Потерянных мальчиков. Джеймс был втайне доволен, что его слова вызвали такую реакцию.

Питер открыл рот, чтобы ответить, но вдруг быстро его закрыл и повернул голову в сторону лагуны.

— Что случилось, Пи...?

Питер резко поднял руку, и Боббл замолчал.

Несмотря на всю серьёзность разговора, Джеймс понял, что ему тоже интересно, что насторожило Питера настолько, что на виске пульсирует жилка. А потом он услышал.

«Тик-так. Тик-так. Тик-так. Тик-так».

— Я говорю, — сказал Джеймс. — Это часы?

Было похоже, что он только что спросил «Это бомба?» или «Это пожирающий души хранитель склепа идет к нам?». Все мальчики испугались и забились в панике.

Джеймс нахмурился.

— Я же сказал «часы», разве нет?

Пэн подскочил к группе мальчишек, ткнул пальцем в сторону лагуны и все сорвались с места, с максимально возможной скоростью устремляясь в лес. Ветер дул в лицо, заставляя жмуриться, и Джеймс бежал, насупившийся и озадаченный, пока украдкой не бросил взгляд в сторону воды. Русалок нигде не было видно, а по поверхности залива скользило огромное нелепое животное пронзительно зелёного цвета. Джеймс о таких слышал, но видел впервые.

Чёрные глаза были прямо над водой, а тень от хвоста и туловища была такой гигантской, что Джеймс решил, что это обман зрения, и чем ближе оно подплывало к берегу, тем громче становилось тиканье часов. Джеймс застыл от ужаса, не понимая взаимосвязи между часами и крокодилем. Но сейчас не это было самым важным. Важнее было взять руки в ноги и убедить себя обратиться отсюда подальше.

И всё же он не мог пошевелиться, будто ему снился сон, где он хотел крикнуть, но изо рта не вылетало ни звука, он хотел побежать, но ноги будто были сделаны из песка. Крокодил подползал всё ближе и ближе, пока не упёрся взглядом в Джеймса. Это был холодный, ужасающий взгляд, и в это мгновение ноги Джеймса наконец сорвались с места. Он бросился в лес, стараясь убежать как можно дальше от лагуны.

Спустя долгое-долгое время он догнал остальных мальчишек и рухнул рядом с ними в

кучу листьев. Он хрипло, прерывисто дышал, грудная клетка тяжело вздымалась, и Джеймс был уверен, что его лицо было красным, как гигантский помидор.

Питер вскинул брови при виде Джеймса.

— Ты здесь.

Джеймса захлестнула волна адреналина, кровь застучала в висках, и мальчик начал дрожать от внезапного приступа ярости.

— Естественно, я здесь, ты, кретин! Но я едва успел убежать. Этот крокодил охотился именно на меня! Ты не думал за мной вернуться или хотя бы подождать?!

Краем глаза он заметил, как у Чуточки отвалилась челюсть, открывая кривые зубы и подчёркивая двойной подбородок.

— Нет, — жёстко ответил Питер, не оставляя возможности для спора.

Остальные мальчишки уставились вниз, но Питер смотрел ему прямо в глаза. Казалось, он перестал слушать после слова «кретин».

— А что, если бы меня съели? — произнёс Джеймс тихим, угрожающим голосом. Ветер успокоился, и сейчас воздух был таким застоявшимся и тяжёлым, что, казалось, засасывал мальчика.

Питер даже не моргнул.

— Ну, значит, тебя бы съели.

В ответе Питера слышался вызов. Джеймс не был уверен, кому тот его бросал, но тем не менее, вызов прозвучал.

— Я хочу домой, Питер.

Питер выпрямился, уперев кулаки в бока.

— Это и есть дом.

— Не для меня.

Мальчишки напряжённо глядели друг на друга. Джеймс отчаянно желал, чтобы в этот момент он смог нарушить второе правило Питера и хоть немного вырасти. Низкий рост ставил его в невыгодное положение в этом споре, который становился скорее битвой за доминирование, чем за перемещение домой.

— Теперь ты один из Потерянных мальчиков. Для них нет никакого другого дома, кроме Нетландии.

— Перестань это повторять, — низким и угрожающим голосом произнёс Джеймс. Ярость готовилась прорваться сквозь тщательно отстроенную стену самоконтроля.

— Почему я должен перестать это повторять? Это правда: ты — Потерянный мальчик.

— Я не Потерянный мальчик. Я никогда не терялся. И ты знал об этом, когда встретил меня.

Страх душил его, фразы выходили резкими, незаконченными, запутанными. Руки сами сжались в кулаки.

Питер пожал плечами:

— Чепуха. Я беру с собой в Нетландию только Потерянных мальчиков. А значит, ты — он.

— Ты знал, что я тогда не потерялся, и вообще никогда не терялся. Ты говорил, что я могу побыть здесь только на выходных. Ты обещал, что я смогу вернуться домой.

— Ну что ж, — ответил Питер, щёлкнув по стволу дерева, — тогда возвращайся.

Губы Джеймса начали дрожать — но не от сдерживаемых слёз, а от ярости. Каждый мускул был натянут.

— Ты знаешь, что я не смогу вернуться, пока ты не покажешь мне, как это сделать.

— А я никогда и не говорил, что покажу.

Рядом с Джеймсом шевельнулся Биббл, под его ногами зашуршала листва. Остальные мальчишки продолжали смотреть либо под ноги, либо друг на друга. Тишина. Воздух потрескивал от напряжения.

Джеймс почувствовал, как в нём поднимается его тёмная часть, подавляя другую.

— Не лги мне, Питер. С мальчиками, которые лгут, ничего хорошего не случается.

По лицу Питера пробежала тень, и он очутился в опасной близости к Джеймсу.

— Ты мне угрожаешь?

Лес стал более мрачным и зловещим, листья потемнели, а от мальчиков не доносилось ни звука. Будто разом все решили не дышать. Джеймс понятия не имел, что делать дальше. А Питер ухмыльнулся с огромным самомнением и развернулся к нему спиной и лицом к остальным мальчишкам.

— Ты лжец, Питер Пэн.

— Что ты сказал?

Питер медленно развернулся. В воздухе вокруг снова появился привкус солёной лакрицы. Джеймс хотел её сплюнуть, но удержался.

— Я сказал, что ты лжец.

Глаза Питера вновь превратились в щёлочки, и он бросил на Джеймса пристальный, не предвещающий ничего хорошего взгляд.

— Не разговаривай так со мной, Джеймс Крюк.

Джеймса всего трясло, даже ресницы подрагивали. Внезапно ярость, которую он изо всех сил старался сдерживать, вырвалась наружу, и он бросился на Питера Пэна. Раскалённый добела от злости, он кинулся вперёд. Но стоило ему подобраться ближе, как Питер схватил его за горло и сжал. А потом бросил Джеймса на землю. Мальчик почувствовал удар каждой косточкой. Трава под ним стала жёсткой и начала извиваться, царапая Джеймса, будто длинными, острыми ногтями.

— Никогда больше не смей мне угрожать, мальчишка.

Джеймс промолчал. Кто этот мальчик? Тот дурашливый и улыбчивый ребёнок из Кенсингтонских садов исчез, и на его месте появился вот этот. Кому же Джеймс доверился, решив так далеко забраться от дома?

Он почувствовал, как горит горло, и попытался вдохнуть. Может, Питер сломал ему трахею своим ударом? Спустя минуту, показавшуюся Джеймсу вечностью, Питер закатил глаза и слез с него. Джеймс резко вскочил на нетвёрдых ногах, тяжело дыша. Его ум и сердце находились в смятении из-за раскаяния, страха и отчаянной, пронзительной надежды. Он беспомощно посмотрел на других мальчишек, пару раз моргнул и пошёл прочь.

— Ты куда направился, Джеймс Крюк?

Джеймс аж подпрыгнул на месте, когда увидел рядом Биббла.

— Оставь меня, — ответил Джеймс с такой болью в голосе, что даже бревно бы почувствовало.

— Не стоит идти в ту сторону. А то забредёшь в Великую Пустошь Нетландии.

— Мне всё равно.

Биббл строго на него взглянул.

— А тебе станет не всё равно, когда попадёшь в место, сплошь укрытое снегом, таким острым, что разрезает до крови ноги. Или когда столкнёшься с Грапом, бледным до ужаса,

потому что в нём не осталось ни капли крови. Когда он разорвёт тебя на кусочки и бросит на землю, последнее, что ты увидишь, будут не звёзды, а безмолвное, пустое небо цвета скисшего молока. Вот тогда тебе будет не всё равно.

Джеймс безучастно посмотрел на него, на его бледную кожу, слишком большие уши, бледно-зелёные глаза, полные искренней заботы, и позволил Бибблу развернуть его в другую сторону. Джеймс благодарно кивнул, и пошёл в другую сторону, ведущую не к этому ужасу, так к другому.

— У тебя всё будет в порядке, Джеймс Крюк. У всех нас.

Джеймс двинулся дальше.

К счастью, мгла рассеялась почти сразу, и стало светло. В пылу схватки Джеймс почти и забыл, что сейчас день.

Он шагал всё глубже и глубже в лес, ничего не видя и не чувствуя. Он сознательно старался ни о чём не думать, потому что любые мысли, приходившие в голову, — и счастливые, и нет — вызывали жуткую боль. Так он и шёл дальше в лес, который снова начинал менять листву.

Со временем адреналин после битвы стал сходить на нет, и Джеймс начал ощущать боль. Он чувствовал каждый крохотный синячок от удара о землю и там, где Питер схватил его за шею. Все кости болели, но Джеймс сомневался, что это от падения.

В конце концов, мальчик остановился и огляделся вокруг. И справа, и слева, везде были деревья. Он с трудом опустился на поваленный ствол дерева и постарался ни на что не смотреть и ни о чём не думать. Но события этого дня (или дней?) угнетали его разум и повергли его в уныние. Джеймс понял, что у него нет сил не думать о тех ужасных событиях в заливе. И он сдался.

Он больше никогда не вернётся домой. Это было хуже всего. Он никогда не увидит своего младшего братика (или сестричку, но этого он тоже не узнает), не будет изводить маму из-за её ужасной готовки, никогда не встретит отца в порту, не вдохнёт солёный запах моря с его формы, не почувствует его сильные руки, обнимающие сына. От этих мыслей у него сбилось дыхание, он задыхался, обливался потом и трясся, как безумный.

А потом, уверенный, что находится в полном одиночестве, он уронил голову на руки и зарыдал. Мальчик плакал так, как не плакал с раннего детства, не сдерживая разочарования и необходимости выплакаться. Ему казалось, что каждая клеточка его тела умирает. Но всё же он чувствовал что-то похожее на облегчение.

За спиной всхлипывающего мальчика хрустнула ветка, и он выпрямился, стирая слёзы со щёк, и со страхом высматривая, кто или что послужило источником этого звука. И, тем не менее, это неплохо отвлекло его от мрачных мыслей.

— Эй?

Никого. Только ещё один хруст.

Руки Джеймса начали трястись.

— Кто тут?

И снова ничего.

Джеймс в панике покрутил головой по сторонам. Он начал осознавать, что остался один посреди зачарованного леса, и кто знает, какие существа тут захотят обглодать его косточки на обед?

Снова треснула ветка. Теперь Джеймс точно решил, что пора убираться. И только он об этом подумал, как нарушитель его спокойствия показался на глаза. Джеймс глубоко вдохнул

и расслабил плечи, с облегчением глядя на маленькую индейскую девочку, робко направляющуюся в его сторону.

— Привет, — тихо сказал Джеймс.

— Привет.

Теперь, рассматривая её с близкого расстояния, мальчик решил, что в прошлый раз ошибся. Ей было больше шести лет. Скорее, семь. У неё были пухлые щёчки, прямой нос и карие глаза, такие тёмные, что казались почти черными.

«Как же хорошо быть такой маленькой», — подумал Джеймс.

— Я слышала, как ты плакал, — произнесла девочка и сложила руки на груди.

— Тебе показалось, — ответил Джеймс, шмыгая носом и выпрямляясь. Несмотря на всю серьёзность ситуации, ему было неловко, что его застали рыдающим, тем более, маленькая девочка.

— Не показалось. Я знаю, что слышала, как кто-то плакал, и знаю, что этот «кто-то» — ты.

Джеймс посмотрел на маленькую девочку и похлопал по бревну рядом с собой. Она моментально на него вскарабкалась.

— Ты наблюдательная.

— Не очень, — ответила она, пожимая плечами. — Думаю, все в лесу тебя слышали.

Наступила тишина. Джеймс пытался справиться с неловкостью, а девочка просто сидела рядом. Джеймсу стало интересно, о чём она думает.

— Как тебя зовут? — спросила она. У неё была тёмная, красивая кожа, а голос был сладким, как у жимолости, если бы жимолость умела говорить.

— Джеймс. Джеймс Крюк.

— Джеймс Крюк.

Девочка хихикнула.

— Смешное имя.

— Ничего не смешное! — с возмущением возразил мальчик.

— А тебя?

— Тигровая Лилия.

Девочка широко улыбнулась, вероятно, гордая своим именем.

Джеймс ухмыльнулся. Джеймс Крюк — имя не глупее, чем Тигровая Лилия.

Она протянула Джеймсу свою крохотную ладошку, и тот её пожал, улыбнувшись, необъяснимо взволнованный из-за такого обычного жеста.

— Почему ты плакал?

— А у тебя много вопросов, не так ли?

— Много.

Джеймс мгновение её рассматривал и решил, что ей можно доверять. Наверно, всем детям её возраста можно доверять.

— Это... Это сложно объяснить. В общем, кажется, я больше не смогу попасть домой.

Тигровая Лилия серьёзно кивнула, будто понимая, что он хотел сказать.

А может, и правда каким-то образом понимала?

Джеймс нахмурился.

— Каким же образом я столкнулся с тобой в лесу? Я думал, ты живёшь по ту сторону реки.

— Так и есть.

— Тогда интересно, как это случилось.

Он отвёл от неё взгляд и начал смотреть на колышущиеся туда-сюда листья и траву. Листья становились ярче, возвращая себе прежнюю окраску, и Джеймс с горечью подумал, что они не потемнели, когда ему было плохо. А ведь учитывая все обстоятельства, так должно было произойти — они реагируют на эмоции. Но он не был Питером. И листьям не было до Джеймса никакого дела.

Девочка пожалала плечами и уставилась в землю, ковыряя её босой ногой. Джеймс решил, что скорей всего, перешёл реку раньше, когда бездумно брёл по лесу.

Казалось, даже тишина была приятной в обществе этой малышки. Она сидела на поваленном стволе и с интересом изучала окружающую их природу. Она и сама не хотела болтать, и Джеймс был ей за это благодарен. Мальчик снова почувствовал смущение, когда слёзы опять почти полились из его глаз, но Тигровая Лилия посмотрела на него, улыбнулась понимающей улыбкой, слишком мудрой для её юных лет, и неловкость исчезла. Джеймс снова тихонько заплакал, и плакал так не меньше пяти минут, а Тигровая Лилия подо двинулась к нему ближе и доверчиво, беззастенчиво, как умеют только маленькие дети, положила ему голову на плечо.

Когда начало темнеть и девочка соскользнула с бревна, Джеймс, наконец, решил встать. Тигровая Лилия ткнула через плечо:

— Река вот там.

А потом просто развернулась и исчезла среди деревьев. Джеймс направился обратно, с трудом вспоминая дорогу к месту, где в последний раз видел мальчишек. Спустя несколько десятков минут скитаний он нашёл его и уселся с краю. Питер заметил его и улыбнулся, будто не было жуткой ссоры, не было драки, не было непередаваемого предательства.

«Он что, и вправду забыл о том происшествии?»

Вряд ли, ведь всё произошло всего пару часов назад. Но Джеймс уже знал, что Питер легко забывает неудобные и невыполнимые вещи. Возможно, он действительно забыл.

Джеймс не улыбнулся в ответ. Он просто лёг на землю в стороне от поляны и закрыл глаза. Он понятия не имел, как попасть на Испанский Мэйн, и опасался, что даже если бы он и знал дорогу, пираты бы всё равно выгнали его, узнав, что он один из банды Питера Пэна. Тигровая Лилия тоже вряд ли пригласит его остаться в её племени, поэтому Джеймс предпочтёт остаться со знакомой угрозой, чем рисковать попасться Грапу, кем бы он ни был, который проглотит его одним глотком.

Нетландия была пугающей и при свете дня. Кто знает, что покажется из её недр, когда наступит ночь?

Нет, он останется с Питером и Потерянными мальчиками, потому что в данный момент у него нет выбора. И хотя сердце отрицало происходящее, разум говорил Джеймсу, что домой он больше не вернётся.

И он не заплакал. Не расстроился. Джеймс просто лежал на земле, осознавая и принимая случившееся, и это его делало сильнее. Этой ночью Джеймс Крюк начал расти.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Несколько лет (если к Нетландии применимо это слово) спустя

Ветер бил в лицо, пока Джеймс бежал в лес всё быстрее и быстрее. Он перебежал бегущую реку и попал на территорию потерянных мальчиков, а на пятки ему наступали индейцы. Несмотря на опасность ситуации, он рассмеялся. Громкий, оглушающий хохот отражался от деревьев. Он услышал боевой клич за спиной и издал такой же в ответ, останавливаясь лишь на мгновение, чтобы удостовериться, что крик достиг индейцев.

— Иди сюда, я здесь, Вождь! Сразись со мной! — дразнил он громким, уверенным голосом. По телу волна за волной бежал адреналин, придавая ему скорости, когда он начал приближаться к лагерю Потерянных мальчиков. Но чем ближе он подбегал, тем дальше становились боевые кличи, пока они совсем не исчезли, и Джеймс теперь был вполне уверен, что за ним нет погони. Он замедлил бег и лёгкой рысцой вбежал на пустую поляну, где его ждали Питер и другие мальчишки.

— Почему ты один? — рявкнул Питер.

— Где индейцы?

— На другом берегу реки. Они не дураки, Питер. Они не попадутся дважды на одну удочку.

— Конечно, не попадутся. Но если бы ты был хоть вполовину так же умён, как я, ты бы их сюда привёл.

Джеймс сжал зубы и поднял брови.

— Если бы.

Питер разочарованно бросил оружие, и среди прежде прекрасной погоды послышался раскат грома, подчёркивающий недовольство Питера. Джеймс подпрыгнул. Питер махнул рукой, позволяя остальным мальчишкам выйти из укрытия. Сегодня засада не понадобилась, и войны с индейцами не будет. Джеймс не переживал из-за этого. А вот Питер очень даже переживал. К нему вернулось отвратительное настроение, не сулящее ничего хорошего окружающим. Он пошёл в лес, возможно, чтобы подурачиться с феями. В конце концов, феи никогда его не разочаровывали.

— Биббл, — поприветствовал Джеймс мальчика, хлопнув его по спине, проходя мимо. Он с радостью заметил, что теперь значительно выше Биббла и выглядит гораздо старше. Джеймс до сих пор не понимал, как это случилось, но сейчас он был определённо самым высоким. Если Биббл за последние пару лет стал выглядеть всего на месяц старше, и на четверть дюйма выше, то Джеймс вытянулся на пять дюймов и выглядел на свой возраст. Он стал загорелым, подтянутым, сильным и тренированным, и считал себя очень симпатичным. Чего нельзя было сказать о Биббле или Боббле — они так и остались долговязыми и неуклюжими со слишком большими ушами и носами.

Джеймс провёл рукой по волнистым чёрным волосам, которые уже почти достигли плеч, и окунул лицо в ближайшую бочку с водой, выныривая и разбрызгивая вокруг себя капли воды. Это вызвало тяжёлые вздохи всех мальчишек, но Джеймс только ухмыльнулся. Он прошёл сквозь лагерь и пошёл прочь — больше ему здесь делать было нечего. Несколько Потерянных мальчиков увязались за ним.

— К лагуне, — произнёс он, тем самым собирая вокруг себя толпу последователей. В лагуне жизнь была ключом: русалки веселились, радужные птицы щебетали, носясь в небе над водой. Джеймс заметил, что огромная скала, возвышающаяся среди лагуны — скала

Заблудшего — была пуста. Скорей всего из-за того, что Питер не пришёл на ней отдохнуть.

Русалки кинули на Джеймса холодный взгляд, когда он снял рубашку и нырнул в воду головой вперёд. Джеймс их проигнорировал, как и всегда. Шалун не стал раздеваться, и одежда висела на нём мешком, настолько он был для неё мал. Он попробовал воду пальцем ноги и медленно зашёл в озеро, пока не скрылся под водой до самого носа. Рыжеволосый и веснушчатый Симпкинс зашёл следом, снова пытаясь осуществить идеальный прыжок ласточкой. Но, что бы у него ни получалось, он всегда уверял, что так и было задумано. Джеймс усмехнулся.

Вскоре к ним присоединилось большинство Потерянных мальчиков, обливая друг друга, крича и смеясь, совершенно не огорчённые отсутствием войны с индейцами.

— Отлично сработано, Джеймс! — подколот его Боббл, подплывая ближе. Биббл подплыл следом.

Джеймс закатил глаза.

— Я тебя умоляю. Индейцы бы на это не повелись.

— Может, и нет, — ответил Биббл, — но, по крайней мере, ты мог выманить Тигровую Лилию и отвлечь этим Питера.

Джеймс сглотнул и чуть-чуть отодвинулся. Он держался на расстоянии от Тигровой Лилии с тех пор, как она начала превращаться из маленькой девочки в кого-то определённо большего. Он уже так долго не разговаривал с ней и даже не встречался! Он намеренно держал дистанцию.

Пэн не любил, когда трогали его вещи.

Биббл прищурился, оказавшись чуть более догадливым, чем его брат, и Джеймс почувствовал, что у него пересохло во рту. И в этот момент Чуточка, позже всего добравшийся до лагуны, прыгнул бомбочкой в воду, вызвав чудовищный всплеск. Ледяная волна окатила близнецов, а вместе с ними и Джеймса, но тот не расстроился. Он ещё никогда не был так рад вымокнуть и замёрзнуть. Если это заставило близнецов перестать задавать вопросы, которых боялся Джеймс, можно было и потерпеть.

Пока близнецы и Шалун старались отомстить Чуточке, брызгая на него водой, Джеймс тихонько подплыл к краю залива и, подтянувшись, вылез из воды, оставив в ней болтаться только ноги. Он закрыл глаза, наслаждаясь теплом солнца. Мальчик заставил себя не останавливаться на расплывчатых образах индейской девочки, а думать только о солнце и сладковатом привкусе в воздухе. По ногам начали ползать мурашки. Последние несколько лет были не такими уж и ужасными, как предполагал Джеймс. Отсутствие мамы и папы иногда его беспокоило, но в большинстве своём жизнь в Нетландии была беззаботной. Иногда, конечно, было скучно, но в целом в Нетландии было гораздо веселее, чем в Лондоне.

Когда Джеймс почувствовал, что над ним кто-то стоит, то встревожился. Он открыл глаза и увидел смотрящего на него Питера, упёршего руки в бока.

Джеймс улыбнулся.

— Что? Всё ещё расстроен явным миром, который я заключил с индейцами?

— Иди за мной.

Джеймс нахмурился. Он в целом был самодостаточным человеком, и ему нравилось исследовать Нетландию в одиночку, но определённо существовала какая-то связь между ним и Питером, которую он не мог объяснить. Такая же связь была у Питера с островом; если Питер что-то утверждал, Джеймсу хотелось согласиться. Если Питер злился, Джеймсу

хотелось это исправить. Поэтому он пошёл за Питером от лагуны в сторону леса.

Питер шёл всё глубже и глубже в лес, и Джеймс потерял его из виду, пробираясь через заросли ежевики. Когда он снова его увидел, Питер завис в нескольких дюймах над землёй, положив подбородок на руки, погружённый в свои мысли.

— Питер, — позвал Джеймс, ощущая привкус соли на языке и прищуриваясь.

— Джеймс.

Глаза Питера улыбались, когда он произнёс имя Джеймса. Мальчик не мог отделаться от ощущения, что его вызвали к директору школы и сейчас будут сильно ругать.

— Что случилось? — уточнил Джеймс.

— Мне надо с тобой кое-что обсудить, — тихо произнёс Питер.

Джеймс ощутил комок в горле.

— Так обсуждай, — ответил он, изо всех сил стараясь проглотить этот ком.

Питер опустил на землю и стал ровно. Джеймс сгорбился (хотя он терпеть не мог горбиться), надеясь выглядеть ниже Питера, но не особо в этом преуспел.

— Ты нарушаешь правила.

Сердце Джеймса бешено заколотилось, а по спине потёк холодный пот.

— Правда?

Питер посмотрел на него, как на идиота.

— Я до сих пор молчал, потому что надеялся, что ты одумаешься. Но ты не одумался, ведь так?

Джеймс сжал зубы и почувствовал, что пора обороняться.

— Хотелось бы знать точно, какие обвинения выдвинуты против меня?

— Стань прямо! — скомандовал Питер, скрестив руки на груди.

— Я и так стою прямо...

— Не лги мне, Джеймс, — произнёс Питер тихим ледяным тоном. — С мальчиками, которые лгут, ничего хорошего не случается.

Боль от этих слов, сказанных когда-то им самим и теперь брошенных обратно в лицо, накрыла Джеймса. Его лицо потемнело, и он выпрямился. Определённо, он был выше Питера.

Питер подошёл ближе, и Джеймс постарался не отшатнуться, хотя и начал дрожать. Больше всего ему сейчас хотелось убежать прочь в заросли за его спиной.

— Разве я не понятно объяснил наши правила в тот день, когда ты сюда попал? — поинтересовался Питер, не мигая глядя на Джеймса.

— Несомненно.

— А сейчас...

Питер замолчал, видимо, стараясь казаться более грозным. Затем продолжил:

— А сейчас ты нарушил одно из первых правил.

На это было нечего возразить.

— Это всё?

— Нет. И мы оба это прекрасно знаем.

Джеймс выпрямился, на секунду отводя взгляд от лица Питера, но этого мгновения ему хватило, чтобы собраться с мыслями.

— И какое же следующее обвинение? — его голос был не таким ровным, как Джеймсу хотелось бы.

Питер посмотрел вдаль, остановившись на какой-то невидимой точке. Затем снова

глянул на Джеймса.

— Я заметил в тебе кое-что настораживающее. То, что, как я надеялся, ты никогда не совершишь.

— И что же?

— Ты растёшь.

Глаза Питера опасно засверкали, полные дурных предзнаменований и яда.

Кровь отхлынула от лица Джеймса.

— Неправда.

— Посмотри на себя! Ты высокий. У тебя появились мышцы на руках. И у тебя пропало мальчишеское выражение лица. Ты превращаешься в мужчину, Джеймс.

Джеймс покачал головой, внешне отрицая, но внутренне, зная, что это ложь. Нервы были натянуты, а от прилива адреналина кровь стучала в висках.

— Я не хочу становиться мужчиной, Питер. Ты это знаешь. Я Потерянный мальчик, как и ты, и Биббл, и Чуточка, и Шалун. Я клянусь тебе, что никогда не вырасту! Ты мне не веришь?

Пэн пожал плечами.

— Хотелось бы верить. Но вот ты стоишь передо мной, больше похожий на мужчину, чем на мальчика. И чему прикажешь мне верить?

Внутренности Джеймса скрутило от ужаса.

— Поверь мне, Питер. Поверь своему другу. Я не расту, я клянусь. И я... я стану ниже. Я найду способ это сделать. Ты должен мне поверить, Питер.

Питер отступил назад на пару шагов и взлетел в воздух, оценивающе глядя на Джеймса со всех сторон. Джеймс абсолютно не понимал, почему так нервничает, безумно нервничает, и почему единственное чувство в нём сейчас — это холодный, пронизывающий ужас. Он никогда не слышал, чтобы кто-то прежде нарушал правила, так что наказания могло и не быть. И, тем не менее, неотступно накатывающие волны паники были практически осязаемы.

Наконец Пэн спустился обратно на землю и заглянул Джеймсу в глаза:

— Даю тебе шанс, Джеймс. Последний.

И он припустил прочь, напевая:

— Ох, я просто само великодушие!

Джеймс сполз по стволу ближайшего дерева и провёл рукой по лицу, проклиная растущую щетину на подбородке. Он понятия не имел, как остановить «процесс взросления», если тот уже начался, и если смотреть на вещи реально, вряд ли он станет ниже в ближайшее время. Положа руку на сердце, он вообще надеялся, что Питер позабудет обо всём, и всё пойдёт, как раньше, будто Джеймс всё ещё был Потерянным мальчиком, а не превращался в мужчину.

Это было маловероятно.

Джеймс сидел в лесу до самой темноты, так усиленно думая, что было удивительно, что никто этого не слышал. Он не был полностью уверен, где сейчас безопаснее: в лесу, где можно попасть в лапы Нетландского Чудовища, или на поляне, где он попадётся на глаза Питеру. И мальчик замер в нерешительности.

Слева от него треснула ветка, и Джеймс вскочил на ноги, потянувшись за кинжалом, который всегда носил за поясом.

Из-за дерева возник Биббл с поднятыми руками, и выглядел он... маленьким. Неужели

он всегда выглядел таким?

— Ты в порядке? — спросил Биббл.

Из Джеймса будто выпустили весь воздух, и он сполз обратно на землю. Биббл присел рядом и взял веточку.

— Где Боббл?

— В лагере. Мальчишки пытаются поймать светлячков, чтобы сделать из них фонарики. Джеймс усмехнулся, откинулся назад и оперся затылком о ствол.

— Как так вышло, Биббл, что ты ещё ребёнок?

— Что? — вскинул голову Биббл.

— Посмотри на меня, — произнёс Джеймс, вытягивая руки.

— Я больше тебя. И старше. Вы с Бобблом были старше остальных, когда я здесь очутился, а сейчас что? Да вы года на три меня младше! На два так уж точно!

Биббл поджал губы, рисуя что-то веточкой на земле. От неё исходило разноцветное свечение, когда мальчик проводил ей по песку, и это было небольшим утешением. Питер терпеть не мог, если лес вёл себя необычно. Джеймс помнил время, когда радужные линии на земле приводили его в восторг. Может, он уже вырос для таких вещей?

— Есть ли способ это остановить? — спросил Джеймс, поворачивая голову в сторону Биббла.

— Что?

Биббл старался не смотреть Джеймсу в глаза. Тот понимал, что Биббл уклоняется от ответа и просто тянет время. Он решил не давить на мальчика и повторил, будто для себя:

— Есть ли способ остановить взросление, если оно уже началось? Или, не знаю, повернуть всё вспять?

Биббл вздохнул, посмотрел на Джеймса и отложил палочку.

— Не думаю. Ты взрослеешь благодаря опыту. После смерти Флоббинса... Я переживал из-за неё сильнее, чем другие, ведь в какой-то мере это была моя вина — именно я создал этого ужасного Грапа. Эти переживания заставили меня повзрослеть больше, чем других. Но Бобблу не нравилось, что я стал старше него, и мы тоже захотели повернуть время вспять. Мы проводили всё свободное время с феями, плескались с русалками, совершали глупости, как и в первые дни в Нетландии. Но это не сработало.

Джеймс молчал. Он закрыл глаза, мечтая, что если он не будет видеть Нетландию, она исчезнет, как и Питер, и вся эта проблема.

— Прости, Джеймс. Я хотел бы, чтоб у тебя всё получилось.

— Как и я, — прошептал Джеймс, скорее для себя, чем для своего друга.

— Идём, вернёмся в лагерь. Скоро будет ужин.

Биббл протянул Джеймсу руку, помогая подняться. Джеймс старался не обращать внимания, что Биббл напрягся, стараясь удержать его вес. Они направились обратно в лагерь, и Джеймс даже не съел ничего из того, что принёс Питер.

В течение нескольких последующих дней в Нетландии (а они могли быть как длиной с

месяц, так и проноситься, как несколько часов) все вели себя как обычно — провоцируя индейцев на стычку, плавая с русалками, убивая одинокого пирата (хотя в этом конкретном походе Джеймс всегда старался незаметно улизнуть) и танцевали на полянке с феями.

Но однажды вечером, когда Питер был в особенно плохом настроении, что было уже обычным делом — в последнее время всё его общение с Джеймсом было наполнено враждебностью — дружелюбие и вежливость подошли к концу.

Ночь была тёмной, и Потерянные мальчики резвились со стайкой фей рядом с ревущими языками пламени, потрескивающими и разбрасывающими пепел вокруг себя. Огонь отбрасывал странные тени и полутени на землю и деревья, и Джеймс ими наслаждался, пока не заметил, как они играют на лице Питера. Тот сидел, полностью погрузившись в свои мысли, что обычно происходило только наедине с Джеймсом, а когда Питер оказывался в компании других мальчиков (которых он до сих пор любил), его легко было увлечь какой-нибудь игрой. Но сегодня присутствие Джеймса (а Джеймс не сомневался, что именно он служил катализатором) было настолько неприятно для Питера, что от него явно исходили волны злости, даже несмотря на присутствие других.

Питер становился всё мрачнее и мрачнее, и вскоре все феи благоразумно улетели прочь, а в воздухе запахло чем-то похожим на дым и серу. Джеймсу стало неуютно, и он не мог больше сидеть сложа руки и наслаждаться бликами костра. Он тихонько поднялся со своего места.

— Куда ты собрался? — спросил Питер невыразительным голосом.

— Ещё не решил.

— Тогда сядь обратно, — снова произнёс он, обнажая зубы в жалком подобии улыбки.

— Не хочу.

— Почему?

Джеймс сжал зубы, его начало колотить от страха и гнева.

— А я должен обо всём тебе докладывать, Питер?

Питер помолчал, снова и снова перебрасывая кинжал из руки в руку и глядя на лижущие поленья языки пламени. Он глянул на танцующих мальчишек, и одного взгляда хватило, чтобы веселье прекратилось.

— Сегодня ночью, мальчики, нас ждёт кое-что особенное.

Никто не ответил, не проронил ни звука, было слышно лишь потрескивание огня и нежное дуновение ветерка. Молчание затянулось, пока Шалун не пискнул:

— И что это, Питер?

— Сегодня, — ответил тот, — мы займёмся Прореживанием.

Джеймс вскинул брови.

— Прореживанием?

— Да.

Потерянные мальчики тоже стояли в замешательстве. Чуточка почесал живот, а Биббл поджал губы, выглядя более обеспокоенным, чем остальные.

Симпкинс уточнил:

— Питер, а что такое «Прореживание»?

Чуточка важно выпятил грудь и закатил глаза после фразы Чуточки:

— Не могу поверить, что ты не знаешь, что такое «Прореживание»!

Но добавлять ничего не стал.

Джеймс усмехнулся. Чуточка всегда считал, что знает всё, что возможно знать, что, естественно, не было правдой.

Питер вновь уставился на свой кинжал. Огонь отбрасывал зловещие отблески на лезвии и на лице Питера, тени плясали на телах мальчиков, неотрывно смотрящих на Питера. Тот медленно поднялся со своего бревна около костра, вновь перебрасывая нож из одной руки в другую.

— Джеймс. Надо поговорить.

— Так что насчёт прореживания? — повторил Джеймс напряжённо.

— Именно об этом нам и надо поговорить.

Питер кивнул в сторону тёмного леса, где листья меняли цвета с тёмно-зелёного на серебристый и чёрный. В воздухе появился металлический привкус. Джеймс дёрнулся было в сторону зарослей, но потом откинулся обратно на стволе, бросая Питеру вызов. Часть его — та, что желала одобрения Питера — хотела пойти за ним в лес, но другая — большая часть, очень боялась того, что могло там с ним произойти. И к тому же, по мнению Джеймса, Питер слишком нежно разглядывал свой кинжал.

— Тогда говори, — произнёс Джеймс.

— Ты мной командуешь?

Джеймс впился ногтями в ладони, понимая, что если ещё хоть чуть-чуть усилит давление, прорвёт кожу до крови.

— Я никуда не пойду.

По лицу Питера пробежала тень, и он скривил губы, одинокая фея снова появилась рядом с ним.

— Ты снова бросаешь мне вызов.

— Питер, будь благоразумен.

Биббл кашлянул за его спиной, а Чуточка пискнул.

Питер взлетел над землёй, будучи чистым сгустком ярости. В небе мелькнула молния.

— Я привёл тебя сюда, Джеймс Крюк. Я избавил тебя от тоскливой лондонской жизни и показал это место — место, где ты никогда не вырастешь. Ты мог бы навсегда остаться мальчиком, но что сделал ты? Ты плюнул мне в лицо!

Джеймс тоже повысил голос в ответ.

— Избавил меня? От чего именно?

— Я думал, что от взросления. Но посмотри на себя. Ты всё разрушил, ты — мужчина.

Последнее слово он произнёс с такой злобой, что Джеймс отшатнулся.

— Ты предал меня. Ты вырос.

У Джеймса перехватило дыхание.

— Нет.

Питер поднялся выше в воздух.

— Подлети ко мне, Джеймс.

Джеймс уставился на него, было слышно, как сердце острова всё сильнее грохотало сквозь землю. Джеймсу уже давно не приходилось летать.

— Если ты не мужчина, тогда поднимайся ко мне, — с издёвкой крикнул Питер.

Фея Питера трепыхалась и подпрыгивала рядом, и Джеймс мог на чём-то сфокусироваться, пока Питер не отправил одним щелбаном фею обратно в лес. Джеймс на долю мгновения встревожился за жизнь этого маленького создания. Но у него не было времени на сочувствие.

Потерянные мальчики переводили взгляд с Питера на Джеймса. Лицо Биббла было самым побледневшим и встревоженным. Биббл схватил Джеймса за руку и прошептал:

— Джеймс, просто лети к нему. Мы можем со всем покончить.

Боббл повторил за братом, вскоре не осталось ни одного мальчика, кто бы не убеждал Джеймса взлететь. Джеймс сглотнул, внимательно глядя на парящего вверху мальчика, приглашавшего к нему присоединиться. Джеймс решил, что проблема смехотворна, и если это убедит Питера, он взлетит.

Джеймс представил самое счастливое воспоминание, одно из тех, что он вытаскивал из памяти каждый раз, когда надо было взлететь. Это была картинка, немного размытая, где его отец, беременная мать и он завтракают, ещё в то время, когда он был простым мальчиком. Джеймс тряхнул головой, отрицая, что его детство осталось в прошлом. Он всё ещё был мальчиком, и докажет это, взлетев вверх. Он сосредоточился на счастливой мысли, чувствуя, как от неё согревается всё внутри. А когда открыл глаза, сильно встревожился. Он всё ещё стоял на земле, а не поднялся в воздух.

Пэн крикнул:

— Лети ко мне, Крюк!

Джеймс собрал все силы, стараясь оторваться от земли, но ничего не получалось. Волны паники накатывали одна за другой, каждый мускул, каждая клеточка, каждая волосинка начали дрожать. Он широко открытыми глазами уставился на Биббла, и у того отвисла челюсть.

— Ну, что случилось, Крюк? — снова закричал Питер.

— Не можешь взлететь?

— Я, ну... Я...

А что тут можно было сказать?

— Не могу.

Питер победил его. В Нетландии только мальчики могут летать. Взрослые — нет. Нельзя больше отрицать очевидное. Джеймс Крюк больше не был мальчиком.

Питер спустился на землю.

— Поостроиться!

Джеймс по привычке побежал строиться, но Пэн остановил его взмахом руки.

— Нет. Тебя нельзя. Тут строятся только Потерянные мальчики.

Джеймс удручённо отошёл назад.

— Назовитесь!

Биббл заколебался, бросая испуганные взгляды на Джеймса, но всё же крикнул:

— Биббл!

— Боббл!

— Чуточка!

— Симпкинс!

— Шалун!

Джеймс почувствовал пустоту внутри, а Питер ещё сильнее надавил на больной мозоль, окидывая Джеймса взглядом с ног до головы.

— Теперь ты, Джеймс. Что же нам с тобой делать?

Мёртвая тишина, от которой кожа покрывается мурашками и в ушах начинает звенеть.

— Мне уйти? — голос Джеймса сорвался.

— Не раньше, чем мы проведем Прореживание, — ухмыльнулся Питер.

— Так что же это за Прореживание, о котором ты столько говоришь?

Джеймс лихорадочно сжимал и разжимал кулаки, пока это движение не превратилось в безумие.

— Понимаешь, Джеймс... Я недавно понял, что не каждый Потерянный мальчик заслуживает здесь находиться.

Улыбка Питера стала шире, ноздри затрепетали, и на глазах ниоткуда расцвело счастливое выражение лица.

— Когда Потерянный мальчик начинает взрослеть, приходит мой черёд содержать Нетландию чистой, свободной, такой, какая она должна быть. Такой, какой я задумывал её с самого начала. Когда Потерянные мальчики начинают расти, на меня падает огромная ответственность — я должен их проредить.

Паника скрутила внутренности Джеймса тугим узлом, а мысли бешено завертелись, стараясь придумать любое другое объяснение словам Питера. Похоже, никто из остальных мальчишек ещё ничего не понял.

— Ты имеешь в виду...

Джеймс остановился, делая глубокий вдох.

— Ты должен проредить меня?

Глаза Питера сделались дикими, и он пошёл на Джеймса, вытянув вперёд кинжал. На Джеймса накатила волна паники, но он действовал на адреналине. Он уклонился от удара и обхватил Питера со спины, радуясь впервые за последнее время своим более развитым мышцам, и воспользовавшись маленьким ростом противника, бросил его в грязь. Питер вскочил, размахивая клинком — дикий, агрессивный, жаждущий крови.

Биббл издал неразборчивый то ли вскрик, то ли всхлип, глядя, как мальчик и юноша кружили друг напротив друга, ожидая, кто же первый допустит промах. Внезапно Питер поднялся в воздух и полетел прямо на Джеймса.

— У тебя дурные манеры, Питер! — прокричал Джеймс, недовольный тем, что Питер хотел использовать против него своё преимущество. Питер по-прежнему приближался, и Джеймс выставил колено, ударяя им Питера в живот. Но летящий на скорости Питер всё равно врезался в Джеймса и опрокинул его на землю.

Эти двое какое-то время ещё возились в грязи, разбавляя тишину глухими ударами и ворчанием. Джеймс вскочил с земли, бросился на Питера, заставив его вздрогнуть и закричать. Питер вывернулся с такой скоростью, что Джеймс почти не заметил этого. И

после этого всё было кончено. Питер оказался сверху, упираясь коленом Джеймсу в грудь так, что тот почти не мог вдохнуть. Может, у него сломаны рёбра и одно из них проткнуло лёгкое?

Питер приставил лезвие к горлу Джеймса. Джеймс чувствовал, всё в нём яростно сопротивляется смерти, листья царапают спину, а толстая ветка впиалась в плечо. Он уставился на Питера, не желая даже в мыслях признавать то, о чём говорило его тело — через минуту он будет мёртв.

— Питер, — сказал он, делая последнее отчаянное усилие.

— Да?

— Кажется дурным тоном убивать меня ножом.

Питер заколебался. Он был очень озабочен вопросами справедливости, Джеймс это знал.

— Что заставляет тебя так говорить?

Джеймс хрипло вдохнул драгоценный воздух, царапая лезвием кожу.

— Мы оба прекрасно знаем, что ты можешь убить меня одной рукой.

— Правда? — ухмыльнулся Питер.

Краем глаза Джеймс видел лица близнецов; они стояли с открытыми ртами и выпученными глазами.

— Ну конечно, — ответил Джеймс, задыхаясь. — Тебе не нужно оружие. Ты умеешь летать, ты гораздо умнее меня, и ты можешь убить меня голыми руками. Так что не совсем честно убивать меня кинжалом.

Питер ослабил хватку, и Джеймс жадно и глубоко вдохнул.

— Кажется, это и вправду нечестно, да? Я ведь довольно умён и довольно добр.

— Конечно. Так и есть.

Питер на мгновение отвёл взгляд от лица Джеймса и взгляделся в темноту, ещё больше ослабляя давление лезвия. И Джеймс воспользовался своей единственной возможностью: он оттолкнулся от земли и отбросил Питера в сторону, затем вскочил на ноги и подобрал впивавшуюся в плечо палку. А когда Питер ринулся на него, замахнулся изо всех сил. И вряд ли неразвитая мускулатура Питера могла с ней тягаться — раздался глухой удар, и Питер упал на землю.

Джеймс рванул прочь, не оглядываясь. Он понятия не имел, куда идёт, преследует ли его Питер, и как он будет дальше жить, но бежал вперёд. Ветви били его по плечам, резали руки, и казалось, весь лес сжимался вокруг беглеца. Во рту снова появился металлический привкус, а ветер колот иглами голую кожу. Он не слышал за спиной погони, но всё равно продолжал бежать. И вдруг остановился, перед ним бежала и шумела река. А за ней обитали индейцы. Джеймс колебался. Он догадывался, что на той стороне реки ничего хорошего его не ждало. Но и на этом берегу оставаться было опасно. Джеймс застыл, понятия не имея, что делать.

За спиной раздался крик вороны, но его скорее издал человек, а не птица, и Джеймс больше не раздумывая бросился в воду. Впереди виднелся небольшой костёр, от которого вверх тянулся почти белый на фоне тёмного неба дым. Юноша подбирался всё ближе и ближе к лагерю, пока не разглядел слоняющихся туда-сюда людей. Вскоре он смог даже рассмотреть их лица. Он не собирался входить в поселение, но тут из ниоткуда появился огромный мужчина, в котором Джеймс узнал Вождя, и преградил ему дорогу.

— Джеймс Крюк.

Он медленно посмотрел в глаза мужчины.

— Вождь.

— Мы устали от твоих провокаций.

Вождь был такого же роста, как и всегда, таким образом, Джеймс на мгновение задумался, мог ли он сам уменьшиться. Он, конечно, чувствовал себя маленьким под жестким взглядом другого мужчины.

Джеймс отступил.

— Я, правда, сожалею об этом, Вождь. Прошу, давайте не будем ссориться сегодня вечером.

— Тогда чего же ты просишь?

— Убежища.

Вождь какое-то время на него смотрел, темными хитрыми глазами.

— Убежища от кого?

— От Пэна.

— Неожиданно, — просто ответил он.

Слезы навернулись на глаза Джеймса, и он заморгал, чтобы предотвратить их.

— Для нас обоих, сэр.

Джеймс устоял на землю, прекрасно зная, что он не сделал за эти годы ничего заслуживающего каких-то особых милостей от Вождя. Конечно, они не всегда боролись; иногда у них были великие торжества и охотничьи вечеринки и танцы. Однако чаще Джеймс предпринимал попытки, по приказу Пэна, спровоцировать их на войну.

— Посмотри мне в глаза, Крюк.

Джеймс так и сделал.

— Так Пэн решил поохотиться на своих мальчиков? — Вождь скрестил руки на груди, его мышцы выглядели как каменные глыбы, жесткие и выпуклые.

— Только на меня. Кажется, я расту.

Вождь оглядел его сверху до низу, гусиные лапки появились у его прищуренных глаз.

— Это действительно так.

— Он преследует меня даже сейчас. Я прошу, хотя знаю, что это незаслуженно, чтобы вы позволили мне вступить в ваши ряды.

Вождь покачал головой. — Ты не один из нас.

— Я больше не один ни из кого.

Он положил широкую ладонь на плечо Джеймса и посмотрел на его лицо.

— Ты другой вид мальчика... мужчины, Крюк. Я бы хотел тебе поверить. Но не могу рисковать безопасностью своего племени. Если я вступлюсь за тебя, а потом выяснится, что это было другой из ваших уловок, и ты хотел заманивать нас в засаду, некого будет винить, кроме меня.

Джеймс медленно закрывал глаза и открывал их снова.

— Куда мне теперь идти?

— Ты найдешь ответ.

Вождь сильно хлопнул его по плечу и пошёл обратно в лагерь. Джеймс ссутулился и вздохнул, выражая весь свой страх и злость, и глухую тоску. А потом развернулся спиной к лагерю индейцев и поплёлся в никуда.

— Подожди, — услышал он милый голос. Он остановился.

— Джеймс Крюк.

— Тигровая Лилия.

Он едва мог её разглядеть в темноте. Привкус металла во рту становился всё сильнее, листья на деревьях превратились из серебристых в практически чёрные, а на небо будто выплеснули банку чернил, такое оно было тёмное.

Когда она подошла ближе, у Джеймса перехватило дыхание. Индейцы и Потерянные мальчики иногда встречались за пределами битвы, но, как он и говорил Бибблу, Джеймс нарочно избегал встреч с Тигровой Лилией с тех пор, как заметил, что она начала взрослеть. Время от времени она сталкивалась с Питером, и Джеймс видел размытую фигуру вдаль, но на этом было всё. Ради собственного спокойствия Джеймс никогда не сталкивался с ней, с той ночи много-много лет назад, о которой он старался больше не вспоминать, с той ночи, когда он понял, что уже никогда не вернётся домой. И хоть с тех пор, как они виделись в последний раз, Джеймс вырос на пять лет, Тигровая Лилия повзрослела, казалось, лет на десять, и теперь выглядела всего на год-два младше Джеймса.

Ее волосы были длиннее, чем он помнил, и ниспадали черными волнами до талии, которая была слегка изогнута, что невозможно было отвести взгляд. Она была нежной, но сильной, как и ее тезка. Она пахла дождем. Она слегка прочистила горло, и Джеймс понял, что он забылся.

— Ты знаешь меня, — сказал он.

— Конечно, знаю. Я видела тебя с Питером. И я никогда не забуду ту ночь, когда я была просто маленькой девочкой. Я никогда не видела, чтобы мальчик так плакал.

Джеймс был рад, что было темно. Темнота скрывала его пунцовое лицо. Он кашлянул.

— Да. Хорошо. Не мой звездный час.

Тигровая Лилия шагнула немного ближе, и Джеймс подумал, что у него перехватило дыхание, пока он вообще не мог дышать. Он решил, что избегать ее все эти годы было мудрым решением.

— У тебя кровь.

— Да? — Затем Джеймс почувствовал боль на горле, где нож, по всей видимости, порезал его кожу.

— Жди здесь, — приказала она, вытягивая руку. Как будто он мог сделать что-нибудь еще. Когда она вернулась, то держала в руке что-то мокрое. Она показала на черную землю, и Джеймс присел рядом с ней. Затем она прижала к его горлу что-то, как ему показалось, какую-то ткань. Он зашипел от колющей боли, и Тигровая Лилия закатила глаза и коснулась его обнаженной кожи свободной рукой. Джеймс сглотнул, гул волнения затопил его, от ее прикосновения к его горлу, от того, что ее грудь слегка двигалась вверх и вниз меньше чем в дюйме от него.

— Откуда это у тебя? — спросила она.

— По милости Питера Пэна.

Он увидел какую-то странную вспышку в ее глазах, и на мгновение она отвела взгляд. Затем взяла себя в руки.

— Так вот... почему ты бежишь посреди ночи?

— Да.

— Мне очень жаль.

Он не знал, почему она должна извиняться, но не давил на нее.

— Я просто... хотел бы я знать, что делать.

Тигровая Лилия прикусила губу.

— Я ничего не могу предложить тебе. Как только мой отец принял решение, оно окончательное. Прости. Она заколебалась на мгновение, чтобы пересмотреть решение, как он надеялся. Но потом снова она начала прижимать ткань к его шее, глотая то, что было похоже на вину.

Он поймал ее руку, когда она смыла кровь с его горла, и она посмотрела на него.

— Никогда не извиняйся передо мной, — сказал он, его голос был хриплым и уставшим. Старше. — Спасибо за твою доброту. Сейчас и несколько лет назад.

Она пристально посмотрела на него, и он почувствовал, как у него участился пульс. Затем он позволил ей уйти, услышав вороний крик где-то вдалеке, в направлении лагеря Потерянных Мальчиков, но, скорее всего, ближе. Тигровая Лилия тоже его слышала.

— Позаботься о себе, Джеймс Крюк.

Затем Тигровая Лилия исчезла, и он остался один с открытым ртом, глупо потеющий, но не от бега. Но он отбросил мысли о ее лице, и заставил себя сосредоточиться на непосредственной угрозе, которая, вероятно, направлялась к нему. Он посмотрел на звезды и глубоко вдохнул, боясь.

Предчувствие.

С Потерянными Мальчиками и Пэном, обратившимися против него, и индейцами, отказавшими ему в помощи, было только одно место, куда он мог пойти.

Джеймс не слышал ничего, кроме собственных шагов и шума прибоя, пока пробирался к берегу. Он уже начал сомневаться в своём решении. Кто он: взрослый умный мужчина или импульсивный мальчишка? Было ли разумным искать прибежища среди разбойников? Разбойников, знающих, что он в течение нескольких лет водился с Пэном и Потерянными мальчишками.

«Может, будет лучше постараться жить самому?»

Джеймс мрачно усмехнулся своим мыслям. Нетландия была не тем местом, где можно выжить в одиночку с её тёмными уголками и лишь призрачным светом. Поэтому, несмотря на свои опасения, Джеймс продолжал идти вперёд.

Соленый запах океана пробрался в его нос, пробуждая ужасные, болезненные воспоминания события многолетней давности. Это до сих пор преследует его, лицо того пирата, до того, как Пэн перерезал ему горло. Первое убийство, частью которого он когда-либо был. И лицо того пирата было причиной того, почему он оказался здесь сейчас, в ярдах от Испанского Мэйна.

Как чудище, он возник на побережье, лунный свет повсюду разливал огромную, но изящную тень корабля. Древесина была прекрасной, темной и крепкой, линии вырезаны рукой мастера, и, по какой-то неведомой причине, Джеймс был так поражен, что не мог оторвать глаз. Глубоко в душе он знал, что мастером был он сам, в то время, когда был мальчиком, и мир все еще казался простым. В то время, когда ему нечего было бояться, пока он спал и ночами мечтал быть капитаном Испанского Мэйна, геройствовать и плыть по морю.

С корабля до него доносилась слабая музыка, мелодия переливалась за край и становилась всё громче и громче, пока почти не оглушила подбирающегося поближе Джеймса. Хотя, по сути, это была не музыка, а просто шум. Сиплые выкрики и пение выпивших пиратов, выводивших какой-то мотивчик. Но почему-то этот гвалт не пугал. Он завораживал.

Решив повторить то, что проделал несколько лет назад, Джеймс начал взбираться по боку корабля, конечно, не так легко, как это делал тогда Питер, но главное — залез. Пока он долез до верхнего края, руки уже горели огнём, и он приподнял голову, чтобы рассмотреть, что творится на корабле.

В воздухе сильно пахло виски и давно немытыми телами. Но всё это было приправлено грубым, безудержным весельем, которое не делало этот запах таким уж ужасным. На корабле было по-меньшей мере тридцать человек, может больше, в разной степени трезвости. Кто-то пел, кто-то танцевал, кто-то валялся без сознания, а кто-то уже почти отключился, но не выпускал из рук бутылку. Это была ночь шумной попойки.

Джеймс пару раз глубоко вдохнул и перепрыгнул через борт, приземлившись с громким стуком на палубные доски. Всё веселье мгновенно стихло.

Несколько мгновений пираты молча смотрели на него. Было слышно лишь, как волны плещутся за бортом. Джеймс прирос к палубе, испуганный, но старающийся казаться уверенным. А потом мужчина, которого он встретил много лет назад на берегу, выступил вперёд. От глаз разбежались лучики морщинок, пират улыбался. Он подошёл ближе, протянул Джеймсу руку и склонил голову, а затем прижал шляпу к сердцу.

— Капитан, — произнёс он.

Джеймс помнил их последнюю встречу. Эта сцена проносилась с тех пор в его голове каждый вечер перед сном. Но то, что произошло потом, раньше не случалось. Остальные мужчины по очереди становились на колени, следуя за первым пиратом, и шептали:

— Капитан. Капитан.

Джеймс онемел. Все стояли и смотрели на него.

— Я, я... — он заикался.

— Да, — произнёс главарь с улыбающимися карими глазами и золотым зубом.

— Вы — Капитан Джеймс Крюк.

Капитан. Значит, сработало. Ему снилось в Лондоне каждую ночь, что он капитан. Что плавает именно на этом корабле, именно с этой командой, руководит, грабит и разоряет вражеские суда. Он воображал себя Капитаном Джеймсом Крюком — и вот он здесь.

— Да, — ответил Джеймс, но мысли путались. — И я вас знаю. Но, простите... Никак не могу вспомнить ваши имена.

Джеймс почувствовал, как к щекам прилила кровь, но прошло слишком много времени с тех пор, как они ему снились. Прошло слишком много времени с тех пор, как ему вообще что-то снилось. После того, как покинул Лондон, он не видел снов. Поэтому имена его товарищей оказались похоронены в пыльном уголке памяти, и сейчас он просто стоял и краснел от смущения.

— Старки, Капитан, — ответил пират, не удивляясь вопросу. — А это будет Билл Джукс. — Джукс вышел вперед и протянул мускулистую и в большой степени татуированную руку. Джеймс широко улыбнулся, пожав ее. Теперь все чувствовалось более реальным, чем когда-то в его мечтах, крупная рука мужчины сжималась вокруг руки Джеймса, будто он мог сломать ее, если бы пожелал, лунный свет танцевал у него на лысине. — И Сми. — Полный маленький рыжеволосый человек в очках, слишком маленьких для его лица, вышел из-за команды и грандиозно поклонился, снимая шляпу. Он подошел, улыбаясь, светло и тепло. Джеймс был уверен, что ему понравился этот парень.

Потом Старки представил каждого пирата по имени. Джеймса удивило, что дикая банда пиратов была более культурна, чем Потерянные Мальчики.

— Мы ждали вас, Капитан, — сказал Старки.

Покалывающая теплота распространялась по телу Джеймса от макушки до кончиков пальцев ног. Чувство, которое испытывал, когда последний раз был дома.

— Ждали?

— С тех самых пор, как мы себя помним.

По лицу Джеймса расплылась улыбка. Он ещё раз глянул на Старки, теперь замечая незнакомый глубокий шрам от левого уха наискосок через щеку к подбородку. Но взгляд, приподнятые уголки глаз и весь его вид — уверенный, знающий — были знакомы из сна. Джеймс пока не мог таким похвастаться, поэтому решил оставить все эмоции на потом, и ещё немного поиграть в капитана. Он выпятил грудь:

— И где каюта капитана?

Джеймс не мог точно сказать, насколько корабль соответствует его снам, но если он взят оттуда полностью, то его каюта должна быть где-то поблизости. Юноша пошёл за Старки из юта к маленькой комнатке, отгороженной от остальных кают. Но когда Старки толкнул дверь, Джеймс понял, что комната совсем и не маленькая. Напротив, она огромная, совсем как в его снах, даже такие же гобелены на стенах.

Это была огромная каюта, заполненная роскошью, и в ней было на несколько градусов теплее, чем на палубе. Большая кровать в углу комнаты, драпированная тяжелой темно-красной тканью, одеяло, такое огромное, что в него можно было с лёгкостью закутаться, и дубовый стол, на котором стояли кубки — золотые, как он и мечтал, кажется, вечность назад — наполненный напитком, который уж теперь-то он сможет выпить, если захочет. Из груди Джеймса вырвался довольный смех. Сама комната была в красных и золотых тонах — большие и совершенно безвкусные занавески, богатая темная древесина на полу, шикарные красные коврики перед кроватью и под окном. Он зарылся пальцами ног в мягкий ворс, задыхаясь от восторга. Как давно он не стоял голыми ногами на чём-то, что не хотело его расцарапать или пощекотать. В углу висела длинная красная куртка и экстравагантная широкополая шляпа, которая ему отлично подходила. А шляпа была точно такой, как в его детских мечтах.

Джеймс подошел к углу и взял куртку, висевшую на крючке, а затем перебросил ее через плечо. Он нахлобучил шляпу на голову, совсем не замечая ничего вокруг себя. Затем он подошел к зеркалу на другой стороне комнаты и посмотрел на себя.

Его волосы стали длинными и волнистыми, гораздо длиннее, чем мать позволяла ему отрастить в Лондоне. Он уже стал выше, чем был часами ранее. Он дотронулся до своего лица. Появились маленькие усики и настоящая щетина там, где раньше ее никогда не было. Несмотря на то, что он провел на Испанском Мэйне очень мало времени, от него уже пахло морем.

Его глубоко поразило то, что он смотрел на зеркальное отражение своего отца. Джеймс подавил глубокий всхлип и, затаив дыхание, отвернулся от него. Парень стоял так минуту, грызя зажатую в кулак руку, чтобы подавить эмоции, затем повернулся и снова взглянул на лицо в зеркале.

Он был похож на своего отца. Но он также был и капитаном и верил в это до глубины души.

— Старки, — сказал он.

— Да, Капитан? — Старки заглянул в комнату, на глазах у толпы пиратов. Казалось, он был восхищен этой простой фразой.

— Что мы делаем на борту Испанского Мэйна?

— Грабим, сэр. Мародерствуем и идем по ветру. — Он громко рыгнул, а затем прикрыл рукой рот. Казалось странным, что он смутился. — И пьем, сэр.

— Что вы грабите и где мародерствуете? — спросил Джеймс, снова бросая взгляд на зеркало и поправляя шляпу на голове.

— Я, э, честно не знаю. — Старки нахмурился, щеки пошли пятнами, но это было так незаметно, что никто, кроме мальчика, который знал его всю жизнь, и не заметил бы. — Мне кажется, что мы планировали грабить или мародерствовать или что-то еще уже довольно давно. Но, чаще всего, мы в конечном итоге просто ждем.

Краем глаза Джеймс увидел, как Джукс начал смеяться, а Сми нервно переминался с ноги на ногу.

— Это нужно исправить, — сказал Джеймс, вздергивая подбородок.

— Да! — сказал Старки, его глаза снова засветились, а морщины разгладились.

Команда позади него повторила грозное «Да!».

После этого все дружно осушили кубки с вином. Пираты медленно разбрелись по палубе, будто ничего особенного этой ночью и не произошло. А, может, так оно и было.

Возможно то, что Джеймс стоял в каюте капитана в костюме пирата, было самым естественным и обыденным событием с тех пор, как он попал в Нетландию.

Джеймс присел на свою кровать — и как он рад был, наконец, видеть кровать! — и сбросил рваные башмаки. Он были похожи больше на сшитые вместе листья, чем на туфли, и грозили развалиться при каждом шаге. Юноша откинулся на кровать, наслаждаясь мягкостью перины.

До этого момента он и не осознавал, насколько вымотан. Азарт от адреналина проходила, оставляя мальчику — мужчине — лишь усталость. Эта усталость проникала вглубь до самых костей — та усталость, что приходит не от долгого бега, а от нескольких лет лишений и испытаний.

Джеймс снова дотронулся до лица, стараясь привыкнуть к странной щетине на лице. Над верхней губой, по углу нижней челюсти. Ещё сегодня утром этой щетины не было. Он уже в который раз за сегодня задался вопросом: насколько он стал старше с восхода солнца? Сложно сказать. Может, на год. Может, больше. Мальчик тяжело сглотнул от страха, нахлынувшего на него от осознания этой неопровержимой истины: он взрослеет. Принятие правды не успокоило его; напротив, лишь ужасало и угнетало. Там, в Англии, все вместе старились и приближались к смерти. Но здесь, в Нетландии, казалось, он мчался к смерти гораздо быстрее остальных, и было в этом что-то пугающее и жутко одинокое. Джеймс зажмурился.

Его пальцы наткнулись на болезненную, вздутую полосу на горле, и Джеймс снова распахнул глаза. Это был ровный порез — острое лезвие кинжала позаботилось об этом. Юноша сомневался, что порез воспалится — об этом позаботилась Тигровая Лилия. Но он чувствовал, насколько он глубок, и понимал, что останется шрам на всю жизнь. Снаружи и внутри, в душе, навсегда останется пятно, которое не смыть. Это был ещё один определяющий момент в его жизни, как и убийство пирата. Лицо Пэна, жаждущего его крови, отпечаталось в памяти, и никакие другие убийства не смогут это воспоминание стереть. Ибо каким-то образом в дальних уголках своей души, когда Питер пытался его убить, частичка Джеймса желала дать ему то, что тот хотел.

Он убрал пальцы от горла и повернулся на бок на мягкой кровати. В первые мгновения он обрадовался идее спать на мягком матрасе, но теперь Джеймс понял, что раз он не мог спать на такой постели с первого дня в этой убогой стране, то и теперь не сможет. Рядом не слышно звуков дикой природы, не обдувает холодный ветер. Наверно, придётся какое-то время привыкать к удобствам.

Но спустя какое-то время (если понятие «время» применимо к Нетландии) грубоватое пение пиратов убаюкало его, и Джеймс провалился в сон.

Джеймс проснулся не от шума листвы и не от криков Питера, приказывающего есть завтрак, которого не было. Он проснулся от нежного покачивания и плеска волн за бортом корабля. Этого корабля. Его корабля.

Он снова ощупал лицо и понял, что пока он спал, щетина превратилась в небольшую бородку. Джеймс поднялся с кровати и пошёл на поиски какого-нибудь лезвия. Он нашёл его в верхнем ящике стола вместе с кремом для бритья и помазком. Поблагодарив себя прежнего за такое детальное продумывание фантазии, он окунул кисть в пену и густо намазал лицо. Но стоило провести лезвием по щеки и подбородку, спускаясь на шею, как он глубоко порезался, и на коже выступила кровь. Юноша кинул взгляд на багровый, опухший рубец внизу шеи, его взгляд потемнел, и он принялся бриться аккуратнее.

Эта рана. Он старался на неё не смотреть. Воспоминания, которые она вызывала, были ужасными и слишком недавними. Джеймс подозревал, сколько бы времени не прошло, эта картинка не поблекнет. Поэтому он быстро натянул рубашку, сдёрнул с вешалки расшитый золотом красный капитанский пиджак. Затем надел и застегнул пуговицы до самого подбородка. Может теперь он и будет знать о шраме, но хоть не будет вспоминать о нём каждый раз, когда на него наткнётся взгляд.

Он снова подошёл к столу и отхлебнул из наполненного, как во сне, кубка. Было раннее утро, но кто его осудит из-за ранней выпивки? От первого глотка горьковатой жидкости Джеймс закашлялся, и на глазах выступили слёзы. Пришлось отставить бокал в сторону, пока кашель не пройдёт.

Он натянул на ноги пару чёрных начищенных сапог и улыбнулся. Они были гораздо более удобные, чем те ботинки из листьев, что он носил последние пару лет.

С этой шляпой, жакетом и ботинками сегодня Джеймс был настоящим пиратом. Любой, кто его увидел, не стал бы этого отрицать. И не просто пират — он капитан. Юноша мечтательно улыбнулся, а затем стёр с лица улыбку и открыл дверь на палубу, стараясь выглядеть грозным. А среди банды отпетых пиратов это было не так легко.

Когда дверь капитанской каюты отворилась, все пираты отложили свои дела и посмотрели на него. Все до одного. Джеймс нахмурился.

— Капитан, — решился, наконец, задать вопрос Старки, — что прикажете нам сегодня делать?

Джеймс ещё об этом не думал. Он был больше озабочен самим званием капитана, чем какими-то деталями.

— Я, хм...

Он понял, что звучит это не очень по-капитански.

— Капитан? — пролепетал, заикаясь, тонкий голосок среди группы пиратов.

— Говори.

— Если вы, конечно, не возражаете, мы бы хотели начать день с завтрака.

Остальные мужчины позади этого полноватого, нервного парня закивали и заворчали в знак одобрения. Против завтрака Джеймс точно не возражал. Его живот уже не просто тихонько бурчал от голода — это было скорее похоже на раскаты грома.

— Как твоё имя, пират?

— Сми, капитан.

Сми. Джеймс помнил его со вчерашней ночи и со своих снов в Лондоне. Очень благородный для пирата парень.

— Итак, Сми, и что у нас на завтрак?

Сми широко улыбнулся и засеменял прочь, поманив Джеймса за собой. Он пошел, но не сразу. Он наполовину с нетерпением ждал еды, и наполовину боялся, что эти пираты не могли различить реальность и вымысел, и его желудок снова будет пустым. Он широко улыбнулся, когда понял, что такого не будет.

Сми привели его к расколотому деревянному столу, на котором лежали хлеб, сыр, фрукты, мясо, а также стояли бутылки с ромом. Джеймс почувствовал, как у него текут слюнки, ему захотелось лечь на стол и сгрести все это себе в рот... После этого, он подумал, что хотел бы искупаться в чане с ромом. Вместо этого он прошел к столу и оторвал маленький кусочек курицы большим и указательным пальцами. Потом вгрызся в него и кивнул. Остальные члены команды восприняли это, как разрешение приступить к трапезе и рванули к столу. Джеймс старался сохранить приличия на минуту дольше, прежде чем его желудок победил, и он присоединился к остальным своим товарищам в празднике живота.

После того, как Джеймс набил живот так, что тот стал выпирать, он уселся на борту корабля, скрестив ноги. Черная кожа сапог была мягкой и блестящей на ногах. Потом, внезапно, он выпрямил ноги и вскочил.

— Старки?

Старки подошел к нему.

— Да.

— Это мореходное судно?

— Да. Должно быть, Капитан.

Джеймс сжал челюсти и осмотрелся, просканировав сверкающее море и горизонт, будто из сахарной ваты, он попытался придумать наиболее пиратское слово.

— Стойте, вы, псы помойные! Поднять паруса; поднять якорь! Мы покидаем порт.

Потом была бурная деятельность, мужчины тянули веревки и поворачивали колеса и рычаги, в котором Джеймс предположил, что они поднимали и расправляли паруса. Джеймс свесился с борта корабля и посмотрел в бесконечную синеву. Это заставило его чувствовать себя глупо. Как он мог не заметить этого раньше? Конечно, он не должен был улетать из Нетландии. Он мог уплыть из нее.

— Капитан, — сказал Старки.

— Да?

— Куда планируем сегодня плыть?

Джеймс положил руки на деревянную обшивку корабля, сжал крепко, пока не почувствовал под пальцами каждую её доску, каждую щепочку. Вдохнул солёный морской воздух, в котором не было и намёка на запах ванили или чёртового имбирного печенья. Всё заглушал настоящий запах моря. Джеймс улыбнулся, не отрывая взгляд от воды, его сердце забилося, и предвкушение переполнило до краёв.

— В Лондон.

Старки нахмурился и почесал голову.

— Я не знаком с Лондоном.

— Зато я знаком.

Джеймс снова отвернулся к морю, представляя выражение лица матери при его возвращении, крепкое рукопожатие отца, увидевшего его уже мужчиной. Юноша расплылся

в улыбке, ощутив, что корабль тронулся. Хоть он и понятия не имел, в какую сторону стоит направляться, но надеялся, что это не имеет большого значения. Если есть способ убраться из Нетландии, он сумеет найти туманные берега Англии.

Естественно, это был самообман, ведь Джеймс был практически уверен, что они не на Земле, или по крайней мере, в какой-то параллельной вселенной. Маленькая страна, спрятанная ото всех, которую невозможно заметить ни из Лондона, ни из всего Атлантического океана. Но ведь они с Питером смогли сюда прилететь. Поэтому надо верить, что он сможет уплыть обратно.

Команда явно чувствовала себя не в своей тарелке. Будто они знали, что должны делать, но понятия не имели, как. Корабль пиратов, никогда не занимавшихся пиратством. Станный, как и всё в этом месте.

Джеймс нетерпеливо барабанил пальцами по доскам, наигрывая только ему известную мелодию, нервно прохаживался вдоль борта, желая поскорее оказаться в открытом море и больше не видеть берега Нетландии. Наконец, суэта на корабле улеглась, и каждый занялся своим делом. Корабль шёл гладко, будто скользил по стеклу. Джеймс осознал, что ничего не слышит, но не был уверен: это из-за того, что все молчат, или из-за того, что все его мысли были заняты только Англией. И вдруг в его сознание ворвался рёв.

— Эй, там земля! — кричал Билл Джукс с марса³.

Все бросились вперёд и принялись тянуть канаты, разворачивая паруса. От волнения у Джеймса свело желудок. Каждая клеточка дрожала в нетерпении, пока они подходили ближе к берегу. Он был уверен, что это не английские земли — они не так уж и долго плыли — но сейчас это не имело значения. Имело значение лишь то, что это была земля, где, возможно, не было вассалов Питера Пэна.

Полоса воды между кораблём и сушей начала сокращаться, и корабль замедлил ход, а вот сердце Джеймса наоборот застучало быстрее. Они подходили всё ближе и ближе, пока юноша не смог различить каждое дерево на берегу, каждую травинку. Мерцающие огоньки, снующие среди деревьев, и причал у самой кромки воды. Слабый привкус ванили и имбирного печенья. Причал. Джеймс нахмурился и ещё сильнее перегнулся через борт корабля.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Старки, где мы?

Старки пожала плечами.

— Капитан, я бы сказал, что мы в Нетландии.

Джеймс затряс головой, будто хотел избавиться от чего-то надоедливого.

— Этого не может быть.

Он повернулся к команде и сердито глянул.

— Вы, бездарные шавки! Вы что, не видите, что мы вернулись обратно? А ну соберитесь и направьте этот корабль прочь от Нетландии!

Пираты засуетились, быстренько разворачивая корабль от очередного пирса Нетландии. Не прошло и часа, как Джукс снова закричал:

— Эй, там земля!

И Джеймс снова, не мигая и сжав кулаки, смотрел, как они приближаются к жутким берегам Нетландии. Его накрыло такой волной ярости, что задрожали руки.

«Невозможно. Просто невозможно. Эти слабаки точно разворачивают корабль обратно».

Он это исправит, и уже через две недели будет пить дома чай с молоком и смеяться с мамой и папой над всеми его приключениями в Нетландии.

Несмотря на радостные мысли, его одолевала паника. Он бросился к пирату, управлявшему кораблём, и решительно отбросил его в сторону, не отдавая себе отчёт, что этой гадкой привычкой он обязан Питеру.

— Глупец, — прорычал он и сам взялся за руль. Но это было бесполезно. Снова и снова, весь день он командовал экипажу разворачивать корабль прочь от Нетландии. И снова и снова он приходил к тому, с чего начал — к ненавистным берегам, которые желал больше никогда не видеть.

Джеймс всё больше и больше поддавался панике, с каждым взглядом на берега Нетландии отказываясь принять, что это место его не отпускает. Нет. Он мужчина. И не просто мужчина — капитан пиратов. Он сможет справиться с этим чёртовым кораблём. Он сможет это сделать. Сможет.

Наступила ночь и на небе загорелись звёзды и луна. Пираты выглядели уставшими и вымотанными. Все, кроме Джеймса, который был просто в бешенстве. Его глаза, дикие и яростные, налились кровью, и он почти себя не контролировал. Проклиная звёзды, движущиеся слишком быстро, проклиная любого, кто приблизиться к нему слишком близко, Джеймс продолжал бурчать себе под нос, выворачивая руль то так, то эдак, но постепенно каждая мысль, каждая эмоция в нём сменялись отчаянием. Он запустил руку в волосы и яростно провёл по коже ногтями, оставляя под ними следы крови. Но Джеймса это не волновало. Его мышцы горели, нервы были напряжены до предела, и когда маленькая рука опустилась ему на плечо, он подскочил.

— Капитан, — сказал мягкий голос.

Джеймс не хотел отвечать.

— Капитан, если я могу...

Джеймс закрыл глаза и расслабил плечи.

— Что, Сми?

Сми положил ладонь Джеймсу на плечо.

— Кажется, мы сегодня не покинем док, сэр.

— Это так?

— Возможно, вам нужно немного отдохнуть, — сказал Сми, говоря мягко, как мать, уговаривающая ребенка поспать.

— Возможно.

Джеймсу Крюку не хватило даже сил придумать какой-то толковый ответ, поэтому он просто повторял за Сми. Он потерпел поражение.

— Почему бы вам не отпустить штурвал, капитан? — произнёс Сми, оглядывая корабль, который, как успел краем глаза заметить Джеймс, был полон неподвижных от усталости людей.

— Почему бы мне не отпустить? — вздохнул Джеймс и сделал так, как посоветовал этот полный, добродушный пират.

— Идите и отдохните.

Джеймс не ответил, а просто зашагал к себе в каюту. Не раздумывая, он снял жилет, шляпу, сапоги, рубашку и упал на мягкую кровать. Но теперь она не казалась такой уж мягкой. Хоть он не видел, но его ужасный шрам был на месте, дышал вместе с ним, да и, в конце концов, сейчас здесь, в темноте, были лишь он и его шрам. Никаких надежд, никакой

мечты о пиратстве, никаких ожиданий берегов Лондона. Лишь он и тишина, и горящий шрам, с которым он проведёт эту проклятую ночь.

Утром Джеймс пришёл в чувство. Он торопливо расхаживал по комнате туда-сюда. Теперь, когда показались дневные лучи, и Джеймс обдумывал случившееся, он почувствовал себя очень смущенным. Вчера он показал себя не с лучшей стороны, особенно, как капитан. И он же не был и вправду Капитаном, не так ли? Он был лунатиком. Он был почти уверен, что команда поднимет против него бунт, как только он покажется им на глаза, и запрет его в каком-нибудь потаённом уголке Нетландии. А затем, посреди ночи, его пожрут какие-то ужасные, вызванные воображением какого-то ребёнка, чудища Нетландии.

Когда же Джеймс наконец-то набрался храбрости и вышел из своей каюты, то никакого бунта не обнаружил. Вместо этого, вся команда собралась на палубе за старым столом и, как и прошлым утром, с аппетитом поглощала завтрак. Когда один из пиратов заметил Джеймса, он растянул рот в широкой беззубой улыбке и слегка коснулся своей потрепанной шляпы в знак приветствия. Остальная команда, поняв, что появился их капитан, повела себя точно так же.

— Доброе утро, Капитан, — сказал Джукс, широко улыбаясь, от чего татуировка маленького черепа с перекрещенными костями сморщилась на его щеке.

— Доброе утро, — сказал Джеймс.

Джукс вежливо кивнул, и Джеймс чуть не рассмеялся. Такая искренняя приверженность этикету этого огромного человека совершенно не соответствовала его внешности, не говоря уже о его профессии.

Джеймс улыбнулся и приблизился к столу, вдыхая теплый запах свежего хлеба и жареного мяса. Ему оставили место во главе стола, так что он сел туда, царапая пальцами ног пятна от краски на полу. От голода у него потекли слюнки, и новоявленный «пират» схватил гигантскую ногу индейки и впился в нее зубами. Несколько лет назад, Джеймс счел бы странным есть индейку на завтрак. Однако в последнее время он не многое бы назвал «странным». Джеймс сохранил большую часть этикета, поэтому, когда сок потек вниз по его подбородку, он постарался вытереть его как можно быстрее.

— Капитан, — голос Старки разнесся над шумом команды.

— Старки.

— Сегодня мы снова будем плавать, сэр?

Команда затихла и уставилась на Джеймса. Он же в ответ оглядел их всех, на лице ни у одного пирата не было никакого сомнения. Вместо этого на лице у Старки была написана глубокая искренность, а у Сми — невинная готовность следовать куда угодно. Глаза Джукса были удивительно теплыми с морщинами в уголках. Они были готовы делать все, что пожелает их капитан.

Джеймс был поражен этим и откинулся на спинку стула, откровенно разглядывая, как ему казалось, и, несмотря на вчерашний маразм, весь экипаж был готов его слушать... и им уже не терпелось действовать. Он чувствовал большую ответственность. Хотя большая его часть хотела снова попробовать отправиться в Лондон, другая часть знала, что это бессмысленно. Он задумался на мгновение.

— Да, Старки. Мы будем сегодня плавать.

Старки кивнул.

— Тогда нам поднять паруса?

Джеймс был все еще не уверен, что именно это означало, но сказал Старки, да, поднять главный парус.

— У нас сегодня другой курс, господа.

Редкозубый парень, который приветствовал его ранее, вздохнул, это было похоже на облегчение.

— Куда мы направимся? — спросил Джукс своим красивым баритоном.

— В Русалочью Лагуну.

Мужчины в непосредственной близости от Джеймса начали переговариваться между собой, большинство выглядело то ли взволнованными, то ли испуганными. Юноша их не винил. Но он не изменит своего решения.

После первоначальной паники команда заняла свои места: несколько приземистых пиратов бросились к чёрным парусам, один долговязый с тёмной кожей побежал на другой конец палубы, а ещё один, одноногий, которого Джеймс ещё не знал, схватился за штурвал.

Джеймс тоже занял своё место у штурвала и закрыл глаза, чувствуя, как в лицо летят солёные брызги, а прохладный ветер развеивает волосы.

— Капитан, — заговорил вечно дружелюбный Сми.

— Говори, Сми, — открыл Джеймс глаза.

Сми отвёл взгляд.

— Что мы будем делать, когда доберёмся до лагуны?

— Мы будем делать то, что делают пираты.

— И что это?

Сми взялся за потрёпанный край своего сюртука и начал комкать его в руках.

Джеймс пожал плечами.

— Будем разорять берега. И грабить.

— Русалок, сэр?

— Конечно, русалок.

По правде говоря, Джеймс и сам толком не знал, кого собрался грабить, ведь в Нетландии он почти всё время провёл в глубине острова. Он подозревал, что где-то поблизости плавают и другие, придуманные кем-то пираты, но понятия не имел, где их искать. А ещё где-то в Великой Пустоши Нетландии живёт какое-то призрачное племя, но Джеймсу не хотелось бы туда соваться. Поэтому остаются русалки.

Сми смотрел на него, и в его ярко-синих глазах читалось восхищение. А затем он побежал по палубе, останавливаясь возле каждого пирата и рассказывая им план действий. Джеймс ухмыльнулся, глядя, как один за другим его команда оживает. И каждый член команды взялся за дело с огромным энтузиазмом.

Наконец причал остался позади, и корабль медленно и тихо, словно угорь в воде, заскользил вокруг острова. Как только вдали показался вход в пещеру, воздух на корабле завибрировал от возбуждения. Тут начинался вход в лагуну, если приближаться к ней с моря.

Глаза Джеймса засверкали, когда они свернули к небольшой заводи. По мере приближения к пещере на корабле становилось всё тише. И, наконец, они подошли ближе, к самому устью, а огромное пространство было покрыто маленькими бриллиантами, как огромная жеода⁴. Чистый запах воды витал над водой, и Джеймс вдохнул его полной грудью.

Он уже слышал тихий плеск воды и пронзительный хохот русалок, резвящихся в лагуне по другую сторону пещеры. Джеймс поднял руку, чтобы никто из его команды не посмел издать лишний, мешающий звук, и корабль медленно и тихо скользнул вглубь полого камня.

Температура упала на несколько градусов, когда они оказались внутри пещеры, а плеск волн о камень заглушал гам веселящихся русалок. Их прикрывала темнота — и корабль, и его команду — и Джеймс не мог ничего различить на расстоянии вытянутой руки. Здесь было прохладно, сыро и пусто. Джеймс начал сомневаться, что их маленькое путешествие хоть что-то принесёт. Теперь он даже склонялся к тому, что русалки вряд ли хранят сокровища. Но вдруг на стене пещеры что-то замерцало. Джеймс поспешил к рулевому — пирату с деревянной ногой и слишком длинным носом, и приказал остановить корабль. Мужчина послушал, и корабль начал замедлять ход, а остальная команда напряжённо и молча всматривалась в воду. Стало немного светлее, ведь они приближались к открытой лагуне, и Джеймс жестом показал экипажу оставаться на месте, зная, что они увидят его жест. А сам быстро снял куртку, сапоги и вскочил на край борта.

Он плавно пополз вниз, длинные пальцы словно ласкали дерево корабля, затем он соскользнул в воду. От звука всплеска Джеймс вздрогнул, но, спустя всего лишь удар сердца, решил, что ни одна русалка его не услышала. Вода была чуть теплее, чем он ожидал. Что ж, это делало задачу доплыть до сверкающего предмета более приятной.

Он подплыл к стене пещеры и, подтянувшись, вылез из воды, беззвучно скользя между острых камней. Джеймс сделал несколько точно выверенных шагов, и, наконец, его пальцы нащупали предмет, который они искали, — кубок, сделанный из чистого золота и украшенный драгоценными камнями всех цветов радуги.

Джеймс, гордый своей находкой, поднял его вверх, чтобы команда смогла его увидеть. Но тут он заметил, что глаза пиратов прикованы вовсе не к нему. Они смотрели куда-то в сторону. Джеймс повернул голову, и его сердце начало бешено стучать. Прямо над головой проходила основная жила: стены слева и справа от него, потолок — все было усыпано сокровищами. Везде сверкали красные, голубые и изумрудно-зеленые огни.

Он кивнул головой в сторону сокровищ, и половина команды с плеском ринулась в воду, а остальные остались на палубе для погрузки и, как понял Джеймс, для обороны. Пираты были неуклюжими и беспечными. Они срывали камни прямо со стен и громко хохотали, взбалтывая воду вокруг себя и швыряя драгоценности на палубу. Никто из них не вёл себя так элегантно, как Джеймс. Поэтому, когда плеск и громкий смех по другую сторону пещеры внезапно прекратился, Джеймс не удивился. И он даже не забеспокоился, когда к ним рванула группа разъярённых русалок.

— Мой меч! — крикнул он. — Принесите мой меч!

Пират, стоящий у штурвала, со всех ног кинулся в каюту Джеймса и вернулся с мечом, богато украшенным и с золотой блестящей рукоятью. Он бросил его Джеймсу с палубы корабля. Джеймса не беспокоило, что над водой прямо к нему летит меч, он чувствовал сердцем, что так и должно было быть. Он просто проделал небольшой, но ловкий маневр, сделал выпад в сторону и схватил летящий мимо него меч за изящную рукоять.

Джеймс швырнул кубок одному из рядом стоящих пиратов и двинулся вперёд. Мокрая одежда прилипла к телу, а с волос капала вода. Русалка во главе группы — или стаи? косяка? Джеймс не был уверен, как их правильно назвать — направилась к нему с красным перекошенным лицом, её огромный хвост яростно взбивал пену. На лице переливалась всеми цветами радуги чешуя, а на участках обычной кожи чешуйки выглядели, как веснушки. Эта красота всегда отвлекала Джеймса от того, что он делал — видимо, к этому он никогда не привыкнет.

Краем глаза он увидел, что его люди сгрудились позади него, а пираты на Мэйне

вытащили оружие.

— Положите все на место, — приказала русалка, сверкая фиолетовыми глазами.

Где-то в глубине души Джеймс вздрогнул. Каждый Потерянный мальчик на острове испытывал благоговейный страх перед русалками. Но сейчас была не ночь, у нее не было оружия, и она была явно слабее его — взрослого мужчины. Так что он лишь крепче сжал челюсти.

— И не подумаю.

Она подняла брови.

— Ты не можешь взять их, Джеймс Крюк. Они наши.

Что-то внутри него восстало против этих слов. Сколько синяков за все эти годы появилось у него от рук и хвостов этих женщин? Сколько раз его лёгкие горели от нехватки кислорода? Сколько раз он чуть не утонул?

Он много лет рос в этой лагуне и всегда старался держаться на безопасном расстоянии от русалок. Но к концу купания они всегда находили причину его преследовать, особенно по ночам, когда последствия преследования могли стать почти смертельными. Да, кажется, всё в этом месте ночью становилось только ужаснее.

Джеймс никогда точно не мог понять, почему эти женщины так его ненавидят, но, похоже, всё было из-за того, что он не был Питером Пэном. Чувство вины прошло так же быстро, как и появилось, и он смело встретился взглядом с русалкой.

Остальные русалки вперемишку сгрудились вокруг той, что выплыла вперёд, образуя пёструю яркую толпу, и Джеймс оглядел их холодным стальным взглядом. В пещере сразу стало тихо, и Джеймс перевёл взгляд на главную русалку. Она дрогнула, её взгляд метнулся от Джеймса к поверхности воды. Джеймс воспользовался появившейся возможностью, рванул вперёд, схватил русалку за шею левой рукой, а правой медленно поднял вверх меч, целясь женщине в горло.

— Я возьму на себя смелость освободить вас от кое-какого имущества, — глумливо произнёс он.

Пару русалок, обойдя группу с боков, дёрнулись в сторону Джеймса, но почти сразу застыли, злобно оскалившись и сверкая глазами. Джеймс оглянулся через плечо. Рядом со штурвалом стоял Старки, невозмутимо взиравший на их стаю, с пистолетом в руке. Он взвёл курок и прицелился в женщину справа от Джеймса.

Русалка в его руках трепыхнулась вполсилы. Но когда Джеймс усилил хватку на её горле, и его пальцы сжались на вишнево-красных прядях, она замерла и ничего не сказала. Женщина лишь сильнее задрожала, сжала кулаки и выдохнула, и чем больше высыхала кожа, тем меньше чешуек становилось на лице.

Пираты на мгновение замерли, пока Джеймс не развернулся и не проревел:

— И чего вы ждёте, дурачье? Тащите всё на корабль!

И они потащили.

Когда все сокровища русалок стали перекачываться на корабль прямо у них на глазах, одна из беспомощно забившихся в угол женщин не выдержала: она прыгнула вперёд, оскалившись, а её волосы цвета водорослей развивались за спиной. И тогда Джукс выстрелил. Пуля оцарапала её предплечье, и на поверхности кожи выступили капельки лавандовой крови. Джеймс обернулся, и все русалки отпрянули, а лицо нападавшей женщины побледнело ещё сильнее.

После этого, пока более пятнадцати пиратов держали на прицеле русалок, остальные

переносили из воды всё, до чего могли дотянуться, и русалки больше не рискнули на них напасть. Всё это время Джеймс за ними наблюдал и старался не обращать внимания на поражённые лица женщин. Когда всё блестящее было вынесено из пещеры и перенесено на корабль, Джеймс забрался на борт.

— Премного благодарен, дамы, — сказал он, приподнимая шляпу и игнорируя чувство вины, маячившее где-то на задворках разума. Испанский Мэйн исчез в туннеле.

В ту ночь Джеймс сидел в каюте капитана, лениво перекатывая дублон в пальцах. Он смотрел спокойно в зеркало, но не видя себя, а просто глядя на зеркало, чтобы не слышать шумного веселья. Он не хотел испытывать чувства вины, переполнявшего его и скрывающегося под маской уравновешенности.

Легкий стук в дверь вывел его из задумчивости.

— Войдите.

— Капитан, сэр, Капитан, сэр, — Сми сбивался, — думаю, вы бы хотели это заполучить. Когда Джеймс увидел, что это было, у него отвисла челюсть.

— Сми, где ты достал это?

— Среди сокровищ, сэр. Их там чертовски много, если помните.

Джеймс махнул ему и, не говоря ни слова, забрал предмет из рук Сми. Это была панфлейта. Но не обычная панфлейта, Джеймс сразу же узнал в ней флейту Питера Пэна. Он повертел ее в руках, проверяя, чтобы быть полностью уверенным в этом. Поглаживая зернистую, характерную только для этой флейты, поверхность и разглядывая каждую царапину, полученную за эти годы, Джеймс был полностью уверен. Да, это был предмет, представляющий большую ценность для Питера Пэна, одна из немногих вещей, которыми он особенно дорожил. Джеймс знал, что Питер достаточно сообразителен и сразу же догадается о ее местонахождении, как только русалки разболтают ему о грабеже, учиненном Джеймсом.

Джеймс задумчиво посмотрел на флейту и отпустил Сми взмахом руки. Через несколько минут он последовал за мужчиной наружу и прислонился к темной стене своей каюты, уставившись на флейту.

— Капитан, — произнёс мужчина со слишком длинным носом, который прежде стоял у штурвала. Его голос был похож на карканье ворона.

Джеймс постарался сдержать хихиканье.

— Ты сегодня хорошо справился, — вместо этого произнёс он, и это было чистой правдой. — Как тебя зовут, пират?

— Флинтайс, сэр.

Пират не поднимал глаз от пола.

Джеймс хлопнул его рукой по плечу, и Флинтайс поднял голову и слегка улыбнулся, когда Джеймс продолжил:

— Да, Флинтайс, ты отлично справился.

Флинтайс кивнул и поспешил вернуться к сокровищам: цок-цок-цок, стучала его нога о

дерево палубы.

Мысли Джеймса снова вернулись к флейте, пока остальная часть команды вела себя, словно обезумевшая. Шум торжества и попойки составляли странный фон для его размышлений. Ему следовало вернуть флейту. Это было самым разумным. Или можно было оставить ее у себя и спровоцировать Питера, чтобы он попытался ее забрать. Возможно, если они хорошо подготовятся, то ему удастся сразиться с мальчиком. И если у него все получится, может быть, он сможет вернуться домой. Выбор был очевиден. Но что самое неприятное — возможность совершить еще одно насилие определенно привлекала его. В конце концов, он все-таки был пиратом.

Следующие несколько «нетландских» дней Испанский Мэйн стоял на якоре. Это время Джеймс провёл, меряя шагами палубу и размышляя в своей каюте. Время от времени он бросал взгляд на флейту, которая, как он надеялся, будет его обратным билетом домой.

И вот однажды ночью, когда Джеймс любовался на темнеющее море, он почувствовал прохладный ветерок. Это был необычный бриз и необычная темнота. Такое сопровождало лишь Питера Пэна. Когда мальчик был зол или в плохом настроении, остров часто это настроение отражал — Джеймс всегда находил это чрезвычайно раздражающим. Но сегодня Джеймс был благодарен этой магии. Он скривил губы в усмешке и развернулся лицом к команде. Зловещая тишина подчёркивала дурное предчувствие капитана.

— Пираты! — прокричал он, перекрывая далёкие раскаты грома. Все члены его команды мгновенно прекратили свои занятия: перестали пить, чистить палубу, а кто-то даже дышать.

— Да, капитан! — крикнул Старки.

— Готовьтесь! Сегодня к нам на борт пожалует Пэн.

Пираты не бросились мгновенно выполнять приказ, потому что никто из них даже не представлял, в чём могут заключаться эти приготовления. Джеймс закатил глаза, в тайне радуясь, что они настолько сильно в нём нуждаются. Он кивком приказал Старки подойти ближе.

— На борту есть масло?

Старки поднял кустистые брови.

— Да.

— Сколько? — потребовал уточнения Джеймс.

Старки нахмурился и заколебался, перед тем как ответить.

— Думаю, очень много. Оно предназначено для заправки ламп.

Джеймс кивнул.

— Прикажи всем тащить его наверх.

— Слушаюсь, капитан.

Старки склонил голову и ушёл, взяв с собой в трюм пару пиратов. Тогда Джеймс указал пальцем на Билла Джукса, приказывая сойти вниз, и тот быстро начал спускаться вниз скачками со своей смотровой площадки. Он практически падал от одной перекладины до другой, и Джеймс подумал, что любая из них могла легко сломаться под Джуксом. Возможно, на эту должность следует назначить кого-то поменьше ростом и весом.

— Капитан?

Джеймс размышлял, покусывая костяшки пальцев.

— Мне надо, чтобы ты с оставшимися пиратами кое-что для меня смастерил.

Несколько пиратов сгрудились за Джуксом, внимательно прислушиваясь.

— Что же? — спросил Джукс.

— Сеть.

Джукс нахмурился.

— Пэн попытается забраться на корабль. Он сделает это здесь.

Джеймс прошёлся по палубе и перегнулся через борт, протягивая руку через позолоченный край. Он показывал на одно конкретное место, где дерево слегка

обесцветилось и потёрлось, а лак шелушился.

Он вспомнил, как взбирался именно в этом месте каждый раз, когда не мог убедить Питера оставить его и не брать на вылазку. Но дети, в конце концов, рабы привычек. А Пэн был всего-навсего ребёнком.

Джеймс усмехнулся.

— Мы обольём этот участок маслом. Даже Питер не сможет на нём удержаться. И упадёт. И тогда решит взлететь. А когда он это сделает, я хочу, чтобы он угодил прямиком в нашу ловушку. Вы сможете это сделать, Джукс?

— Думаю да, сэр.

— Тогда приступайте.

Джукс кивнул и грузно пошёл прочь в сопровождении четверых пиратов в коричневых обносках, но они выглядели худощавыми лишь потому, что находились рядом с таким огромным человеком, как Джукс.

Джеймс обвёл взглядом свой корабль, с гордостью отмечая быстрые действия каждого члена его команды.

После того, как Джеймс удостоверился, что все пираты работают, он удалился в свою каюту, и тёплый воздух комнаты приятно покалывал кожу. Джеймс достал панфлейту из ящика и положил её на полированную поверхность стола. Затем он достал потускневшие ножницы и уселся перед зеркалом. Он взял прядь своих слишком длинных, угольно-чёрных волос и отрезал её, и так прядь за прядью, пока волосы не стали доставать ему лишь до подбородка. Лицо Джеймса уже было гладко выбрито — как и полагает капитану. И впервые за всё время юноша заметил вьющие волосы на груди, которые виднелись в распушенном воротнике рубашки. Он вырослел и вырослел с каждым днём. Наверно, сейчас ему уже лет девятнадцать-двадцать.

Джеймс в задумчивости остановился: интересно, узнали бы его родители... когда... если он смог бы вернуться домой? Потом он натянул на плечи свой красный камзол, застегнул его на все пуговицы и надел шляпу. И даже если ты готовишься к войне, это не значит, что стоит забывать об этикете и внешнем виде.

Он со скрипом открыл дверь наружу, холод и тепло странно смешивались друг с другом в воздухе, и он, с удовлетворением, заметил ещё более бурное небо, раскаты грома, напоминавшие удар плетью в воздухе, и молнию, озаряющую суровые облака. Звезды скакали и чуть не врезались друг в друга. Питер был в ярости.

Джеймс шагал по палубе, радуясь яркому блеску масла за бортом корабля и сети, которая, при любой другой погоде, была бы видна, даже бросалась бы в глаза. Но в темноте Пэн мог не заметить её. Джеймс встал у штурвала и улыбнулся так, как не улыбался с тех пор как попал сюда, в Нетландию. Это была зловещая улыбка с примесью надежды. Его волосы развивались позади него, как только он повернулся лицом к шторму, эффект подчёркивался светом от молний. Этого было достаточно, чтобы вызвать заметную дрожь даже у пиратов его команды.

Затем наступила тишина, повисшая на мгновение между раскатами грома. В этой полной тишине, Джеймс услышал хруст ветки. Затем другой. Потерянные мальчишки сейчас были возле корабля и Питер вместе с ними.

Джеймс посмотрел на деревья. Они были цвета грифельной доски, листья трепетали.

Он поднёс палец к губам, и его команда пиратов отступила в тень. Так, Питеру и его ребятам будет казаться, что на корабле никого нет. По крайней мере, Джеймс надеялся на

это. Послышалось постукивание по борту корабля и вслед за этим ещё несколько.

Тук, тук, тук и скольжение.

Тук, тук, тук, скольжение.

Джеймс улыбнулся про себя. Старки и Джукс тихо продвигались к своим позициям, чтобы встать по обе стороны сети.

Джеймс вытащил флейту Пэна, прислонился к стене своей каюты и ждал, пока наступит очередной момент тишины. Когда он наступил, Джеймс поднёс флейту к губам и дунул в неё. Долгий, медленный выдох флейты усилила до низкого, скорбного свиста. Флинтвайс, стоявший рядом, содрогнулся.

Затем, прогремел гром, еще сильнее, чем прежде, и на палубу выскочил Питер с ножом наготове. Он легко разрезал сеть и перепрыгнул через нее, пройдя по воздуху на другую сторону. Джеймс был поражен, в глубине души он знал, что если дело дойдет до рукопашной, то тут Питер выиграет. Он побелел как полотно, когда Питер остановился над ним, уперев кулаки в бока, костяшки его пальцев были погружены в знакомый самодельный наряд, состоящий из шкур и мха, и смотрел вниз, ухмыляясь.

— Что ж, пират, похоже, у тебя есть кое-что моё. — Он заулыбался, показывая зубы.

— Да, фея, определённо — есть.

Питер нахмурился:

— Не называй меня «феей», ты отлично знаешь, что — моё имя Питер Пэн.

— Тогда и ты не называй меня «пиратом», моё имя тебе также известно.

— С какой стати мне знать твоё имя, пират? — сказал он, глаза сверкали, в то время как сам он легко кружился в воздухе.

Лицо Джеймса потемнело.

— Ты знаешь меня, мальчик.

Питер скрестил ноги и на минуту положил подбородок на ладонь, раздумывая, линии на его лбу углубились.

— Нет, пират. Я так не думаю.

Ноздри Джеймса раздувались, черная ненависть жгла его изнутри.

— Врешь.

— Никогда.

Джеймс рассмеялся, но совершенно не из-за хорошего настроения.

— Ты уже соврал мне однажды, Питер Пэн. Конечно же, ты бы опять так поступил.

— Я этого не делал, — сказал Питер, изогнув тонкие брови. — Я даже никогда не встречал тебя прежде.

— Я — Джеймс Крюк. Ты знаешь меня.

Питер выглядел искренне сбитым с толку. Джеймс нахмурился, и глубокая боль, разрывавшая его сильнее даже, чем когда Питер пытался убить его, скрутила его внутренности.

— Неужели ты действительно меня не помнишь?

— Да. Потому что мы никогда не встречались. Как я могу тебя вспомнить, если никогда прежде не видел?

Джеймса переполняли ярость и замешательство. Неужели действительно возможно, что этот мальчик его не помнит? После всего того времени, проведённого вместе в лесу Нетландии? На мгновение он почти поддался желанию рвануть к борту корабля, взглянуть на ожидавших внизу Потерянных мальчиков и удостовериться, что Библ его не забыл. И

Боббл. И Чуточка.

Нет, конечно, нет. Они не могли его забыть. Это Питер всегда был эгоцентриком. Он и раньше забывал о вещах — причём моментально — которые не имели к нему непосредственного отношения или которые он считал раздражающими, или бесполезными. Питер всегда славился тем, что забывал вещи, которые невозможно забыть. Вот только Джеймс не ожидал, что когда-нибудь окажется среди таких вещей. Его душила ярость.

— Верни меня домой, Питер, или, клянусь Богом, я...

— И что ты сделаешь? Будешь ловить меня сетью? Ты, правда, думал, что можешь заманить в сети Питера Пэна? Думал, я не замечу её среди бури?

Старки и Джукс заворчали и заерзали на месте, а у Джеймса отвисла челюсть, поскольку именно так он и думал.

Питер рассмеялся, громко и насмешливо, и вытянул руки, маленький кинжал, который он всегда имел при себе, балансировал на его ловких пальцах. Джеймс автоматически отпрянул, в памяти промелькнуло лезвие ножа, принося с собой неприятные воспоминания о том, как этот самый кинжал впился ему в шею, эти длинные, тонкие пальцы ломали ему руки, его горло.

— Глупый человек! — Крикнул Питер, снова сжав нож, вырывая Джеймса из его воспоминаний. — Я увидел её, ещё, когда небо озарилось вспышкой. Даже молнии любят меня!

Джеймс покачал головой, он знал, что Пэн прав, но быстро взял себя в руки и крикнул мальчику в ответ:

— Хорошо. Тогда иди и забери своё.

Питер дьявольски усмехнулся, и Джеймс выхватил свой меч, размышляя, как бы половчее напасть на мальчика. Питер взмахнул своим кинжалом. Но когда он бросился вниз, то кинулся не к Джеймсу. Вместо этого он направился к пирату, имени которого Джеймс ещё не знал.

Тот пират был так же потрясён, как и Джеймс, и попытался лихорадочно нащупать меч. Несколько мужчин выступили вперёд с клинками наголо. Джеймс увидел страх на лице мужчины и бросил флейту, со всех ног кинувшись на помощь членам своей команды. Внутри него тоже сидел ужас, и он потихоньку рос, пожирая Джеймса изнутри. Он не мог позволить, чтобы лицо ещё одного погибшего от рук Питера Пэна пирата постоянно всплывало у него перед глазами. Этот был тот ужас, что заставляет всегда сдержанного человека паниковать, и даже, прежде чем Пэн атаковал, Джеймс понял, что не успеет вовремя. Как и Старки, и Джукс, которые неслись вместе с капитаном к товарищу: как и Джеймс, они прекрасно понимали, что их пистолеты не смогут навредить Пэну — тот был слишком быстр. А добраться на расстояние взмаха клинка они не успевали.

Питер по самую рукоять вогнал кинжал в грудь пирата. Из раны по лезвию заструилась кровь. И вот ещё одна картина, которая до конца жизни будет преследовать Джеймса во снах.

За секунду на лице Джеймса отразилось множество эмоций. От ужаса и потрясения до отрицания, и, наконец, на нём застыло выражение злости. Той злобы, которую Джеймс мог обратить против врагов.

— Питер, ты снова меня провоцируешь, — протянул Джеймс, и его голос был еле слышен за порывами ветра.

— И что же ты будешь делать, старик?

Джеймс на мгновение задумался, серьёзно размышляя над своим ответом. А потом развернулся лицом к мальчику и дал самый честный ответ, на который был способен.

— Убью тебя, Питер. Я тебя убью.

Питер засмеялся глубоким раскатистым смехом.

— Ты никогда не сможешь убить меня.

— Разве?

— Конечно же, нет. — Его рот изогнулся в усмешке, а он скрестил руки. — Я Питер Пэн. Никто не хочет убить меня.

После этих слов Джеймс отвернулся от мальчика, чтобы Пэн не заметил взволнованное выражение его лица.

— А я хочу. Ведь ты первым меня убил.

Питер нахмурился, а затем пожал плечами, будто эти слова ничего не значат.

— Вздор. Почему взрослые всегда несут такой вздор?

Джеймс снова обернулся к Питеру, и его лицо освещали лишь редкие вспышки молний на иссиня-чёрном небе.

— То, что я сейчас сказал, не вздор. Я убью тебя или умру, пытаюсь это сделать. Можешь считать это моей клятвой.

Питер хлопнул в ладоши.

— Вот это забавно.

— Иди и сразись со мной.

Пэн скрестил ноги по-турецки, зависнув в воздухе, и упёр подбородок в кулаки.

— Что-то я устал от этого приключения.

— Но ты не можешь пока уйти. Не можешь без...

И Джеймс осёкся, увидев, как Пэн достал флейту и начал весело насвистывать.

— Как ты?..

— Я её стащил. Пока ты паялился на что-то другое. Не помню, на что.

Джеймс сжал зубы и посмотрел на Питера; его лоб прорезали морщины.

— На пирата. Я смотрел на мёртвого пирата.

Его команда дружно хрипло вскрикнула, а сам он и его голос начали дрожать от тёмной, опасной ярости.

— На мужчину, который лежит на моей палубе в луже собственной крови, Питер. И та же кровь сейчас на твоём кинжале. Я смотрел на мужчину, которого ты собственноручно убил пару минут назад.

Ещё один гневный возглас со стороны его команды.

— Ах, да. Этот или другой. Я всегда их забываю после того, как убиваю, — Питер пренебрежительно взмахнул рукой. А затем встал в полный рост и, не отталкиваясь, взмыл в небо, унося с собой бурю.

— Вперёд к домику на дереве, мальчики! — позвал он.

Джеймс резко подскочил к краю корабля и перегнулся через него. Потерянные Мальчики пешком шли по пляжу, преданно следуя за своим лидером. Джеймс зло рассмеялся. Питер даже не позволил мальчикам поучаствовать в битве. Какая заносчивость! Ему, конечно же, очень бы хотелось, чтобы они увидели, как он совершает нечто грандиозное, но никогда не позволял им летать на войну вместе с ним. Джеймс понял, что если бы они могли вскарабкаться на корабль, то подвергли бы свою жизнь опасности только ради того, чтобы посмотреть. На его лице заходили желваки, и он остановил пиратов,

которые уже целились разными гадкими вещами в спины мальчишек. Джеймс не горел желанием убивать детей, его друзей. Не то, чтобы никогда, но уж точно не сегодня.

После того, как адреналин поутих в его крови, он отвернулся от Пэна и его мальчиков и посмотрел на пирата, лежащего на палубе. Он подошел к нему и присел рядом на корточки, затем убрал с лица волосы цвета соломы, чтобы получше разглядеть его.

— Как зовут этого парня? — спросил он.

Никто не ответил.

— Как его имя, парни, его имя!

Билл Джукс выступил вперед, опустив глаза и сжимая в руках свою шляпу.

— Ларсен, сэ. Ларсен Григгс.

Ларсен Григгс. Это имя навсегда врезалось в мозг Джеймса. Этот человек заслуживал, чтобы его запомнили, и уж точно это будет не его убийца. Это будет его капитан.

Джеймс еще раз посмотрел на него, прокашлялся и сделал небольшой вдох и выдох. А потом ушел, не говоря ни слова, оставив пиратов приводить в порядок корабль и решив думать о чем угодно, но только не крови Ларсена Григгса, оказавшейся на его руках.

В каюте Джеймс уселся на кровать и стал размышлять, поигрывая мечом в ножнах. «Домик на дереве», — сказал Питер Пэн. Значит, теперь у них есть домик на дереве, так? Возможно, стоит его завтра поискать. Возможно, они его даже найдут. Возможно, Питер окажется внутри. И, возможно, нет, определенно — определенно Джеймс его убьет.

Был бледный день, когда Джеймс стоял на причале. Пастельные облака, как куски ваты, и легкий холодок, пробегающийся мурашками по коже.

Он покинул судно еще несколько минут назад, бесшумно ускользнул. Эта миссия не была предназначена для его команды. Нет, это было что-то вроде того, что человек ждет всю свою жизнь, и тогда он говорит друзьям позволить ему сделать это в одиночку. Только вот у Джеймса не было друзей. Поэтому он просто ушел.

Но сейчас, стоя на причале и обследуя остров, он обнаружил, что не знал с чего начать. Нетландия стала такой огромной, коварной и наполненной всякими закоулками. Как ему одному найти логово полу-феи и его деток? Он знал наверняка, что они жили в дереве, но это не помогало. Он мог сказать, что они жили над землей или, что жили где-то на воздухе. Деревьев было неисчислимое количество. Но Джеймс заставил себя так не думать, а вместо этого решил рассмотреть расплывчатое понятие «реальное преимущество».

Джеймс провел рукой по волосам и почувствовал небольшую щетину на подбородке, новые мышцы на бицепсе. Да, ему сейчас было где-то двадцать лет. Он не мог быть моложе двадцати при любом воображении. Слово «старик», которое пропел Питер, засело в его голове, когда он смотрел на огромный лес.

Резкой болью игла беспокойства пронзила его живот. Он всегда хотел стать мужчиной, сентиментальность не должна была на него влиять. Но она влияла, когда он стоял и ничего не делал, но становясь старше, обнаружил, что боится.

Когда страх поселился в нём так глубоко, что Джеймс знал — тот станет упрямым, слишком задержавшимся гостем — тогда понял, что ничего иного не оставалось сделать, как отдалиться от него, и сделал первый шаг к пляжу. После этого первого шага, уже было не так сложно сделать другой, а затем ещё один. И так, он прошёл через весь Испанский пляж (так он назвал его в честь своего корабля), и вошёл в надвигающийся лес.

Ежевика кусала его голени, а ветки деревьев царапали предплечья, когда он проходил мимо. Во-первых, он задавался вопросом, было ли это намеренно, и знал ли остров, что стояло за ним. И во-вторых, он очень пожалел о выборе гардероба — своего рода изношенная, пиратская рубашка, которая потёрлась на локтях, и тонкие штаны, стёртые на коленях, и — благо — он даже не подумал обуться. Он покачал головой и решил, что такого рода глупостью убедительно доказал — он ещё не вырос до конца. И быстрее пошёл по злобному лесу.

Он заходил всё глубже и глубже в мокрый лес, пока это не стало похоже на поход. Тогда Джеймс больше не думал, не был коварным, потворствующим пиратом; он был хищником. Он двигался гибко, опираясь только на ощущение, инстинкт и то, что движет обычно охотником. Он обнаружил, что бежит, того не желая, в ожидании встречи с известным ему деревом, которое он точно узнает; он почувствует его. Но бег быстро прекратился, когда он почувствовал свист стрелы, пролетающей мимо его носа и втыкающейся в дерево слева от него.

Джеймс сделал шаг назад, волна адреналина пробежала по венам, и повернул голову направо, отчаянно ища того, кто только что пытался его застрелить. Оттуда послышался треск ветки, его периферическое зрение уловило вспышку света, и Джеймс снова стал охотником. Бросив поиски Питера, он рванул в сторону вспышки, крепкие ноги несли его

всё быстрее. Он ощущал, что кто-то был рядом, кто-то хотел его смерти. Затем, он услышал дыхание, и наконец, когда лёгкие и мышцы Джеймса уже горели, он оказался прямо перед мальчиком.

Со всей силой, которую только мог собрать, Джеймс запрыгнул на нападающего, повалив его на землю с такой силой, что оба слегка подпрыгнули. Джеймс зарычал, сидя на нападающем, пот лился по его лицу, попадая в глаза. Человек отказывался смотреть на него и закрывал лицо руками. Пот мешал, не давая чётко видеть, и Джеймса это злило. Он дёрнул руку мальчика, удивляясь, как легко ему это удалось, как мало сопротивления тот оказал, и прижал её к земле.

Взгляд его прояснился, он быстро вдохнул и быстро заморгал, сразу же озадачившись.

— Тигровая Лилия?

Она была в ярости; это было понятно. Её губы сжались в тонкую линию, а руки в кулаки. В её взгляде читался чистый яд с примесью страха.

— Джеймс Крюк, — выплюнула она.

Джеймс опомнился и пополз, чтобы встать с неё, пытаясь не акцентировать внимание на гладкой, тёмной коже её рук, мягких изгибах тела. Он на секунду отвёл взгляд, надеясь, что покраснел не так сильно, как показалось. Затем, зная, что долго игнорировать пойманную не удастся, он обернулся, взглянув на её лицо. Индианка была горда, уставившись на него невозмутимо, выглядя, как обычно, по-королевски, несмотря на ветки, запутанные в ее длинных, темных волосах и грязи, исполосовавшей её скулы. Тем не менее, она была старше, чем в последний раз, когда он видел ее, где-то между его матерью и кузенном в Лондоне. Шестнадцать, подумал он. И это сказало. Её лицо стало более милым, глаза больше, глубже и темнее, линии её талии, бёдер и груди более чёткими; от неё у Джеймса буквально спёрло дыхание.

— Ты пыталась убить меня, — сообразил он, с трудом выговаривая фразу.

— Я пыталась убить тебя? Прости, но не я была только что на тебе сверху.

На его лице промелькнула усмешка, но он тут же подавил её и сконцентрировался на разговоре.

— Ты думаешь, я просто так пошёл за тобой? Ты выпустила в меня стрелу.

Она отвернулась, а Джеймс был доволен собой. Она была тут рядом.

— Ну, тебе не стоило бегать по лесу рано утром. Ты должен знать, что в это время мы охотимся. Ты выглядел, как животное. — Она фыркнула, её длинный, угловатый нос сморщился, и она взглянула на него сверху вниз прямо из глубины глазниц. — И пахнешь ты так же.

Джеймс сузил глаза. Он открыл рот, чтобы выразить протест, но лёгкий ветерок коснулся его ноздрей, и он снова закрыл его. Трата существенного количества времени на пиратском корабле, как оказалось, не очень хорошо влияет на запах человека. Он подумал, что надо бы принять ванну по возвращению на корабль.

Джеймс выпрямился и кивнул.

— Ну, я приношу извинения за своё рукоприкладство.

Тигровая Лилия прекратила вынимать листья из волос и ощетибилась.

— Не думаю, что тебе удалось меня покалечить.

Уголок его рта приподнялся.

— Правда? Как же ты тогда это назовёшь?

— Я бы сказала, что ты напугал бедную девочку, появившись ниоткуда, и прыгнул на

неё прежде, чем та смогла ответить. И я, в любом случае, неплохо держалась.

Джеймс не смог придушить смех.

— Да. Ты напугала меня на всю оставшуюся жизнь своей замечательной самообороной.

Она хмыкнула и вернулась к очистке своих волос и куска желтовато-коричневой кожи, обвёрнутой вокруг неё, от пурпурных и золотых листьев.

— Знаешь, я могла бы в мгновение заставить тебя ходить по струнке своими стрелами.

— О, я не сомневаюсь. — Затем, наклонившись немного к ней, он сказал шёпотом, — ты можешь сделать это и без стрел.

— Что?

— Ничего. — Он уставился на неё, зачарованный. Вот почему Джеймс избегал её в течении стольких лет-этот стук сердца, горячая кожа, злобно — восхитительные мысли, крутящиеся в его голове.

Она нахмурилась и оглядела его с головы до ног.

— Значит, ты стал пиратом, не так ли?

Он подпрыгнул от тона её голоса.

— Стал.

— Я никогда не представляла тебя пиратом.

— Что ты имеешь в виду? — Спросил Джеймс, выражение его лица колебалось от ухмылки до хмурости.

— Я не думала, что ты станешь жестоким, это всё.

Теперь настала очередь Джеймса обидеться.

— Я не жестокий. Я капитан самого сильного корабля в море.

Тигровая Лилия пожалала плечами.

— Это одно и то же.

Джеймс спросил напрямую.

— Кто сказал тебе, что я жестокий? Только потому, что я пират?

— Я видела, что ты сделал в русалочьей лагуне, — сказала она, наклоняясь к нему и приподнимая бровь.

Волосы на его шее приподнялись от её близости.

— Вот именно. И ты думаешь, что русалки не заслужили даже малой части такого отношения? — осведомился он.

Тигровая Лилия наклонила голову, подтверждая.

— Ну, Питер, конечно, ненавидит пиратов.

Джеймс должен был сосредоточиться на дыхании и не выглядеть угрожающе при упоминании этого имени. Его лицо превратилось в непроницаемую маску, мышцы на его руках напряглись.

— Да, это так.

Тигровая Лилия подняла брови, как будто только что вспомнила, что Питер Пэн может быть унижительной ссылкой на то, что перед ней пират. Джеймс был совершенно уверен, что на его лице читалось то же самое.

— Прости. Я думаю, тебя не очень заботят мысли Питера?

Его рот сжался в разочарованную линию, вспомнив, сколько времени за эти годы она провела с Питером, секретные часы далеко от других Потерянных Мальчиков. Он подозревал, что для Питера это было не более чем игра, но для Тигровой Лилии... Он всегда полагал, что было что-то ещё.

— Я полагаю, тебя это очень волнует.

Смуглое лицо Тигровой Лилии зарделось. Она протянула руку к его шее, и её прикосновение затмило мысли о чём-либо ещё.

— Твой шрам уже зажил.

Джеймс не смог ничего ответить. Он едва мог глотать, пока она находилась так близко к нему. Тигровая Лилия наклонилась, чтобы осмотреть его шрам, и Джеймс понял, что она пахла почти созвучно со своим именем. Каждый мускул его тела напрягся, плотно натянулся и он боялся, что один из них может порваться. Убедившись, что все в порядке, дочь Вождя отодвинулась обратно, и Джеймс снова расслабился, обрадовавшись расстоянию между ними, но желая снова его сократить.

— В любом случае, что ты делал в лесу этим утром? — спросила Тигровая Лилия, растирая между пальцами розовый лист.

— Искал кое-что.

Она подняла голову.

— Ты нашёл?

— Нет. Я был слишком занят тем, что в меня выстрелили.

Он сделал серьёзное лицо, слишком серьёзное, дразня её. Тигровая Лилия хмыкнула, взяла кучку грязи и кинула в него. Его накрыло облаком пыли. Он закашлялся.

— Ну-ну, принцесса, — прокашлял Джеймс. — Неразумно навлекать на себя гнев пирата.

— Так ли это?

— Абсолютно. Мы все негодяи. Никто не знает, что я могу сделать с тобой, если ты меня спровоцируешь.

Он криво улыбнулся и приподнял бровь.

Тигровая Лилия встала и отряхнулась.

— Ну что ж, тогда мне придётся держаться от тебя подальше, не так ли?

Он грустно посмотрел в землю.

— Мне не хочется говорить это, но, боюсь, вряд ли это сработает.

Тигровая Лилия подняла брови.

— И почему же?

— Это только усилит моё внимание.

— И как же?

Он прислонился спиной к ближайшему дереву, вытянув руки, положив их за голову, и уставился на неё. На какой-то момент ему показалось, что её зрачки потемнели, расширились совсем чуть-чуть, и он сдержал усмешку.

— Ну, видишь ли, таков путь пирата. Мы всегда хотим то, что не можем иметь.

Она встретилась с ним взглядом и скрестила руки на груди. Смех в глазах обоих рассеялся.

— Это так? — сказала она, и её слова звучали так, будто вышли из сухого горла.

— Да, — сказал Джеймс, смотря на неё.

— Ну а что, если я не для тебя?

Они оба знали, кого она имела в виду. Джеймс не посмотрел в сторону, не позволял себе отвести взгляд даже на мгновение.

— Это всё ухудшает, принцесса.

Они молча смотрели друг на друга в течение минуты, пока Тигровая Лилия не отвела

взгляд.

— Мне надо идти, Джеймс.

— Смогу ли я увидеть тебя снова? — просил он, медленно вставая.

Она посмотрела куда-то в деревья.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— Ну, тогда, хорошо, что я подлец. Нам не обязательно, чтобы все наши идеи были хорошими.

Тигровая Лилия попыталась спрятать улыбку, но Джеймс всё равно увидел её.

— Возможно, я тебе ещё увижу, я не знаю.

— Ну, видишь ли, я, так или иначе, планировал набег на твою деревню...

Она ударила его по плечу и улыбнулась.

— Поэтому я похожу немного, то там, то тут, в округе. Разведка, знаешь ли.

Тигровая Лилия улыбнулась, и сделала шаг назад.

— Ну, значит, можем увидеться.

Она подобрала свой лук и ушла, оглянувшись один раз через плечо. Джеймс улыбнулся про себя, встал, когда она исчезла, и провёл лучшую часть дня Нетландии, блуждая вокруг леса, медленнее, чем собирался, застряв где-то между поиском дерева Питера и новыми воспоминаниями о каждом прикосновении, которым одарила его Тигровая Лилия.

Когда, наконец, Джеймс пошёл обратно в сторону к кораблю, его не так разочаровало, как он ожидал, отсутствие следов укрытия мальчишек. Скорее он был в хорошем настроении, собираясь принять душ и вернуться в поселение Тигровой Лилии как можно быстрее.

КОГДА ДЖЕМС ВЕРНУЛСЯ НА КОРАБЛЬ, ТОТ мирно стоял у причала, как Джеймс ожидал. Но его обитатели отнюдь не были столь же безмятежными. Они карабкались вверх и вниз, и кричали друг на друга, выглядя как сборище жуков, бегающих от птицы. Джеймс удивился на мгновение, как они вообще управлялись со всем, пока он не появился.

— Капитан, — сказал Старки, мчась к нему и запыхавшись.

— Не беспокой меня сейчас, Старки. Мне надо позаботиться о некоторых вещах.

В глубине души он знал, что шансы в спешке принять душ и вернуться к Тигровой Лилии были не велики, судя по странному хаосу, но он, тем не менее, прислонился к своей каюте.

— Но, капитан, это крайне важно.

— Позже.

Старки встал перед ним, а он был таким громадным, мимо которого не так легко пройти. Джеймс остановился, и раздул ноздри, разочарованный, но особо не удивленный.

— Пожалуйста, просто посмотрите.

Старки вручил ему подзорную трубу, которую он взял с большой неохотой. То, что он увидел, быстро вывело его из апатии. Он быстро зашагал по палубе и перегнулся через край, как будто это помогло бы ему получше разглядеть.

— Корабль.

— Да.

Он сузил глаза.

— Пираты?

— Сомневаюсь, что Пэн разрешил бы появиться в Нетландии простым морякам, — сказал Старки и Джеймс кивнул.

Он поджал губы и отбросил подзорную трубу.

— Поднять якорь! Мы направляемся в море! — прокричал он, складывая руки чашечкой у рта, его голос разнёсся быстрым эхом. И это заставило его команду приготовить судно. Он надел шляпу, пальто и ботинки, которые сейчас казались частью его, и глубоко вздохнул.

Судно оттолкнулось от берега и медленно поплыло к другой лодке. Стояла напряжённая тишина, опустившаяся и накрывшая команду, когда они приблизились, и отдалённое судно становилось всё больше, и, следовательно, реальнее. Чем больше оно приближалось, тем детальнее Джэймс его видел. Он был сделан из того же дерева, что его собственный корабль, тёмного и полированного, сучки и узлы повсюду, он был лишь немного меньше, чем Мэйн. Парень, управляющий им, носил на поясе ножны, имел тёмную, закрученную бородку, и злую улыбку на лице.

— Этот человек явно не купец, — пробормотал Джэймс, а Старки только пожал плечами.

Там были мужчины разных форм и размеров — высокие, низкие, тощие, полные, каждый разной степени испорченности, в воздухе вокруг них — чернота. У них были глазные повязки, деревянные ноги, и другие вещи. Он почти мог чувствовать запах рома и пота, исходящий от них. Мечи сверкали на палубе, валяясь вокруг, или свисая у карманов тех людей, которые небрежно носили их. Этому не было другого объяснения, кроме того, что они часто ими пользовались.

Тогда он задумался, имел ли он какое-то влияние на других пиратов, кроме своих, или нет, и было ли у этих головорезов что-то похожее на кодекс. Пройдут ли они мирно мимо друг друга, кивнув друг другу в знак общей любви к грабежу? Или они должны были остановиться и переходить с судна на судно, устроив грандиозное празднество, пить ром, петь и танцевать до утра? Или же, они должны были открыть огонь друг на друга, стреляя и грабя, как обычно? Его размышления были отвечены залпом пушки.

Джеймс прыгнул, и тут же упал на живот, в то время как пушечное ядро просвистела над ним, приземлившись в воду по другую сторону корабля с огромным всплеском.

Внезапно на борту Испанского Мэйна началось смятение, так как, люди, не привыкшие к морским сражениям, были вынуждены в мгновение ока превратиться в военных стратегов. Сми бормотал что-то, карабкаясь так быстро, насколько позволяло его круглое маленькое тело, но не преуспевая в этом, что было не удивительно. Джукс схватил ружье, и помчался по направлению к пушке, другой пират с отсутствующими зубами — рядом с ним. А Флинтфайс так сильно крутанул штурвал, что корабль чуть не перевернулся.

Только Старки стоял твёрдо и решительно — рука на лезвии, напряжённый и готовый к бою.

Джеймс сделал вид, что не ощутимый грохот, сотрясал его до костей, а вибрация от пушечных выстрелов.

— Взять их, парни! — зарычал Джеймс, заставляя себя быть храбрым. — Захватить корабль! Никакой пощады!

Команда дружно взревела, пираты вытащили мечи и полезли на палубу второго корабля. Джеймс на секунду остановился, попытался успокоить разбушевавшиеся нервы и тоже рванул вперёд. Он поднял меч над головой и чувствовал, что выглядит великолепно, но потом спрыгнул с палубы своего корабля и с отнюдь не грациозным грохотом приземлился в кошмарный кровавый хаос.

Джеймсу некогда было переживать из-за своего решения, потому что на него с диким криком и вонью изо рта набросился мужчина с топором, а это заслуживало гораздо большего внимания, нежели свои эмоции. У Джеймса не было времени на раздумья, надо было действовать, и он погрузил свой меч в живот атакующего пирата. И постарался, чтобы его не стошнило, пока вытаскивал клинок из раны, весь покрытый кровью чужого пирата.

У Джеймса скрутило желудок, а кровь отлила от лица. Лежащий на палубе пират истекал кровью. До этого момента Джеймсу всегда удавалось избегать убийств. И он этим гордился. Даже Бибблу вместе с мальчишками Питера пришлось убить одного-двух пиратов или индейцев. Но не Джеймсу. До этого дня.

Он почти готов был броситься назад на свой корабль.

На короткий момент он закрыл глаза, потом открыл и сказал себе, что всё это выдумка. Должна быть ею. Он должен пойти на убийство, если хочет выжить в этой кутерьме. И он притворился, что всё неправда. И убивал.

Пираты падали направо и налево, а в воздухе витал запах крови. Джеймс прокладывал себе путь через скользкие груды тел, словно расчищал лес, а не перерубал толстые мужские тела.

Наконец, он оказался лицом к лицу с капитаном второго судна. Этот человек выглядел ещё ужаснее своих подчинённых. Он был низким, толстым, а от не сбритых усов на лицо падала тень. Несколько зубов было выбито. Когда Джеймс почувствовал на себе его взгляд, кровь застыла в жилах.

Когда мужчина зверски ухмыльнулся и вытащил меч, зловеще и пьяно расхохотавшись, Джеймса затопила волна адреналина. Джеймс наставил свой меч на пирата, и ему оставалось только надеяться, что тот не заметил, как дрожат руки парня.

Манера нападения у пирата была под стать его внешнему виду: дикая, неконтролируемая, отвратительная. Но, несмотря на отсутствие у пирата правильной техники боя, Джеймс еле выдержал его удар, заставивший дрожать всё внутри. Этот мужчина мог с лёгкостью разрубить Джеймса на две половины.

Джеймс отступил, не переставая ужасаться реальности происходящего. А мужчина наносил удары один за другим. Джеймс каким-то образом умудрялся их блокировать. Но что-то в нём изменилось, когда пират остановился, раскрыл грязный рот, и гордым павлином громко рассмеялся в лицо Джеймсу. В этот момент парень решил, что больше не даст пирату повода над ним хохотать.

Когда капитан второго корабля снова ударил, Джеймс ударил в ответ. Его противник поражённо вытаращил глаза, оттесняемый Джеймсом к борту корабля. Удар, контрудар, парирование, выпад. Джеймс чувствовал, что превышающий его размерами пират начал выдыхаться, и из-за этой усталости он обязательно ошибётся. И пират ошибся. Не стоило ему поднимать над головой меч обеими руками. Джеймс увидел открытый бок, и, понимая, что либо он убьёт сейчас, либо убьют его, бросился вперёд, погружая по самую гарду меч в грудь пирата.

Капитан уронил меч. Джеймс вытащил свой клинок из его тела и позволил мужчине упасть на колени, сохраняя достоинство.

— Мне... мне жаль, — не сдержался Джеймс.

Второй капитан закашлялся, разбрызгивая вокруг маленькие капельки крови, и схватился за грудь. Джеймс на мгновение отвёл взгляд, стараясь не расстаться с содержимым желудка прямо здесь, на полированной палубе. А потом, стараясь вести себя подобающе, сглотнул комок отвращения, снял шляпу и торжественно склонил голову, глядя прямо в глаза умиравшему пирату.

Когда люди поняли, что случилось, хаос на корабле прекратился, и Джеймс обошёл корабль, подсчитывая жертвы. Большая часть его команды была жива, в то время как почти все пираты второго корабля были мертвы. В живых остались лишь семь-восемь человек. Некоторые дрожали и плакали, и Джеймс не мог их толком рассмотреть. Но прямо перед ним стоял огромный высокий мужчина с чёрно-коричневой кожей и бугристыми мышцами, грозившими вот-вот прорвать кожу. Рядом с ним — пират с вьющимися чёрными волосами, не уступающий размерами темнокожему. И третий — бледный, с несколькими выбитыми зубами, и каким-то образом вывернутыми назад руками. Да, странный ребёнок выдумал эту команду.

— Вы. Вы единственные, кто выжил из вашей команды.

Огромный темнокожий пират вышел вперёд.

— Да, сэр. И мы с радостью пойдём на корм ждущим нас внизу крокодилам.

Честь. Эти пираты знали, что такое достоинство. Такая редкая черта, особенно среди разбойников.

— Правда?

Мужчина перевёл взгляд на появившихся, будто из ниоткуда, крокодилов в воде, ждущих пищи. Все трое пиратов спокойно и храбро смотрели за борт.

— Мы не собираемся умирать, как трусы, хныкая и умоляя о пощаде. Мы сами сойдём с

мостика, — произнёс мужчина, взявший на себя ответственность за переговоры.

— Тогда вперёд, — ответил Джеймс. Кучерявый брюнет и мужчина с вывернутыми руками торжественно последовали к борту за темнокожим. Четверо съевшихся пиратов отшатнулись и задрожали ещё сильнее. И когда глава выживших храбро шагнул на мостик, Джеймс вскинул руку.

— Подождите.

Другой мужчина остановился.

— Ты действительно жаждешь смерти?

Наступила тишина, прерываемая только странным тиканьем, исходившим от одного из ждущих в воде крокодилов. И ответ:

— Нет. Но я приму её.

Джеймс посмотрел на него, а потом оценивающе встретился глазами с каждым из оставшихся двух.

— Тогда вам не стоит умирать. Присоединяйтесь ко мне.

Темнокожий пират нахмурился и сделал шаг обратно на палубу, подозрительно глядя на Джеймса.

— По своему опыту скажу, что люди, обладающие такой смелостью, редки. А я сегодня многих потерял. Так ходите же теперь под моим флагом!

Мужчины смотрели на него удивлённо, облегчённо, смущённо. Джеймс отступил назад и скрестил руки на груди.

— Соглашайтесь или отправляйтесь к крокодилам. Это ваш выбор.

Крупный мужчина вышел вперед и встал на колени перед Джеймсом.

— Мой меч — ваш. Я Дэниел Тэтчер.

— Чекко, — произнёс кучерявый.

— Лапша, — произнёс третий со странными руками.

Джеймс поднял руку, когда трое других напуганных пиратов приблизились к нему, а тот, что только что вынырнул из-за штурвала, стал на колени.

— Нет. Вы — нет. Четверо трусов не будут плавать со мной. Вы заберёте это разбитое судно и поплывёте по всему Морю Нетландии. И будете рассказывать всем встречным про ужасную и прекрасную команду Испанского Мэйна. И про их храброго и жуткого капитана Джеймса Крюка.

Стоявший на коленях пират тихо отошёл обратно к штурвалу, дрожа вместе с тремя другими трусами. Джеймс кивнул своей команде возвращаться на их корабль. И они отправились обратно к берегу вместе с тремя новыми членами команды, бросив злополучный корабль. Джеймс смотрел вперёд, его лицо ничего не выражало, а в голове крутилась одна мысль: сегодня, убивая тех пиратов, он убивал мечту какого-то ребёнка, как давным-давно Питер Пэн убил мечту самого Джеймса.

Когда они пристали к берегу, Джеймс решил не участвовать в общем праздновании. Он окинул взглядом себя, испачканного в грязи, поте и крови, и медленно моргнул. Парень осторожно спустился на берег и долго смотрел на океан. Интересно, эти тоненькие струйки крови, прибегающие к его ногам с каждой волной, ведь только кажутся ему? Скорей всего, да.

Джеймс тихо, чтобы никто не заметил, упал на колени, упёрся руками в песок, и его вырвало.

Прошло какое-то время, прежде чем Джеймс решил покинуть свою комнату. Он понимал, что нет никакого смысла в том, чтобы так реагировать на смерть, раз уж выбрал путь капитана пиратского корабля. Но вид человека, который умирает на твоих глазах, и причиной смерти которого стал ты сам... Это не так просто забыть.

Джеймс сидел на кровати, иногда перемещаясь на пол или к шкафу, в те редкие моменты, когда хотел переодеться. Но в основном, он сидел и мрачно пробегал пальцами по лезвию меча. Джукс и Старки периодически заходили, пытаясь его расшевелить, а Сми приносил еду. Однажды даже зашёл Чекко, и предложил счистить с меча Джеймса кровь, но Джеймс неожиданно яростно отказался. Он хотел её видеть. Чувствовать. Помнить лицо того первого убитого пирата и капитана другого корабля.

Джеймс раздумывал над этим феноменом: он забрал жизнь, а не золото и не корабль, того, кто, вообще-то, был выдуман. Интересно, у плода воображения может быть душа? И что хуже для Джеймса: убить того, у кого есть душа или нет?

Джеймс не знал. Вино тоже не дало ответа. Ничто не помогло ему чувствовать себя лучше. Поэтому какое-то время Джеймс позволил себе просто поваляться в кровати.

Но однажды вечером, когда боль отступила и сменилась скукой, он опустился в бадью, чтобы помыться, впервые за несколько последних нетландских дней, расчесал волосы гребнем, натянул штаны и льняную рубашку и забросил за плечо мешок. Открыл дверь на палубу и сошёл с корабля. У всей команды Испанского Мэйна отвалились челюсти и вытаращились глаза.

Ночь была свежей, без морозного холода зимы и без жара лета. Вообще-то, все ночи в Нетландии были свежими. Когда Джеймс впервые оказался на острове, он часто задавался вопросом, были ли здесь времена года. Вскоре он решил, что их не было.

Но прохлада ночи в этот момент тревожила Джеймса в последнюю очередь. У него в голове не было места для переживаний о погоде. Нет, очистив голову от мыслей об убийствах, он сконцентрировался на лежащей впереди цели. А в конце этой цели был костёр, еда и, как надеялся Джеймс, прекрасная индейская принцесса.

Лес Нетландии всегда был темнее, чем Джеймс мог предположить. Всегда темнее и опаснее, словно готовый съесть путника, если тот хоть на мгновение забудет, где находится. Но Джеймс проигнорировал холодок страха, прошедший по позвоночнику, и пошёл дальше в темноту, к поселению индейцев. И стоило ему подойти ближе, когда он уже мог почувствовать дым костров, как он остановился, заколебался, намереваясь повернуть обратно. Естественно, Тигровая Лилия решит, что он идиот, раз пришёл сюда. Она ведь его не приглашала, так? Если честно, она вообще отговаривала его сюда приходить.

Джеймс решительно вздохнул и повернул обратно к Мэйну.

— Так быстро уходишь?

Джеймс замер.

— Ох.

— Это точно, — Тигровая Лилия вскинула бровь и усмехнулась Джеймсу.

Он провёл рукой по волосам и оглянулся назад, на берег, а потом снова посмотрел на Тигровую Лилию. Парень прикусил изнутри щеку, и уголок его губ пополз вверх.

Тигровая Лилия вздохнула и покачала головой.

— Ну, в самом деле, Джеймс. Какой смысл приходить сюда из такой дали и потом сразу уходить из-за меня.

— Из-за тебя? — ухмыльнулся Джеймс.

— Сомневаюсь, что ты пришёл сюда увидаться с моим отцом, — в глазах Лилии промелькнула игривая усмешка, и Джеймс сразу же забыл, что должен чувствовать себя неловко.

— Нет, ты права. И, вообще-то, я разведываю территорию.

Джеймс улыбнулся ей, а девушка закатила глаза. Затем она двинулась в противоположном направлении, углубляясь в лес. Листья этой ночью были серебристыми и голубыми, тихими и спокойными, но Джеймс не мог решить: это было расслабляющее или угрожающее.

— Ты куда уходишь?

Лилия обернулась через плечо и вскинула брови.

— Что значит «Ты куда уходишь?»? Иди за мной, глупый пират.

Джеймс фыркнул, но пошёл за девушкой. Сейчас он скорее чувствовал себя спокойным, что у него есть проводник в этом жутком лесу, чем страдал от уязвлённой гордости. Наконец, они вышли на огромную поляну, и Тигровая Лилия села посреди неё. Джеймс медленно подошел к ней, и с внезапной неловкостью присел на некотором расстоянии. Что-то в этом месте было не так, но он не мог разобраться, что именно. Джеймс огляделся вокруг, но всё скрывалось в тени, и ничего нельзя было разглядеть.

— Куда ты смотришь? — спросила Лилия, проводя пальцами по прохладной траве.

— Наверно, никуда.

— Ладно. У тебя есть что-нибудь, чтобы развести огонь? Мне холодно.

Джеймс развязал мешок и достал маленький кремёнок, который Тигровая Лилия моментально выхватила.

— Прости? — произнёс Джеймс.

— Что такое?

Джеймс нахмурился.

— Как мне развести огонь, если ты забираешь мои вещи?

Девушка долгое мгновение смотрела на него, и Джеймс почувствовала себя круглым дураком.

— Да ладно, Джеймс. Сколько раз ты разводил костёр, пока жил здесь?

Справедливый вопрос. И ответ, как и догадывалась Тигровая Лилия: ни разу.

Джеймс снова нахмурился. Тигровая Лилия лишь рассмеялась и быстро насобирала кучку лежащего вокруг хвороста.

— А что-нибудь стальное у тебя с собой есть?

Джеймс пожал плечами и протянул ей меч.

— Ты серьёзно?

— А что? — вскинул брови Джеймс, глядя на меч, а потом в сверкающие глаза Лилии. — Зачем он тебе?

Девушка покачала головой.

— Я искренне надеюсь, что ты не попадёшь никогда в Великую пустошь Нетландии. Ты погибнешь там в два счёта.

Джеймс прищурился.

— Если мне придётся долго повозиться, твоему мечу это на пользу не пойдёт, пират.

— Тогда не возись долго.

Тигровая Лилия покачала головой, явно пытаясь скрыть играющую на губах улыбку, достала из складок одежды маленькую коробочку, в которой было какое-то чёрное вещество. Она несколько раз ударила кремнем по мечу, и Джеймс от каждого удара вздрагивал. В конце концов, девушке удалось выбить несколько искр на чёрное вещество в коробочке, и оно занялось. Вскоре перед ними уже горел маленький костерок. Только вот меч Джеймса стал немного поцарапанным.

Джеймс выхватил обратно свой меч из рук Тигровой Лилии, и когда их руки соприкоснулись, по его телу разлилась волна жара. Тигровая Лилия села перед костром, грея руки, подняв вверх рукава и открыв тонкие запястья. Джеймс отвёл взгляд. Он и подумать никогда не мог, что чьи-то запястья могут быть такими соблазнительными. Но, к счастью, девушка заговорила и отвлекла его внимание.

— Ты всегда носишь его с собой? — спросила она.

Джеймс дёрнул головой.

— В целом, да.

— Зачем?

Джеймс выпрямился, намеренно не глядя на неё, и сфокусировался на колышущихся в воздухе рыжих языках пламени.

— Пират всегда должен носить с собой оружие и быть готовым к нападению, чтобы какой-нибудь негодяй не застал его врасплох.

Пока он это говорил, уставившись в костёр, Тигровая Лилия поднялась с земли и зашла Джеймсу за спину. Но он понял это, только когда почувствовал у горла холодную сталь, а женский голос прошептал на ухо:

— Например, такой, как я?

У Джеймса перехватило дыхание, и бешено заколотилось сердце. Он чувствовал губы Тигровой Лилии у своего уха, когда она говорила, и молил бога, чтобы она произнесла что-нибудь ещё.

— Возможно, — пробормотал он, тяжело сглатывая.

— Хотелось бы посмотреть, как ты теперь воспользуешься своим мечом.

И чем дальше она говорила, касаясь губами его уха, тем горячее становилась его кожа.

— Ну, полагаю, мы уже выяснили, что против тебя я абсолютно бессилен.

Лезвие отстранилось, и Джеймс почувствовал кожей, как Тигровая Лилия улыбается. Его сердце снова бешено заколотилось. Девушка отпустила его, и Джеймс наклонился вперёд, уперев руки в колени и пытаясь восстановить дыхание, сбившееся от настолько близкого контакта с Тигровой Лилией.

Было так странно: Джеймс столько времени её полностью избегал, а сейчас он здесь, с ней, чувствуя кожей покалывание и шум в голове от того, что она просто дышала рядом с ним. Так непривычно хотеть её поцеловать и не беспокоиться, что на это скажет Питер.

Тигровая Лилия повернула к нему голову.

— А что бы ты сделал, если бы я тебя поймала и решила убить? Или пыталась, чтобы выяснить нужную информацию? Что бы сделал, если бы твой меч подвёл тебя, пират?

— На такой случай у меня есть вот это.

Он достал маленькую бутылочку с зелёной жидкостью. Это бы яд, который Джеймс выдумал, когда был ещё мальчиком. Он думал, что у всех великих капитанов должно быть под рукой что-нибудь смертельно ядовитое; то, что можно выпить, если тебя поймали. Всё

это было жутко драматично, но Джеймс всё равно держал его при себе. Как дань уважения ребёнку, умершему какое-то время назад.

— Это яд?

— Ага.

Тигровая Лилия нахмурилась.

— Не очень-то по-геройски.

— Конечно, нет. Это последнее средство.

Джеймс протянул руку; ему не нравилось, что что-то настолько ядовитое находится так близко к этой девушке. Она протянула бутылочку Джеймсу без всяких возражений, и парень на короткое мгновение коснулся её пальцев своими. Он мог поклясться, что увидел, как Тигровая Лилия покраснела.

Решив сменить тему разговора со смерти, Джеймс спросил:

— Почему ты сегодня не в своём поселении?

Тигровая Лилия вздохнула.

— Не учитывая того факта, что меня похитил мерзкий пират?

— Не учитывая, — ухмыльнулся Джеймс.

— У них сегодня праздник в мою честь. Снова.

— По-моему, это не очень страшно.

Тигровая Лилия сдвинулась, посмотрела на лежащие под ногами листья и начала их собирать.

— Само по себе не страшно. Но эти празднества постоянно. Отец всё не теряет надежды, что сможет подыскать мне стоящую партию.

Джеймс ощутил прилив ревности и прикусил язык.

— Естественно, каждое подобное сборище проваливается. Я их терпеть не могу, свадьба откладывается, и жизнь идёт своим чередом до следующего праздника.

Джеймс посмотрел на неё.

— А ты не хочешь замуж?

— Нет. Ни за кого и никогда, — ответила девушка, глядя в темноту поверх плеча Джеймса.

— Почему?

Её взгляд переместился на шрам на щеке Джеймса, а потом обратно в темноту. И тогда Джеймс всё понял.

— Из-за Питера, — произнёс он.

Тигровая Лилия ощетинулась.

— Питера? Конечно, нет. Почему ты так считаешь?

— Ты любишь Питера, — у Джеймса свело мышцы, но голос оставался спокойным. — Всё в порядке. Все на этом острове его любят.

Он мрачно отвёл взгляд, не желая, чтобы девушка увидела выражение его лица. А потом, сам не понимая, зачем спрашивает, Джеймс задал вопрос:

— Он тебя когда-либо целовал?

— Прости? — обескуражено произнесла Тигровая Лилия.

— Я видел, как вы вместе убивали чудищ Нетландии, как он с тобой сражался, как бегал вместе с тобой и плавал. Но он тебя когда-нибудь целовал?

— Нет. Конечно, нет.

У Джеймса снова заколотилось сердце, и он заметил, что сейчас они с Тигровой

Лилив сидят куда ближе, чем в начале вечера.

Тигровая Лилия прищурилась.

— А вот ты, полагаю, целовал сотни девушек.

Джеймс усмехнулся.

— Нет, не сотни.

Тигровая Лилия поджала губы.

— Только одну, — продолжил Джеймс. Ему понравилась лёгкая улыбка, заигравшая на её губах. — Сьюзен Уивер. Мне было двенадцать, и она была моей девушкой. Наши отношения были очень романтичными и очень серьёзными, — усмехнулся Джеймс. — Мы толком не знали, что должны делать, если встречаемся, поэтому в основном мы держались за руки и говорили друг другу разные милые вещи. А однажды она меня поцеловала.

Джеймс не мог не заметить огонёк ревности в глазах Тигровой Лилии и постарался скрыть усмешку.

— После этого мы ещё пару раз целовались, но полагаю, получалось у нас не очень. В любом случае, вскоре я случайно увидел её, держащейся за руку с Эдвином Букером, так что наша любовь с оглушительным треском лопнула. Трагедия, какая трагедия...

Джеймс захихикал, вспоминая, как считал, что это конец жизни. Но хихиканье быстро затихло, когда он осознал, что с тех пор ни разу никого не поцеловал. Конечно, не то, чтобы его беспокоила нехватка поцелуев. По крайней мере, в Нетландии для этого не так уж много возможностей.

— И где сейчас эта Сьюзен?

— Дома.

Он произнёс слово «дом» с такой грустью и такой болью в голосе, что сам поразился.

Тигровая Лилия прикусила губу и пододвинулась ближе.

— А где это, «дома»?

— Не здесь, — всё, что мог ответить Джеймс. Он боялся, что если скажет слово «Лондон», то разревётся прямо здесь, на глазах у Тигровой Лилии. Это было нежелательно, когда он был маленьким мальчиком, а уж теперь, когда он превратился во взрослого человека, это и вовсе казалось непозволительным.

— Прости, — просто сказала Тигровая Лилия и положила голову ему на грудь. Он чувствовал сладкий запах её волос, пропитывающий его рубашку; чувствовал, как её щека касается его кожи в вырезе рубашки. Он не знал толком, что делать, поэтому просто обнял девушку за плечи и решил, что будет держать её так столько, сколько она позволит, вдыхая её запах.

— Джеймс? — произнесла Лилия, и его сердце заколотилось о рёбра, когда её губы задели кожу его груди.

— Ммм?

— Почему ты никогда не сражался со мной? Не плавал? Не играл? За всё это время я иногда даже думала, что ты меня ненавидишь.

У Джеймса перехватило дыхание, и он пробежал пальцами по её руке вверх и вниз, оставляя за собой покрывшую её гусиную кожу.

— Не знаю, что могу на это ответить. И должен ли.

Лилия дёрнула головой и пробормотала что-то в его рубашку.

— Что, прости?

— Ничего, — ответила девушка. — Я просто сказала, что меня никогда никто не

целовал.

Джеймс отклонился назад, и Тигровая Лилия выпрямилась.

— Никогда? Никто из твоей толпы поклонников?

Девушка шлёпнула его по руке.

— Нет, никто из моей толпы поклонников.

Минуту они оба сидели в тишине, стараясь не смотреть друг на друга. Потом Джеймс вытянул руку и переплёл свои пальцы с её пальцами, лежащими на земле. Потом он посмотрел ей прямо в глаза и тихо спросил:

— А тебе бы хотелось?

Губы Тигровой Лилии приоткрылись, и она покраснела. Джеймс задержал дыхание. Наверно, слишком нагло. Чёрт. Дурак. Да на что он вообще надеется, бегая за девушкой Питера? Болван.

— Тигровая Лилия! — разнёсся над поляной баритон.

Тигровая Лилия вскочила с места.

— Потуши огонь. Это мой отец. Мне пора.

Джеймс сильнее сжал её руку.

— Не уходи.

— Я должна уйти, Джеймс. Да что ты делаешь? Потуши огонь!

Парень поджал губы и выпустил её руку, затем схватил побольше земли и бросил в еле тлеющий огонёк, от которого и так оставались лишь слабо мерцающие угольки.

— Ты сможешь найти дорогу назад? — прошептала она.

— Я же не идиот. Конечно, смогу.

Тигровая Лилия повернулась, чтобы уйти, но потом снова взглянула на Джеймса.

— Ты всё ещё придерживаешься идеи «разграбления моей деревни»?

— Естественно.

Девушка провела по подбородку большим и указательным пальцами и задумчиво посмотрела на Джеймса, а затем лукаво усмехнулась.

— Что ж, тогда мой долг Принцессы — остановить тебя.

— И как ты собираешься это сделать?

Девушка улыбнулась.

— Думаю, мне придётся пробраться к тебе ночью на корабль и убить тебя. Другого способа я не вижу.

Джеймс не сводил с неё глаз.

— Что ж, тогда я буду тебя ждать.

И Тигровая Лилия исчезла во мраке.

Дым от костерка вился вверх тоненькими струйками и растворялся в воздухе.

Несколько струек зацепили одежду и кожу Джеймса. Этот запах почти перебил аромат, оставленный Тигровой Лилией на рубашке Джеймса. Почти. И парень был этому рад.

Рядом замелькал крошечный огонек, звук колокольчиков пролетающей мимо феи заставил его улыбнуться. Этой ночью, окруженный феями, он не испытывал, как обычно, того раздражения к ним. Они ненавидели его лишь потому, что Питер ненавидел его. Чаще всего увидев Джеймса, феи пытались всячески навредить ему, уколоть, ударить или укусить, прежде чем упорхнуть. Но, по какой-то причине, сегодня они оставили его в покое, давая ему возможность насладиться музыкой их смеха и красотой их сияния, пока они летали вокруг, вверх и вниз, мерцая, словно звезды на небе...

Позволив себе недолго посмотреть на это представление, он уже собирался уйти, как вдруг рядом услышал голос. Голос, который не хотел слышать ни сейчас, ни когда-либо еще.

— Ох, какой я умный! — кричал он.

Джеймс почувствовал, как его кровь стынет... Не имело значения, как часто он видел этого мальчика, уже сама мысль о нем заставляла его содрогаться. Он отступил за дерево, зажав свой меч, и задержав дыхание, ожидая появления Питера. Тот появился лишь, когда все феи разлетелись. Подпрыгивая и взлетая при этом, парнишка ступил на поляну в сопровождении единственной феи.

Джеймс, в смятении, сильнее прижался к дереву, что скрывало его. С одной стороны, необъяснимо как, но мальчишка умел расположить к себе, хотелось выйти, улыбнуться в ответ и спросить, что же его так развеселило. Но с другой — его переполняла лютая ненависть. Злоба была настолько всепоглощающей, что ее можно было ощутить во рту. Она взяла верх над его хорошей половиной, и единственное, что он теперь чувствовал, была ярость. Ярость и жажда крови. Еще не до конца осознавая, что делает, он вышел из своего укрытия. А Питер хохотал и подпрыгивал, ничего не подозревая.

Джеймс подтянул свой меч ближе к поясу, и еще крепче сжал рукоять, каждая клеточка его тела была в напряжении, готовясь к предстоящей схватке. Сделав шаг вперед, он услышал, как ветка хрустнула под его ногой и замер. Питер сразу же спрыгнул на землю, прислушиваясь, и глядя в его сторону. Джеймс старался не дышать.

После напряженной паузы, Питер снова занялся своими прыжками и взлетами, а Джеймс тихо следовал за ним. Стараясь быть невидимым, как умела это делать Тигровая Лилия, он дошел за мальчиком до края поляны. И прежде чем Питер достиг леса, Джеймс выскочил из укрытия и одним ударом столкнул его в грязь.

Запах цитрусов витал в воздухе, и, получив удар в спину, у Питера перехватило дыхание. Он вскочил и с силой толкнул нападавшего в ответ. Джеймс рухнул, ломая под собой ветки и листья. Но жажда крови не покидала его, и быстро поднявшись, он снова бросился на Питера. Удар в живот головой был такой силы, что почти подкинул маленького и тщедушного мальчишку в воздух. Падая, Питер в отчаянии ухватился за отросшие волосы Джеймса и так здорово дернул, что у того на глазах выступили слезы.

Ярость вместе с болью придали Джеймсу еще больше силы, он ухватил Питера за талию и резко опрокинул его, словно он весил не больше феи. Такому приему мальчишка не смог противостоять, и вскрикнув, снова дернул Джеймса за волосы, затем в недоумении устался

на него. А когда тот одной рукой схватил его за шею, а другой взялся за меч — в глазах мелькнуло замешательство. Гнев полностью управлял Джеймсом, пальцы еще крепче сжали шею, почти сомкнувшись.

Он хотел раздавить его, сгорал от желания увидеть, как Питер корчится в муках и затем умирает. Но не стал. В момент, когда уже готов был завершить начатое, он разжал пальцы. Питер повалился на землю, кашляя и задыхаясь. Джеймс тоже опустился на колени и направил на него свой меч, зрачки в его глазах потемнели и расширились, лунный свет отражался на лезвии. Во взгляде Питера читался страх и отрицание того факта, что ему действительно могут нанести вред. «Я на это не куплюсь, не куплюсь» твердил себе Джеймс. Его сердце колотилось, кожа горела, чувства брали верх над разумом: он хотел чувствовать одно, но на самом деле, в самых тёмных уголках своей души ощущал совершенно другое.

Немного успокоившись, он ощутил, что феи начали его кусать и щипать, но решил не обращать на них внимания, лишь встряхнув головой и еще крепче сжав зубы.

Он приставил меч к горлу Питера, почти ощущая пульсацию вены под лезвием. Рука дрожала, и, не выдержав напряжения, Джеймс закричал. Это был крик полный боли, рыдание и рычание одновременно. Его всего трясло.

— Ты отнял у меня все! — завопил он.

Питер заморгал и уставился на него, удивляясь, недоумевая. Затем, он нахмурился.

— Джеймс Крюк?

— Да, Пэн. Джеймс Крюк.

— Когда-то ты пообещал убить меня, — вспомнил Питер

Значит, он помнит.

В воздухе витал пепел от костра. Лицо Питера переменилось, губы задрожали, в ужасе он начал барахтаться, пытаясь выбраться из-под Джеймса. Но тот был старше, сильнее и тяжелее и поэтому смог удержать его.

Я убью тебя, Пэн. У меня нет выбора.

Феи начали атаковать еще яростнее, Джеймс почувствовал, как капельки крови выступили на его шее, руках и бедрах.

Джеймс лишь сильнее вдавил клинок в кожу Питера. Пэн сглотнул, и металл царапнулся об его кадык.

Деревья вокруг них начали увядать, а лежавшие на земле прутья обвили ноги Джеймса.

— Тогда бей, — произнёс Пэн. — Убей меня прямо сейчас, и положи всему конец. Мне всё равно это не нравится.

Выражение его лица поразило Джеймса до глубины души. Полное непонимание того, что Питер относится к смерти, как к чему-то несущественному, временному привело его в чувство. Даже ненавидя его, Джеймс осознавал, что собирается убить ребенка. Ребенка, который заслуживает смерти, но все-таки ребенка. Такого же, каким он был много лет назад.

Таким был в действительности Питер — слабым, эгоистичным мальчишкой, которому не было равных в играх, воображении, юности, и принятии реального мира. Рука Джеймса дрожала все сильнее, чувство беспомощности охватило его. Всем сердцем он желал распотрошить мальчишку и покончить с этим, но не мог. Не мог убить Питера Пэна.

Он протянул руку к шее и потрогал там шрам, затем опустил меч пониже. Не давая себе опомниться, Джеймс провел кончиком лезвия по телу Питера и резанул, кровь струйкой

потекла по его груди и начала капать на землю.

Пэн вскрикнул и дернулся. Хладнокровие вернулось к Джеймсу, он зажал его рот рукой и наклонился к его лицу так близко, что мог ощущать холодный пот на щеке Питера.

Дыша ему в ухо, он прошептал

— Я могу убить тебя прямо сейчас, Питер Пэн. Я могу убить тебя сейчас, и ни одна живая душа не услышит тебя. Ты украл мою жизнь. И я могу поступить так же.

Джеймс отодвинулся и посмотрел вверх, в ночное небо, затем снова в испуганные глаза Питера. И обращаясь больше к себе, сказал:

— Но я не буду. Я не жесток. Я пощажу тебя.

Он откинулся назад, освобождая Питера, тот неуклюже поднялся, подняв в воздух при этом столб пыли, листьев и веток. Приложил руку к груди, затем одернул — на ладони осталась кровь.

Страх и злоба исказили его лицо, он посмотрел на Джеймса:

— Ты порезал меня.

— Я мог убить тебя — Джеймс сплюнул.

Питер ухмыльнулся:

— Не мог. Никто не захочет убивать Пэна.

— Я захотел — ответил Джеймс, чувствуя, как жалость уступает место ненависти.

— Тогда почему не убил? Или ты струсил? Так ведь? Никто не может убить меня!

Питер взлетел в воздух, феи ринулись за ним и окружили его, как будто праздновали его победу. Джеймс сжал пальцы в кулак. Он пожалел, что не убил его. Немного опустившись, Питер начал кружить вокруг него.

— Капитан пиратов не может убить Питера Пэна, так ведь? Не сможет, даже если попытается.

Когда он подлетел слишком близко, Джеймс дотянулся и схватил его за ворот. Подтянул к себе так близко, что мог чувствовать его дыхание на своем лице.

— Я мог легко распотрошить тебя сегодня, мальчишка. Ты бы истек тут кровью, порежь я на сантиметр выше.

Питер рассмеялся. Джеймс снова почувствовал, как злость охватывает его и резким движением ударил его по лицу, Питер упал на землю, поднимая в воздух клубы пыли. Когда он поднялся, лицо исказила гримаса ярости, а руки тряслись. Сжав кулаки, Питер прошипел:

— Не вздумай тронуть меня снова, пират.

Джеймс промолчал.

Питер взлетел повыше.

— Ты пожалеешь о том, что сделал этой ночью. Запомни мои слова. — Взвился в небо и скрылся за верхушками деревьев.

Джеймс остался один на поляне, дрожь все еще не покидала его. Чувствуя, как холод пробирает до костей, он отбросил меч. Тьма окружала его со всех сторон, успокаивая его и пугая одновременно. Ни имея сил больше стоять, он упал на колени, поднес к лицу руки и заплакал.

Вода была чуть теплее льда, но это вполне устраивало Джеймса. Прошло четыре или пять, в особенности долгих, нетландовских дней после того случая на поляне, и Джеймс все еще страдал от последствий. Он почти ничего не делал и не думал об этом, настраивал себя, чтобы пойти и найти Тигровую Лилию, тихонько напевал про себя, когда думал, что команда его не слышит. Чаще всего он выглядел угрюмо и избегал окружающих, как, впрочем, и всегда, все еще карая себя за упущенную возможность убить его, и все еще неспособный представить, что действительно бы это сделал. Это было несчастливое место.

Джеймс плавал в соленой воде, стараясь держаться вблизи корабля. Отчасти из-за того, что у него не было сил уплыть на большое расстояние, и частично из-за слов Питера, что отпечатались в его памяти — «Ты пожалеешь о том, что сделал сегодня». Он знал, что это не пустая угроза, и не хотел оставлять Мэйн надолго. Однако не мог больше оставаться в каюте, и решение искупаться показалось хорошей альтернативой, учитывая происходящее.

Он расслабился и лениво греб руками, оставаясь почти на одном и том же месте, вода приятно освежала голову и тело, и единственное что он слышал, был шум волн бившихся о берег.

Тишину внезапно прервал всплеск воды возле берега.

Джеймс резко развернулся, расплескивая воду вокруг, и пристально посмотрел в сторону, откуда послышался звук. Чья-то тень плыла под водой по направлению к нему, что привело его в ужас. Он знал, что это мог быть только Питер. Сердце заколотилось, злость и страх одновременно охватили его, он тоже нырнул и поплыл навстречу, решив что на этот раз убьет Питера, как только его поймает.

Соленая вода стекала по его мускулам и блестела красно-золотым цветом, отражая лучи заходящего солнца, когда он вынырнул набрать воздуха. Увидев, что тень приблизилась, он нырнул обратно, намереваясь схватить ее первым. Наконец его руки натолкнулись на чье-то тело, Джеймс крепко ухватил его и вынырнул на поверхность.

Его брови поползли вверх, когда он увидел, что это Тигровая Лилия, а не Питер. Она закашлялась и замотала головой, разбрызгивая воду.

— Теперь так ты встречаешь гостей? — завопила она.

От неожиданности Джеймс раскрыл рот. Кажется, настало время прекратить думать, что все в округе жаждут его смерти. Хотя, положила руку на сердце, это будет сложно сделать, учитывая, что он единственный заклятый враг Питера Пэна в мире, где все обожают этого мальчишку.

— Прости, я принял тебя за... — он замялся, — другого.

Тигровая Лилия поджала губы и понизила голос.

— Тогда, может быть, отпустишь меня?

Джеймс обнаружил, что все еще крепко держит Тигровую Лилию. Учитывая то, что на нем практически не было одежды, кроме тонких штанов, а ее одежда намочила и прилипла к ней, он чувствовал, как их тела соприкасались. Он оттолкнул ее с чуть большей силой, чем собирался.

И ей это не понравилось.

— Так что ты здесь делаешь? — спросил Джеймс.

Она скривила губы.

— Нуу, я собиралась прокрасться в твою каюту и убить тебя, как обещала, но потом я увидела твои ботинки и одежду на берегу, а после, и тебя самого в море. И решила, что нет смысла идти туда, где тебя нет.

Джеймс ухмыльнулся.

— О, не волнуйся, я до тебя еще доберусь — улыбнулась она в ответ.

Они еще немного поплавали, затем Тигровая Лилия начала дрожать.

— Ты знаешь, а здесь довольно таки холодно. Нехорошо с твоей стороны заманивать меня в воду и заставлять думать, что она теплая.

Джеймс усмехнулся

— Не припомню, чтобы я тебя приглашал.

— И все же.

— Так ты злишься на меня из-за того, что добираясь до меня, тебе пришлось плыть в такой холод?

Она обхватила себя руками

— Да.

Джеймс проплыл расстояние, разделявшее их, так близко с ней лицом к лицу он еще не был. В этом вечернем освещении она выглядела еще более потрясающей, чем он помнил, на её ресницах и высоких скулах играли золотистые, ярко-розовые и багровые отблески. Не раздумывая, он протянул к ней руки и снова крепко обнял. Цокот зубов прекратился.

— А сейчас?

Ее дыхание стало неровным, он почувствовал, как ее пульс участился при его прикосновении, и это заставило биться его сердце сильнее.

— Я... — она отвела взгляд. Джеймс увидел, как на ее лице отразилась внутренняя борьба. Не желая быть причиной этого, он отпустил ее и поплыл к кораблю.

— Куда ты?

— К себе на корабль.

— А мне что прикажешь делать?

Он заколебался.

— Плыви за мной. На палубе никого нет, и никто тебя не увидит.

Немного подождав, она поплыла за ним к берегу. Джеймс нарочно не оборачивался, боясь сделать какую-нибудь глупость, если снова ее увидит — в мокрой облегающей одежде, озаренную лучами заходящего солнца.

Уставшие, они оба выбрались на берег. Джеймс все еще отводил взгляд, подшучивать уже не было желания. Так, в безмолвии, они дошли до корабля. Не оборачиваясь, он протянул руку Тигровой Лилии, и она взялась за нее. Ее ладонь была холодной и мягкой, и Джеймсу захотелось сильнее сжать ее и притянуть поближе, одновременно боясь навредить ей.

Без помех они забрались на борт и направились к его каюте. Джеймс мягко подтолкнул ее вперед, ведя себя как джентльмен, и давая даме войти первой. Открыл дверь, и в момент, когда она проходила мимо, не сдержался и снова посмотрел на нее.

Воображаемое стало явью — платье полностью облепило ее, вызывая подчёркивая формы. Во рту Джеймса все пересохло, когда он окинул взглядом ее фигуру — грудь, живот, ноги... Когда она задела его, проходя мимо, его кинуло в жар, затем в холод. Отвернувшись, Джеймс сосредоточился на своем столе.

— Дать тебе сухую одежду? — его голос охрип, когда он закрывал за собой дверь.

— Да, если можно.

Джеймс порывшись в шкафу и вытащил длинную белую рубашку. Вся его одежда выглядела почти одинаково, и он просто выбрал то, что сам бы надел — так сказать, стиль двадцатилетнего парня. Тигровая Лилия взяла протянутую ей рубашку, ненароком коснувшись его пальцев, он тут же отвернулся и отошел в другой угол каюты.

Джеймс натянул на себя чистую рубашку, но не решился сменить штаны. Ему казалось неприличным переодеваться в шаге от нее. Полумокрый, он стоял в углу комнаты, и, не мигая, смотрел на деревянную стену каюты, прислушиваясь к звукам падающей мокрой одежды и скрипу кровати. Прижав кулак ко рту, он изо всех сил старался думать о чем угодно, но только не об обнаженной Тигровой Лилии, сидящей на его кровати.

— Да ты почти джентльмен — сказала она.

Джеймс воспринял эти слова, как разрешение обернуться. Желание видеть ее в мокрой одежде тут же вернулось. Смотреть на нее, сидевшей там в его слишком большой и поношенной рубашке, что едва прикрывала бедра, и уменьшала ее, было не так приятно.

— Садись рядом — предложила Тигровая Лилия.

— Да мне и здесь неплохо.

Она нахмурилась и отвернулась, разглядывая все вокруг. Желание упорствовать тут же ослабло. Ноги сами понесли его к ней, несмотря на его протест, и вот он уже сидит рядом с ней, даже ближе чем хотелось бы. От ее тела исходило тепло. Его взгляд скользил по ее шее, опускаясь ниже к расстегнутому воротнику рубашки, затем еще ниже...

— Джеймс?

Он встрепенулся:

— Да?

— Ты не услышал ни слова, что я сказала.

— Прости.

— Ты отвлекаешься.

Он сглотнул:

— Немного.

Она закусил губу:

— Возможно, мне стоит уйти.

Тигровая Лилия уже поднялась с кровати, когда Джеймс схватил ее за запястье.

— Нет, не уходи.

Она поджала губы и посмотрела на него, затем снова села.

— Что тебя так отвлекает?

Он запнулся. Ну не мог же он, в самом деле, признаться, что ее мокрые волосы почти сделали ее рубашку прозрачной, или что она пахла цветами, несмотря на то, что только что искупалась. Поэтому ляпнул первое, что пришло на ум.

— Питер.

И тут же пожалел об этом, увидев, как поднялись ее брови

— Питер?

Он вздохнул и поник.

— Всегда Питер. Давно ты его видела?

Она притихла:

— Да. А ты?

— А я вот на днях.

Тигровая Лилия сдвинула брови.

— Тебе не о чем беспокоится — Джеймс скривил губы. — Я не тронул его. Почти.

Она отпрянула и уставилась на него:

— Что это значит?

— Это значит, что я принял решение не убивать его — большое достижение для меня.

В гневе Тигровая Лилия вскочила с кровати, мокрые волосы прилипли к лицу:

— Что ты с ним сделал?

Джеймс тоже встал.

— Я столкнулся с ним в лесу. И мог запросто убить его. Но не стал. Конец истории.

Она стиснула зубы:

— Ты врешь.

Джеймс отвел взгляд и холодно добавил:

— Ну, может быть, слегка порезал.

В глазах Тигровой Лилии появились слезы, и он тут же пожалел о сказанном.

— Ты ранил его? Как ты мог?

У Джеймса челюсть отвисла.

— Как я мог? Тигровая Лилия, да у него вряд ли даже шрам останется от этого, А что он сделал со мной, что забрал...

Она покачала головой и нагнулась поднять свою мокрую одежду с пола. Джеймс ухватил ее за руки.

— Ты не понимаешь.

Тигровая Лилия одернула руки и посмотрела на него с вызовом.

— Тогда объясни мне, Джеймс Крюк.

— Подруга, ты тоже была там. Забыла ночь, когда мы встретились? Ночь, когда ты нашла меня плачущим в лесу?

Она резко опустила глаза.

— Нет.

— И ты, может, думала из-за пустяка, мелочи? Из-за него. Этого негодного мальчишки. Он забрал меня из Лондона, — при слове «Лондон» его голос надломился, — и поклялся, что вернет обратно. Он обещал мне это. Обещал.

Тут Джеймс выдохся... Эмоции были настолько сильными, что подавили чувства, не было даже стыда за свое поведение перед девушкой.

Тигровая Лилия сникла и присела обратно на кровать, Джеймс упал рядом, сотрясаемый рыданиями. Он схватился за нее, как за спасательный круг, его пальцы впивались ей в плечи, ее запах возбуждал и успокаивал одновременно. А она гладила его волосы, спину и шептала какие-то непонятные слова на своем языке. Ее прикосновения успокаивали, боль постепенно утихла. Он положил свою голову ей на колени.

Она не отодвинулась, а просто продолжила перебирать пальцами по его волосам и шее. Такого умиротворения, он не чувствовал с тех пор, как попал в Нетландию. Он полностью расслабился, на душе стало легко, и все что он ощущал — это тепло ее ног на своей щеке и нежность ее пальцев. О Питере он почти забыл.

Он лежал так на ней некоторое время и почти забылся, пока она, наконец, не пошевелилась.

— Мне нужно идти, — мягко сказала Тигровая Лилия.

Зная, что она не может остаться, Джеймс не стал спорить.

— Спасибо — прошептал он, в горле пересохло от рыдания.

— Тебе не нужно меня благодарить — она нагнулась и коснулась губами его щеки, поцелуй оказался мягким, нежным и воздушным. Джеймс поднялся с ее колен и посмотрел на нее. Когда она попыталась встать, он схватил ее за руку и прошептал:

— Найди меня снова.

— Обязательно, я ведь обещала.

Забрав свою одежду, Тигровая Лилия покинула корабль. Обессиленный, Джеймс вытянулся на матрасе, сон не шел. Так он лежал, теряя счет времени, и думал о ней, пока не задремал. В бреду ему привиделся Питер Пэн. Но проснувшись, он увидел, что в комнате был лишь он один.

На корабле было тихо, и, вопреки обыкновению, Джеймс находился в хорошем настроении. Он лежал в своей кровати, скрестив руки под головой, и смотрел в потолок. Мысли о Питере все также беспокоили его, но этим утром он думал только о девушке.

Представлял, чем она сейчас занимается — охотится на оленя, плавает в лагуне, или, может, отшивает поклонников. Гадал, когда она снова придет. Но больше всего его интересовало, думает ли она о нем так, как он.

Послышался легкий стук в дверь. Джеймс настолько расслабился, что не стал даже притворяться рассерженным.

— Входи.

Вошел Сми, смущенно ковыляя и улыбаясь. Сми был единственным, кого Джеймс признавал. Он не был похож на обычного пирата, и это почему-то нравилось ему.

— Капитан? — позвал он его тихонько.

— Да.

Сми пробежал глазами по комнате, сжимая и потирая руки.

— Говори, Сми.

— О, ничего, сэр. Вообще не о чем беспокоится. Забудьте, что я сказал.

Джеймс закатил глаза.

— Давай уже, выкладывай.

Сми нервно хихикнул и занялся уборкой в комнате, ставя вещи на место, закрывая ящики по пути и протирая пыль тряпкой. Таким его Джеймс еще не видел, ему явно было что сказать.

Пират нагнулся, чтобы поднять что-то с пола, ахнул и замер. Его лицо покраснело, и он протянул капитану ожерелье из маленьких бусинок.

— Кажется, кто-то обронил это.

Аа, Тигровая Лилия. Вот в чем дело.

— Дай сюда — Джеймс привстал и взял ожерелье с дрожащей руки Сми.

— По-твоему, это должно напугать меня?

Сми рассмеялся.

— Боюсь, это напугает всех.

Он застенчиво опустил глаза, и Джеймс не мог его винить за это.

— Говори, что хотел сказать, Сми.

Он вздохнул, сцепил пальцы и сел за стол Джеймса. Весил он прилично, зад не помещался на стуле, расплываясь по краям, а когда он скрестил и свои толстые ноги, стал выглядеть еще более неуклюже.

— Эмм, капитан, дело вот в чем. Я тут подумал, что — мне просто интересно, а что если леди принцесса будет здесь частым гостем.

Джеймс поднял бровь.

— Леди принцесса?

— Да, сэр, принцесса. Тигровая Лилия, — уточнил Сми, перебирая пальцами.

— А с чего ты вообще взял, что она была здесь?

Сми упорно отводил взгляд, рассматривая все вокруг, но только не Джеймса.

— Сми. — Джеймс так стукнул по спинке кровати, что Сми вздрогнул. — Отвечай мне.

Тот закусил губу и выдохнул:

— Нуу, потому что я видел, как она выходила из вашей комнаты прошлой ночью.

Капитан, я просто предположил...

— Предположил что? — гаркнул Джеймс.

Сми дернулся, голос зазвучал жалобно:

— Капитан, не думайте, что я копаю под вас или распускаю слухи, чтобы оспорить ваше руководство на корабле.

— Продолжай. — Джеймс понизил тон и прищурился.

— Я просто подумал, чем это может обернуться. У нас уже есть враги среди русалок, а Питер ненавидит нас теперь вдвойне сильнее, если можно так выразиться. Я переживаю, как бы мы не спровоцировали и индейцев.

Джеймс понимал, что сказанное Сми было не в укор ему, тем более что тот трясся как осиновый лист, но не мог спустить ему это.

— То есть, ты считаешь, что это входит в твои обязанности, приходиться ко мне с самого утра и указывать, с кем мне встречаться, а с кем нет?

— Нет, капитан. — На лице Сми отразился испуг.

— И что ты прям настолько умный, что можешь позволить себе заявить, что это я втягиваю нас в неприятности?

Сми едва держался на стуле.

— Капитан, я бы никогда...

— Более того, у тебя хватило наглости приплести мне отношения с Тигровой Лилией, не зная ровным счетом ничего, кроме того, что тебе привиделось, будто кто-то выходил из моей комнаты посреди ночи.

Джемс встал с кровати и навис над пиратом, тот еще больше задержался.

— Я не хотел переступить черту, сэр. Пожалуйста, вы меня неправильно поняли.

— Но ты переступил.

Сми смотрел в пол, держа руки на коленях, и выглядел таким обиженным, что Джеймсу даже стало его жаль. Надо будет придумать, как избавиться от этого чувства. А пока мягкость снова завладела им. Сми очень был похож на его мать, и у Джеймса не получалось долго злиться на этого человека.

— Сми, — сказал он, понизив голос и барабаня пальцами по столу — мои отношения с Тигровой Лилией тебя не касаются вообще никаким боком. Ты меня понял?

Тот кивнул.

— А также, количество наших врагов на этом острове. Это проблема капитана, и он должен решать ее, а не повар.

Сми снова кивнул и вытянул руки, став еще более несчастным.

Джеймс вздохнул и закатил глаза.

— Давай, вставай уже.

Повинуясь, пират едва не опрокинул стул, на котором сидел, пока Джеймс, сидя на кровати, натягивал ботинки на ноги.

— И раз вы уже спросили, Мистер Сми, Тигровая Лилия будет только рада провести некоторое время на борту Мэна в ближайшем будущем.

— Как пожелаете, сэр.

Джеймс довольно ухмыльнулся и надел шляпу. Без своей шляпы капитан выглядит только наполовину капитаном. Пропустив ковыляющего Сми вперед, Джеймс последовал за

ним.

Ярко светило солнце, пираты уже проснулись и занимались каждый своим делом. Джеймс радовался, что было редкостью. Море было ярко-синим и шумным, все морские создания были на виду. Маленькие голубые дельфины выпрыгивали из воды, повсюду купались нимфы, приплыла даже большая фиолетовая черепаха. Обычно мрачный лес казался приветливым, а море манило отправиться в плавание на корабле. Различные безделушки, что пираты украли во время своих вылазок, сверкали в воздухе. Быть пиратом сегодня было особенно хорошо.

Джеймс вдыхал влажный морской воздух, смотрел вдаль, в бескрайнее море и улыбался. Как вдруг что-то привлекло его внимание. Там, на горизонте, за облаками, было пятно, необычное по форме и цвету. Выглядело так, как будто кто-то шил одеяло из ярко голубых лоскутков, а глупый помощник пришил один кусочек другого цвета. В том странном месте небо было темного, почти багрового, серого цвета.

Облака вдали начали сгущаться, как бы готовясь к чему-то по-настоящему зловещему. Джеймс нахмурился, и стал еще пристальнее вглядываться. Но чем дальше он смотрел, тем больше, темнее, и необычнее они становились, уже вся команда побросала свои дела и тоже начала разглядывать небо. Облака клубились, смешивались и вращались по кругу, это выглядело необыкновенно красиво и пугающе. Воздух как будто стал наэлектризован.

Джеймс медленно кивнул сам себе. Погода могла так меняться, лишь потому, что у этого острова была специфическая особенность, что связывала их воедино. И он прекрасно знал, кто был причиной этого. Питер приближается. Идет, чтобы сдержать обещание. Джеймс мог с абсолютной уверенностью сказать, для кого погода так портится, еще прежде, чем подует ветер, поднимутся волны или послышится карканье ворона из леса.

Он собрался с духом, как всегда делал, ожидая стычки с Питером, и просто стоял на палубе своего испанского Мэйна в гнетущей тишине. Снова где-то там каркнул ворон, и Джеймс напрягся, полный решимости убить-таки мальчишку в этот раз...

Полы красно-желтого плаща Джеймса развевались на ветру, пока он стоял, вглядываясь в безлюдный и неприветливый берег Нетландии. Ненавистный мальчишка мог появиться в любую минуту, летая между деревьев в поисках приключений. Занятием на сегодня, по определению Джеймса, будет попытка Пэна убить его. Придется разочаровать его, а что поделаться?

Мысль о том, что мальчишка перестанет дышать, и его сердце остановится, когда Джеймс перережет ему горло, заставила его затрястись. Он ненавидел его и боялся одновременно. И ему было невыносимо это осознавать, потому что такого настоящие мужчины не чувствуют, в особенности пираты, и уж тем более капитаны. Но это было так. Он знал, что, несмотря на все старания, магия Пэна действовала на него так же, как и на весь остров. И возможно именно поэтому, было так сложно воплотить желаемое в действительное.

Но было еще что-то неправильное в самой идее убить человека в столь юном возрасте. Питер был всего на несколько лет младше его — четырнадцатилетний против, приблизительно, двадцатилетнего — но по ощущениям, разница была длиною в жизнь. Внутренне он противился этому, так как в момент убийства, он потеряет последнюю частичку невинности своей души, которую так отчаянно хотел сберечь. Отняв у другого его детство, он станет таким же, как Пэн.

Именно этого, он боялся больше всего.

В кронах деревьев послышался шепот. Этот шёпот говорил о двух мальчишках, вышедших на тропу войны; о стороне, которую в этой битве займёт вся Нетландия; и о напряжении всей природы за пару мгновений до сражения. Затем наступила мертвая тишина.

— А где капитан, капитан, Капитан Крюк? — кто-то громко напевал, невидимый из-за деревьев. Но все знали, чей это голос.

— Найдем капитана, капитана, Капитана Крюка.

Джеймс невольно содрогнулся и так же, как и вся его команда, вытащил свой меч, пытаясь отогнать мысль, что голос принадлежит личности, которая постоянно берёт над ним верх. Старки сделал шаг вперед, прикрывая его собой.

— Аа, вот капитан, капитан, Капитан Крюк.

Из лесу показался Питер, паря над землей и скалясь во весь рот. Воздух вокруг Джеймса стал противно сладким, почти тошнотворным, а зеленая трава покачивалась в такт песне Питера.

— Пустим кровь капитану, капитану, Капитану Крюку.

Рука Джеймса покачнулась, металл внезапно стал чересчур тяжелым. Билл Джукс придвинулся к нему ближе, подставив локоть под его руку с мечом так, что никто не увидел этой слабости. Питер все приближался к Испанскому Мэйну, пока не подлетел вплотную и, взявшись кончиками пальцев за край судна, заглянул внутрь. Джеймс мог видеть его лицо лишь наполовину: рыжие волосы, перевязанные золотыми нитками, приподнятые брови и скошенные глаза, что придавало последним словам песни жутковатый смысл.

— Убьем капитана, капитана, Капитана Крюка.

Питер запрыгнул на борт босыми ногами и стал в позу, упираясь руками в бедра. Шкура

и мох, которые он носил, слетели с его плеча, но он не обратил на это внимания. В его глазах Джеймс видел лишь жажду крови. Никто не двигался, лишь слышно было, как Потерянные Пэна послушно карабкаются на Мэйн.

— А почему они не прилетели вместе с тобой? — спросил Джеймс, хотя знал, что сейчас неподходящее время для этого.

Питер важно поднял голову и ухмыльнулся.

— Я единственный, кому позволено летать при сражении, Джеймс Крюк. Таковы правила.

— Аа, мы добавили еще одно в список, не так ли?

Питер пожал плечами.

— Ты точно уверен, что хочешь принять участие в этом маленьком происшествии? — спросил Джеймс наигранно вежливым тоном.

Повисла пауза, и мальчишка не сразу ответил.

— Точно.

— Ну и дурак.

Питер нахмурился и уставился на Джеймса, глаза сверкали, пряди волос развевались на ветру. Было видно, что он здорово разозлился.

— Не смей со мной так разговаривать, пират.

— Я лишь пытался быть честным — спокойно ответил Джеймс. — Думаю, это не по правилам, приглашать тебя в сражение, где ты веришь, что выиграешь.

Питер откинул голову назад и рассмеялся, взлетев при этом ввысь в серый туман, затем вернулся обратно.

— Все знают, что я сильнее тебя.

Со стороны пиратов послышались возгласы неодобрения и насмешки, Джеймс лишь приподнял бровь.

— Да неужели?

Потерянные запрыгивали на корабль один за другим.

— Ну, конечно — ответил Пэн. — Это же Нетландия. Я не могу проиграть.

Лицо Джеймса помрачнело, и он злобно посмотрел на Пэна исподлобья. Затем поманил указательным пальцем к себе.

После этого на Испанском Мэйне началась суматоха. Несколько Потерянных, в которых он узнал Шалуна, Биббла и Боббла, вытащили свои крохотные мечи и с воплями кинулись в драку. В животе у Джеймса все сжалось, но он решительно это проигнорировал.

Пираты давали отпор, только и слышно было звон и скрежет мечей да хриплые крики дерущихся. И хотя сердце Джеймса тянулось к старым друзьям, он старался не обращать внимания на мальчишек, Потерянных, или как их там. У него была цель поважнее.

Кровожадный ребенок скакал туда-сюда, с трапа на воронье гнездо, и обратно на корабль, совершая до невозможного быстрые прыжки. Джеймс едва мог уследить за ним.

— Эй, я здесь, наверху, старик! — смеялся Питер.

Джеймс обернулся на звук голоса.

— Оо, слишком медленно. Я теперь здесь.

Джеймс вертелся по кругу, чувствуя себя глупцом. Питер откровенно насмеялся над ним и со злости Джеймс выкрикнул:

— Выходи и сражайся, как мужчина, мальчишка!

Питер остановился на середине полета, так что Джеймс мог, наконец, сфокусироваться

на нем.

— Глупый пират, — сплюнул тот. — Я ничего не делаю, как мужчина!

Тут Джеймс заметил, что находится недалеко от своей каюты, и попятился назад по направлению к ней, попутно загоня занозы в спину. Он не боялся Питера, но знал, что тот последует за ним. Этот ребенок был непоседлив, и терпение не было чертой его характера.

Питер полетел за ним, выставив кинжал, но Джеймс в ответ, резко выпрямился и ударил своим мечом по его лезвию, с такой силой, которой тот не ожидал. По инерции Питер отлетел наземь, но, кувыркнувшись, он легко встал в стойку, да так умело, как будто уже делал это раньше.

— Я перед тобой, Капитан Джеймс Крюк — язвительно бросил он, слова звучали как насмешка.

— Вижу.

Питер сжал кулаки.

— А ну, попробуй распотрошить меня снова.

— Уверяю, тебе это совсем не понравится, — ответил Джеймс, надменно улыбаясь.

— Ха! Насколько я помню, ты вообще не способен что-либо сделать мне.

Взгляд Джеймса скользнул по груди Питера — не осталось даже шрама.

Вот же, гаденыш.

— Обещаю, в следующий раз тебе так не свезет.

Глаза Питера сверкнули, оба начали обходить друг друга. Вокруг разносились крики, но Джеймс словно ничего не слышал. Он едва замечал окружающих, полностью сосредоточившись на Питере и его клинке. Сделал шаг навстречу, но Питер взлетел, затем снова опустился на палубу. А когда, взлетев, Питер попытался атаковать, Джеймс направил меч ему в сердце.

— Я вижу, ты поупражнялся с мечом, старик.

— Несомненно.

— Но ты по-прежнему меня боишься, — скривился Питер, ухмыляясь.

— И с чего ты это взял? — сердце Джеймса билось о грудную клетку, в такт раскатам грома, признавая правоту Питера. Но на лице не дрогнул ни один мускул, вопреки ощущаемому ужасу.

— А с того, что каждый раз, когда я так смотрю на тебя, ты отступаешь! Противный старый пират. Храбрец уже давно бы рассек меня.

Пальцы Джеймса сильнее сжали меч.

— А умник твоего возраста держал бы рот на замке и не провоцировал взрослого.

Высокомерие, что отражалось на лице Питера, разозлило капитана, и, не сдержавшись, он сделал выпад. Тот поднял брови, широко улыбнулся и задержал удар своим клинком. Джеймс надавил на меч, используя всю тяжесть своего тела, и выдохнул Питеру в лицо:

— Я могу убить тебя прямо сейчас, Пэн.

— Давай, сделай это, — прошипел Питер и оттолкнул его. И они снова начали кружить друг напротив друга.

— Я могу годами это делать — похвастался Пэн.

— Мне не впервой.

Питер делал выпады, но Джеймс легко отражал удары, снова и снова. Тогда Пэн, зажав в зубах нож, устремился вверх и приземлился на палубу позади него, одновременно ударив его в спину. Джеймс упал на четвереньки, поскользнувшись на чьей-то луже крови, однако

быстро перевернулся и выставил меч. Быть поверженным было неприятно, но удобнее было видеть Питера перед собой, а не позади.

Питер навалился, нанося удары такой силы, что дух перехватывало. Для подростка он оказался слишком сильным. На какую-то минуту они сцепились, катаясь по полу. Затем Джеймс, получив очередной удар в плечо, ударил в ответ его в пах, что было довольно подло, и ухватил за горло.

Не ослабляя хватки, он вдруг замер и прислушался. Доносился странный звук, тик-так, тик-так, тик-так, похожий на тот, что он слышал у крокодила ранее. Нехотя, он инстинктивно повернул голову в сторону звука.

Как вдруг почувствовал жесточайшую боль в запястье, словно кто-то приложился кувалдой. Тик-так мгновенно был забыт, он обернулся и закричал. Там где только что была рука, теперь была изуродованная плоть. Кость, мышечная ткань, сухожилия, все было в клочьях.

С дьявольской улыбкой на лице Пэн взмыл в небо, унося с собой часть его руки. Джеймс побледнел, вдохнул воздуха, и издал оглушительный вопль. Он знал наверняка, что реальная боль еще не пришла, как и осознание действительности. И не мог поверить, даже если бы захотел, что рука, которую Пэн держал, была его собственная.

Ошарашенный, Джеймс сел, прижимая к себе обрубок руки, алая кровь сочилась сквозь рубашку и капала на пол. В ужасе и оцепенении, он увидел, как Питер выбрасывает его руку за борт. Превозмогая боль, он собрался и подполз к краю корабля. От увиденного его глаза расширились — рука лежала в пасти крокодила.

Глаза твари были такими же, как и Питера — холодными, бессердечными, и, до непристойного довольными вкусом его крови. Питер взлетел вверх, кружась и каркая, как обычно. Потерянные и пираты перестали драться, все обернулись в сторону Джеймса.

На секунду, он пересекся взглядом с Бибблом, глаза которого были широко раскрыты, потемневшие и наполнены жалостью и ужасом. Джеймс вдруг ощутил в себе непередаваемое множество чувств. Но больше всех ранило только одно — предательство.

Задышавшись, он отвернулся от Биббла, своего друга, и упал на колени, кровь тут же пропитала его штаны.

Лишь когда окончилась битва, и настала тишина, и слышно было лишь радостные вопли Питера, тогда появилась боль. Джеймс сделал несколько коротких вдохов и выдохов и закричал. Этот крик отличался от тех, что он делал и слышал ранее. Страдание и ярость смешались. Он кричал снова и снова, пока не упал обессиленный, глаза стало заволакивать дымкой, и все перестало иметь значение, кроме него и его команды.

Вокруг него началась суматоха, но Джеймс едва обращал внимание на это. Он находился в бреду от боли и потери крови, и что-то бормотал.

— Мужики, он сейчас стечет кровью и помрет.

— Рука. Его рука! Кто-то видел крокодила?

— Подождите, я держу. Разожжем угли. Поднимайте его, тащим в камбуз.

Голова дернулась, когда его поднимали с палубы, и Джеймс почувствовал, что теряет сознание. Затем его опустили, и он ощутил, как жар окутывает его тело, словно мягкая шерсть и заулыбался.

— Кто-нибудь, возьмите его за руку. Да за другую, идиот. За ту, что в крови.

— Посадите его прямо.

У Джеймса закружилась голова, и ему захотелось, чтобы все заткнулись и дали ему

уснуть. Разве они этого не видят?

— Простите меня, пожалуйста, капитан — мягко сказал Сми.
Затем был шипящий звук, обжигающая боль в руке и пустота.

Исчезнувшая. Пропавшая. Отрезанная. Отделенная. Ушедшая. Можно было много слов подобрать под описание теперь уже отсутствующей руки Джеймса, но ни одно не подходило. Он едва мог убедить себя в том, что не только потерял важную частичку себя, своего тела, но, похоже, лишился ее навсегда. Она не ждала его где-то там, целенькая, жаждущая воссоединения; она была в животе крокодила, переваренная.

Джеймс сидел на теплом песке на берегу моря Нетландии, нимфы и другие морские существа купались в набегающих волнах, но он не обращал на них внимания. Он сгибал свою левую руку снова и снова, восхищаясь строением мускул и вен, и бросая невольный взгляд на правую руку, как будто она выросла заново. Иногда так и ощущалось. Странно было чувствовать ее время от времени, делая что-нибудь руками. Но каждый раз ощущения обманывали его, а глаза показывали правду.

— Капитан? — позвал Старки, приблизившись.

Джеймс не ответил.

— Я хотел бы вам кое-что показать.

Тот продолжал смотреть на руку. Старки вздохнул. Вся команда была в унынии заодно с Джеймсом. После того происшествия, он практически ни с кем не общался, за исключением тех моментов, когда просил есть или пить.

Джеймс поднял голову.

— Как ты думаешь, Старки, почему он тикает?

Старки вздрогнул от его голоса.

— Что, простите?

— Почему он тикает? Крокодил?

Старки кашлянул и сморщил лоб.

— Ну, наверно, это потому, что он когда-то проглотил часы. С тех пор и тикает.

— Хм.

Взгляд Джеймса снова стал отсутствующим, и он вновь принялся сгибать и разгибать оставшуюся целую руку.

— Капитан, мне неудобно просить вас покинуть пляж, но у меня кое-что для вас есть. Я сам это сделал. Думаю, это взбодрит вас, — не унимался Старки, заглядывая ему в глаза.

Джеймс сжал губы и посмотрел на него. Старки иногда был настойчив. Чувствуя нарастающее раздражение, он все же поднялся и, постояв немного, решительно зашагал к Мэйну. Вместе они поднялись на корабль, и, повернувшись к пиратам, Джеймс сложил руки в ожидании.

— Один момент, капитан — попросил Старки, сошел на берег и исчез в маленькой пещере на берегу.

Джеймс стоял, игнорируя откровенные взгляды своей команды, и стараясь не смотреть на ужасный обрубок своей руки. Она довольно хорошо зажила и больше не болела при касании, но была покрыта пятнами и ожогами, как напоминаниями о тех углях. Через несколько минут Старки вернулся и слегка кашлянул, Джеймс обернулся.

В руке Старки держал блестящий манжет, аккуратно окаймленный листьями, виноградной лозой и еще какими-то завитушками, которые Джеймс не смог разглядеть с расстояния. На конце был прикреплен крюк. Искусно сделанный, массивный, он светился и

переливался на солнце, и выглядел пугающе острым. Джеймс открыл рот, что-то чуждое, смутное, но определенно приятное затеплилось в его груди. Что-то вроде признательности.

— Где ты это взял?

Старки засмутился.

— Сам сделал.

На губах Джеймса появилось подобие улыбки.

— Сделал? Но как?

— Я давно уже увлекаюсь кузнечным делом и у меня что-то вроде мастерской, там, в пещере, — он махнул головой на берег. — Мне показалось уместным подарить вам что-то, что подчеркивало бы ваше имя. Должно подойти, — кивнул Старки, уводя взгляд в сторону.

Джеймс взял крюк и опробовал на вес. Он был тяжелый и цельный. Мастерски сделанный, и действительно пиратский. Джеймс посмотрел на Старки не то чтобы с улыбкой, но и без недовольства. Затем снова уставился на изобретение и легонько подкинул вверх. После согнул правую руку и натянул манжет на обрубок, стягивая по ней маленькие кожаные ремешки и пряча концы под серебро. Подошло идеально.

Он взмахнул несколько раз рукой, чувствовать дополнительный вес там, где не хватало руки, было приятно. Казалось, ему нравилось это больше, чем он показывал. Он бросил несколько мрачных взглядов на Старки в благодарность и направился к своей каюте, безразлично кивая в ответ улыбающимся пиратам. Те не сводили глаз с его опасной части руки. Джукс был особенно впечатлен, переводя взгляд с крюка на свою руку и обратно. Джеймсу на момент показалось, что тот без раздумий отрубил бы себе руку. Он хмыкнул и проскользнул в свою комнату.

Он уставился в свое зеркало на полный рост, как обычно делал и взмахнул крюком перед собой еще несколько раз. Затем приложил к себе, отметив с удовольствием, насколько опасно он теперь выглядит с оружием на руке. Грозно хмурясь, он вдруг услышал скрип за спиной. Обернулся и увидел дверь приоткрытой.

Джеймс застыл, взгляд блуждал по комнате.

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

Прошелся к кровати и обратно.

— Кто здесь?

Схватил меч, пальцы крепко держали рукоять, взгляд упал на шкаф, полный льняных рубашек, штанов и обуви, что лежали, как и положено. Но кое-что было лишнее. Маленькая коричневая лодыжка выглядывала из-под одежды.

— Наемный убийца, значит, — произнес Джеймс, забыв о крюке и мече. Он ухмыльнулся, одернув одежду и обнаружив за ней Тигровую Лилию, волосы ее ниспадали каскадом на плечи, слегка спутавшись.

— Мне захотелось, чтобы ты меня нашел, — ответила она, на лице отразилось легкое удовлетворение. Она вышла из шкафа, небольшие пряди волос зацепились за его одежду.

— Да неужели? — Джеймс поднял бровь.

— Да, потому что...

Она запнулась, ее взгляд на чем-то остановился, Джеймс посмотрел туда же и снова ужаснулся отсутствию своей руки, но лишь на миг.

— Твоя рука! — вскрикнула Тигровая Лилия, поднося руки ко рту.

— Тебе не нравится крюк? — мрачно спросил Джеймс. — А я думаю, он мне идет.

— Что случилось? — На лице сплошное выражение огорчения, пальцы коснулись металла.

Джеймс отклонился.

— Джеймс, что случилось? — в ее повышенном тоне звучала неподдельная искренность. Она сделала шаг к нему, и он почувствовал трепет в своей груди.

С угрюмым видом Джеймс отступил назад. Он не желал признаваться, что ее любимчик победил его в бою, и не только отнял его руку, но и скормил ее крокодилу, как закуску, это было унижительно.

— Это не имеет значения. Я пират, опасности постоянно подстерегают нас и наши руки.

Тигровая Лилия закусил губу и произнесла почти шепотом.

— Это был он, так ведь?

Джеймс крутнулся на месте, лицо исказила злоба.

— С чего ты взяла, что это он? Ты тоже веришь, что он сильнее меня?

Она не отпрянула на его агрессию, но выпрямилась.

— Нет, Джеймс, и не веди себя как ребенок. Я сказала так потому, что ты злишься только когда говоришь о Питере, по твоему лицу и так все видно.

Джеймса это смягчило.

— Извини.

Тигровая Лилия нерешительно спросила:

— Он отрезал тебе руку?

— Да. И скормил ее крокодилу.

— Зачем?

Челюсть Джеймса непроизвольно дернулась.

— А не в его правилах драться честно.

Тигровая Лилия опустила взгляд и села на кровать. Джеймс присел рядом, позволив себе сесть к ней ближе, чем обычно. На миг ему показалось, что она тоже придвинулась к нему. Он не мог уже отличать воображаемое от реальности, ее присутствие опьяняло его.

Но посмотрев вниз, на расстояние, разделявшее их, он обнаружил проклятый крюк, крюк, которым не сможет ни обнять, ни коснуться девушки так, как это сделал бы по обыкновению. Кто, в конце концов, выберет ощущение холодного металла на своей коже, когда ее могут касаться пальцы любого мужчины, которого она пожелает.

— И давно ты без нее? — спросила она.

— Недавно. Это случилось после твоего ухода. Несколько нетландовских дней, я думаю. Крюк мне дали только что.

— С ним ты выглядишь действительно, как пират, — отметила Тигровая Лилия, голос слегка охрип.

Джеймс окинул взглядом крюк.

— Да уж, действительно.

Ее волосы задели его лицо, когда она наклонилась разглядеть крюк поближе. Он закрыл глаза и глубоко вдохнул, задерживая воздух в легких. Это всегда причиняло ему сладкую боль, когда она касалась его.

— Болит?

— Вообще-то нет. Уже нет. Я, правда, ничего не чувствую.

Она дотронулась до стали, рука дрогнула, и Джеймс это заметил.

— Ты его не чувствуешь?

Он покачал головой.

— Нет.

— А так? — Тигровая Лилия коснулась его запястья.

Тень недовольства промелькнула на его лице, но быстро исчезла. Он почувствовал, как пульс на ее руке бьется в такт его.

— Да, — прозвучал ответ. По телу пробежала легкая дрожь, в момент, когда она провела ногтями по его руке.

— А здесь. Чувствуешь меня здесь?

Ее рука уже касалась его груди, дыхание Джеймса участилось и стало отрывистым. Тигровая Лилия также странно дышала, на щеках вспыхнул легкий румянец, он ощутил даже, как сильно бьется ее сердце.

— Да, — прошептал Джеймс.

— И здесь? — Тигровая Лилия остановилась, когда их лица почти соприкасались.

Джеймс посмотрел в ее глаза — большие, отражающие немой вопрос, но также и страх. Она боялась его? Или того, что он не ответит на взаимность?

В комнате стояла полнейшая тишина, Тигровая Лилия застыла в ожидании, а Джеймс все еще колебался. Затем, не сдерживая больше себя, а мечтал он об этом вечно, он притянул ее рукой к себе, чтобы слиться в жарком страстном поцелуе.

Она была как нектар, и он хотел испить его до дна своим поцелуем, чувствуя ее каждой частичкой своего тела. Тигровая Лилия запустила руку в его волосы, и тут он растворился в запахе ее волос, вкусе ее поцелуя и прикосновении к ее коже.

Но это закончилось раньше, чем Джеймсу хотелось бы — Тигровая Лилия внезапно дернулась. Он сдвинул брови, в отчаянии пытаясь удержать ее, но та вскрикнула и оттолкнула его сильнее.

— Тигровая Лилия...

И вдруг Джеймс увидел, что его крюк вонзился ей в плечо, и с раны уже капает кровь, и в ужасе отпрянул. Он быстро его вытащил и вскочил, чтобы оторвать полоску ткани с одной из его рубашек для перевязки. Тигровая Лилия схватилась за плечо, крупные капли крови стекали по пальцам и падали ей на ноги, вторая рука сжимала его покрывало. Дыхание было прерывистым, и она с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать. Для Джеймса это был словно удар под дых.

Когда он приложил ткань к ее ране, она сморщилась, это снова причинило ему боль.

— Тигровая Лилия, прости. Я не хотел.

— Я... я знаю — сдавленно прошептала она сквозь зубы.

— Я потерял контроль. Прости. Мне так жаль.

Джеймс был вне себя. Остервенело вытирая кровь с ее руки и пола, он, в который раз, пожелал, чтобы рука снова была на месте. Он коснулся ее щеки левой рукой, в отчаянии пытаясь разглядеть в ее глазах хоть намек на прощение. Но увидел лишь боль, слезы и гримасу сосредоточенности на дыхании.

— Я клянусь, я не хотел.

Она помахала головой, пытаясь высушить слезы.

— Я знаю.

— Тигровая Лилия, прости.

— Джеймс — она положила руку на его плечо. Тот нехотя посмотрел на нее, с болью в

глазах. — Я знаю.

Она встала с кровати.

Волна беспокойства накрыла его.

— Ты уходишь?

— Мне нужно перевязать рану, — ее голос все еще дрожал, а ткань на руке уже стала красной.

— Подожди. Я попрошу Сми посмотреть. Пожалуйста.

— Нет — она решительно махнула головой. — Я возвращаюсь домой. У тебя здесь нет лекаря.

— Тогда позволь мне пойти с тобой — попросил он, хватая ее за руку.

Она выдернула ее обратно.

— Я в порядке, Джеймс. Дай мне уйти.

Он опустил руку.

— Да. Конечно. Иди, — он замолчал, вина, волнение и сожаление затуманили разум.

Тигровая Лилия выскользнула из комнаты, а Джеймс в раздумьях опустился на кровать. Она поцеловала его. Была полностью в его руках, а он все испортил. Наверное, она ненавидит его теперь. Да кто бы не возненавидел, получив удар в спину ни за что? Джеймс вскочил с кровати, сердито взвывая, и хватая себя за волосы. Но затем взял себя в руки и застыл, приняв вид холодного безразличия.

Проклятый крюк. Это Пэн во всем виноват. Тигровая Лилия может больше не прийти, и все из-за Пэна. Теперь для капитана сидеть и ждать, пока мальчишка снова заявится, было недостаточно. Он вскормит самые худшие черты своего характера и станет по-настоящему капитаном пиратского судна. Разыщет Пэна и вскрыет его этим самым крюком. И кто тогда будет проклятым?

Джеймс вышел в холодные сумерки, окидывая взглядом каждого, кто проходил мимо. Наконец, Сми вопросительно остановился перед ним,

— Капитан?

Джеймс вытянул крюк вперед, лунный свет отражался на стали.

— Нет, Сми. Не просто «капитан». Уже не так. Зови меня Капитан Крюк.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Где мы знакомимся с Капитаном Крюком

Глава 21

Капитан Крюк шагал по палубе, и каждое движение было пропитано целеустремленностью.

— Поднять главный парус, — громко приказал он, точно зная уже значение этой команды.

Лапша и Даниэль Тэтчер начали тянуть канат, поднимая парус, а Билл Джукс остановился возле капитана в недоумении.

— Сейчас, сэр? — спросил Джукс, глядя на темные капли, падающие с неба в воду. Ночь наступала, и быстро.

Крюк втянул носом воздух и близко подошел к Джуксу, дыша ему в лицо и прижимая свой крюк к его груди.

— Не задавай мне вопросов, — сердито бросил он и, тяжело ступая, направился к остальным. Джукс прищурился, но смолчал.

Крюк выглянул за борт, всматриваясь в открытое море, за ним выглянул и Старки. Но если Старки выглядел спокойным и собранным, то Крюк был готов пронзить любого, кто осмелится приблизиться к нему.

— Куда мы направляемся, Капитан?

Крюк указал на крошечное судно посреди океана, которое выглядело как пятнышко с их корабля.

— А вы помните, что было в прошлый раз, когда мы натолкнулись на корабль? — спросил Старки и сжал губы.

— Абсолютно, — ответил он, угроза сверкнула в его глазах.

Старки посмотрел на него и слегка покачал головой, что было заметно.

— Есть возражения? — голос Крюка звучал низко и опасно.

Старки заколебался, но все же отступил назад.

— Нет, сэр. Отплываем.

Крюк ухмыльнулся.

— Благодарю за разрешение.

Старки сделал кислую мину, сморщил нос, но пошел помогать остальным готовиться к отплытию.

Нахмурившись, Крюк наблюдал за Старки. Его первый друг двигался по палубе быстро и рассерженно. Его нервные движения были так знакомы. Он видел такое сто раз до этого, в детстве — так вел себя его отец, когда был зол на него.

Заставив себя отвернуться от пирата, чья внешность напоминала ему призрак давно минувших дней, он сосредоточился на темном бушующем море. Испанский Мэйн плыл так быстро, как никогда прежде, словно летел по воде. Крюк властно шагал взад и вперед, пристально вглядываясь в горизонт с едва сдерживаемой яростью в глазах.

— Выгаскивайте Длинного Тома — сказал он, презрительно улыбаясь.

Сми, который занимал себя в это время бессмысленной работой по кораблю, остановился, челюсть отвисла.

— Вы серьезно, капитан?

Крюк обернулся, глаза сверкали. Он убеждал себя снова и снова, что его решение было правильным, и не было продиктовано безумием, и что он был рожден для этой роли.

— Ну почему сегодня каждый считает необходимым переспрашивать?

Сми отступил и засуетился около большой, но слегка потрепанной, пушки корабля.

Расстояние между ними и неизвестным кораблем быстро сокращалось, Крюк сжал губы в напряжении. Пэн привел еще один корабль в море Нетландии, этот был таким же, как и все остальные, которые он встречал прежде. Отличался он лишь своим ярко красным флагом. Обладая могущественной способностью воплотить мир Нетландии в реальность, Питер мог также безжалостно реализовывать фантазии остальных, попавших сюда.

Не давая шанса другому кораблю выстрелить, Крюк отдал приказ. Громкий залп нарушил тишину, Дерево треснуло, и во вражеском корабле зияла теперь огромная дыра. Крюк вытащил свой меч.

— Пираты, вытаскивайте свои мечи и пистолеты!

Команда послушно вооружилась. Затем, с яростью, которую никто из них прежде не видывал, Крюк заставил себя перепрыгнуть на другой борт. Пираты последовали за ним, и началась ожесточенная драка. Выстрелы и лязг мечей сотрясали воздух, брызги крови оршали старую деревянную палубу.

Все это время Крюк рвался вперед, заговорщически улыбаясь своему новому другу Даниэлю Тэтчеру, который ловко управлялся с оружием. Его шляпа, камзол, прическа чудом держались на нем, и, добравшись до капитана, который едва был похож на мужчину, не говоря уже о пирате, Крюк остановился перед ним. Мужик был большим и вонял протухшим мясом, к тому же покрыт таким слоем сажи, отмыть которую даже пара ванн не смогла бы. Оба стояли, словно в тишине, несмотря на окружающий их хаос. Противник уставился на Крюка и его руку, ноздри раздувались, рот приоткрылся, показав гнилые желтые зубы.

— Не желаете ли отдать свой корабль!?

Крюк все же решил у него спросить, считая это хорошими манерами.

— Не желаю — прошипел капитан.

— Тем хуже для вас, потому что я намерен забрать его.

В груди противника что-то заклокотало, и он с криком бросился на Крюка, размахивая громадным мечом. Тот лишь улыбнулся, выступил навстречу и скрестил с ним свой меч, довольный, что может управляться левой рукой. Лезвия звенели снова и снова, пока Крюк не махнул своей блестящей железкой. Это было не так легко, как он предполагал, ее вес потянул его вниз по инерции, где она благополучно застряла в досках. Крюк дернул раз, другой, третий. От усилий его глаза расширились, пульс зашкаливал, пот выступил на лбу. Он дернул еще сильнее, отчаяние уже полностью охватило его. Тот капитан уже бежал на него, и тут Крюк наконец-то освободился, как раз за секунду до удара.

И так вышло, что выдергивая свой крюк, он ненароком черкнул по шее противника. Кровь брызнула во все стороны из артерии, маленькие капельки усеяли лицо Крюка. Он сморщился, и сделал шаг назад, вытирая их с себя. Не моргнув и глазом, он тут же притворился, что удар был умышленным.

Он был само спокойствие, безразличный к жуткому убийству, по крайней мере, так он себя убеждал. Хотя в реальности внутри назревало мгновенное и глубокое раскаяние, что проявлялось в отвратительном ощущении тошноты в желудке. Но снаружи он выглядел как бездушный капитан. Он стал над поверженным врагом и закричал на весь корабль:

— Эй, народ!

Потасовка затихла.

— Корабль наш!

Несколько грязных мужиков, оставленных в покое его командой, стояли, растерянно моргая, другие сидели с опущенными головами, уставшие и окровавленные. Товарищи Крюка радостно воскликнули и разбежались грабить корабль, хватая золото, оружие и драгоценные камни всех цветов, которые только можно представить.

— Вы! — обратился он к выжившим. — Вы переплывете море на этом жалком корыте, и расскажете всем про меня.

— Как тебя зовут? — в ярости спросил один коротышка. Он был бледен и весь в крови.

— Меня зовут Капитан Крюк.

Крюк гордо поднял голову, как вдруг услышал странный звук, снова этот тик-так, тик-так, тик-так. Он не слышал его с тех пор, как Пэн скормил его руку крокодилу. Подошел к краю корабля, сердце выскакивало из груди, пульс бился в ушах, и наконец, он перестал уже различать, где стук его сердца, а где часов. Крюк тотчас же отступил назад, пробираясь к середине палубы, рука дрожала и он крепко зажал полу камзола. Там, внизу, он увидел лишь тень и глаза, выглядывающие из-под воды.

Те глаза, холодные, голодные глаза, казалось, смотрели прямо на него, выпрашивая еще один кусок. Он сглотнул, хотя мог поклясться, что весь его рот был покрыт пылью. Дрожа, он развернулся, чтобы покинуть этот корабль, вернуться на безопасный Испанский Мэйн. Добежав до своей каюты, он прислонился к двери и закрыл глаза, пытаясь забыть увиденное. Его команда последовала за ним, неся в руках награбленные сокровища.

Один из членов его команды, Крюк не знал кто, медленно уводил его корабль от вражеского судна, и Крюк повернул ручку на двери его каюты, так как ему отчаянно было необходимо очутиться в своей каюте, в своей постели, под одеялами.

Но, когда он приблизился к своей постели, не раньше, чем он успел сесть и снять свои сапоги, он услышал сильный стук в дверь. Не обратив на него внимание, снял шляпу с курткой. Стук раздался опять, и тьма залила лицо Джеймса.

— Войдите, сказал он, понизив голос.

Старки вошел в каюту, и Крюк нахмурился.

— Капитан.

— Старки, — сказал Крюк, даже не пытаясь скрыть свою неприязнь из-за появления другого человека.

Старки не выглядел испуганным, или даже смущенным. Крюку стало немного не по себе от его взгляда. Однако он выпятил грудь вперед.

— Чего приперся? И почему не празднуешь с остальными?

— А почему вы не с нами? — голос Старки звучал ровно. Он выжидающе смотрел на него, в глазах читалось явное неодобрение.

Крюк сжал челюсть и заскрежетал зубами, он снова почувствовал себя маленьким, как бывало и ранее, под его внимательным взглядом. Но встряхнул головой в смятении, надеясь, что не выдал своих чувств.

— Да кто ты такой, чтобы указывать мне? — парировал он, отступая и хмурясь.

— Мое положение здесь не имеет значения, Капитан Крюк.

Крюк снова напряженно встряхнул головой, словно это могло избавить его от воспоминаний детства. Лицо его окаменело, ноздри пылали.

— Да неужели?

— Я не имею в виду неуважение или неповиновение. Но я обязан сказать вам, что если будете вести себя так, то потеряете Испанский Мэйн.

— Как это понимать? — Крюк пытался сохранить превосходство в разговоре, но с разочарованием понимал все, что говорил ему Старки.

Старки выпрямился, складки на лбу стали еще глубже.

— Капитан, с тех пор как вы попали на этот корабль, вы большую часть этого времени прячетесь от нас и избегаете. И вот, как только я поверил в вас, капитана, который может руководить и брать ответственность, вы возвращаетесь снова сюда, в то время когда мы там празднуем.

— Какое твое дело, как именно я праздную победу?

— Потому что, я чувствую, что вы изменились, и знаю, что вы планируете нападать и грабить каждое судно в этом море. Но нам не нужны враги по всей Нетландии, если у нас не будет капитана, готового взять на себя ответственность.

Крюк встал с кровати, преодолевая расстояние между ними, усталость и гнев смешались в его голосе.

— Ты собираешься тут указывать мне, как именно я должен управлять своим собственным кораблем? Напекаешь, что мое поведение не соответствует должности капитана?

— Не намекаю, сэр. Говорю, — сказал он, дернув носом, чем снова вызвал образ отца. Крюк слегка побледнел. Но взяв себя в руки, в ярости выставил крюк перед лицом Старки.

— Да как ты смеешь. Мне следует вскрыть твои кишки на месте.

Старки не отступил, не сник и даже не поморщился. Он стоял, даже не моргая, и будучи немного выше и шире Крюка, смотрел на него свысока.

Крюка уже трясло от злости и, если уже быть честным, от страха.

— Я не собираюсь поддерживать людей, которые обращаются к своему капитану в таком тоне.

— Тогда будьте капитаном, сэр.

Старки развернулся, подставляя спину под возможный удар крюком, и направился к двери. Хотя у Крюка даже и мысли не было вонзить в него сталь, он просто сделал вид. И он не собирался останавливать Старки и угрожать ему расправой, но в конце передумал. Он сел обратно на кровать и тихо и отстраненно позвал.

— Старки?

Тот остановился и перед тем как открыть дверь, обернулся.

— Капитан?

— Больше никогда не говори со мной в таком тоне.

Старки кивнул и вышел.

Некоторое время Крюк тихо сидел в раздумии, хлопая глазами. Старки был неправ. Не прав. Он повторял себе это снова и снова, так же как делал это в детстве, когда его ругали, независимо от того виноват он был или нет. Ему ненавистно было чувствовать себя так в присутствии своего первого друга — быть маленьким уязвимым ребенком. **НО ВЕДЬ ОН САМ ПОЗВОЛЯЛ СТАРКИ ПОСТУПАТЬ ТАК, РАЗВЕ НЕТ?**

И как бы он это не отрицал, возможно, Старки был прав. Возможно, чтобы стать настоящим Крюком, стать по-настоящему ПЛОХИМ, капитанствуя на Испанском Мэйне, ему недостаточно нападать, грабить и убивать. И хотя чем больше он это отрицал, в самых далеких и темных уголках его души, он хотел, чтобы Старки оказался прав и был доволен им.

Он слегка взмахнул крюком, ощущая его тяжесть, и засмотрелся на железо, заметив на нем запекшуюся кровь. Кровь уже нескольких человек. Отвратительное чувство вины

охватило его, и не только за убийство людей, а и за отказ принять командование, что было его обязанностью. Крюк позволил этому чувству взять верх над ним ненадолго, пока тишина не стала давить на него сильнее, чем шум снаружи. Он снова натянул сапоги, надел камзол и шляпу. Затем вытащил салфетку и начистил крюк до блеска.

Открыл дверь своей каюты и ступил на палубу. Пары алкоголя витали в воздухе, пираты смеялись, пировали и ловко подбрасывали награбленные сокровища в воздух. Увидев капитана, все затихли.

Он выдержал небольшую паузу, прежде чем обратиться к ним.

— Пираты — сказал он, и снова сделал паузу, так как не любил толкать речь. Затем улыбнулся, что было редкостью. — Плесните мне рома.

Под радостные возгласы он присоединился к ним, отметив едва заметный кивок и улыбку от Старки. Сильно опьяневший Даниэль Тэтчер споткнулся на него, с другой стороны он получил толчок от Билла Джукса. Их оглушительный смех заставил Крюка тоже усмехнуться.

— Поздравляю, Капитан Крюк, вы сегодня одержали победу — сказал Даниэль.

— Мы одержали победу, Тэтчер. — Он взял запечатанную бутылкупряного алкоголя и с размаху крюком отбил горлышко. Запрокинул назад и позволил обжигающей жидкости литься в горло, наслаждаясь вкусом. Все продолжили пировать, и лишь Сми посмеивался и попивал со своего кубка. Музыка, танцы и ром на какое-то время заполнили болезненную пустоту внутри.

Наступила ночь, Крюк продолжал веселиться вместе со всеми, даже с Джуксом и Старки, поочередно чокаясь с ними. Он танцевал, спотыкался и ругал выпивку, теряясь в пространстве, пока полуночная тишина не охватила Нетландию, и все вокруг стало спокойным.

Не спали лишь Крюк, Джукс и Флинтвайс, расположившись на кубрике. Крюк вытянулся на старом стуле, скрестив ноги в сапогах на другом стуле. Флинтвайс сидел справа возле руля, а Джукс между ними, замыкая пьяный треугольник

— Тебе ведь нравится та индианка? — спросил Флинтвайс, небрежно повернув свою тощую шею к Крюку и приподняв бровь.

Крюк сделал еще один глоток с бутылки, что держал в руке. В этом состоянии он едва мог уловить разницу между вином и ромом, но он был уверен, что выпивка была древней.

— Ты ее видел?

Он даже не удивился. В трезвом состоянии, реакция была бы другой.

— Ну конечно, Кэп. Все видели. Тоже мне тайна, — ответил Флинтвайс с отрывкой. Джукс рассмеялся.

— Возможно, — сказал Крюк, допивая бутылку и доставая следующую.

— Я когда-то тоже влюбился. — Голос Флинтвайса надломился, и он прислонился к рулю, повернув его влево, и тут же вернув его в обратное положение, практически упав на пол.

Джукс добродушно разразился хохотом.

— Ты? Когда это?

— Да давно. В русалку.

Джукс снова рассмеялся, и Крюк дал ему легкого подзатыльника.

— Русалку? — Джукс сплюнул, задыхаясь от смеха и делая еще один глоток рома. — Ну, если то была любовь, значит, мы все прокляты!

Он заговорщически посмотрел на капитана, тот усмехнулся в ответ.

Флинтвайс постоял в раздумии, затем тяжело опустил плечи.

— Нет, ну, правда. Я любил её.

— Не-а. — сказал Джукс. — Ты просто думал не тем местечком.

Крюк рассмеялся при этих словах. Флинтвайс обхватил себя руками, что только рассмешило их сильнее. Джукс опрокинулся, едва дыша от смеха, и стукнул по палубе.

Флинтвайс тоже рассмеялся и свалился на него, Крюк умудрился подняться со стула и, держась за него, протянул правую руку. Джукс моргнул, но взялся за руку Флинтвайса, и только тогда капитан осознал, что протянул не руку помощи, а крюк.

Он откинулся на стул и уставился в пол.

— Мы пойдем к себе, Капитан, — сказал Джукс, и они оба, спотыкаясь, пошли вниз, к остальным, оставив Крюка наедине с темной ночью.

Крюк обнаружил, что ему довольно грустно быть одному.

Он выпил еще, затем встал и, чувствуя, что пол уходит из-под ног, ухватился за борт. Его крюк вонзился в дерево, и гримаса недовольства исказила его лицо, крик рвался наружу. Сердито взревев, он высвободился и швырнул недопитую бутылку за борт. Вино окрасило воду. Еще одна вещь, которую он открыл и потерял, как и Тигровую Лилию.

Он закрыл глаза и отстегнул крюк, чувствуя его тяжесть в своей руке. Затем уставился в темную зеркальную поверхность моря. Больше всего, в этот момент, ему хотелось отшвырнуть его подальше и позволить ему утонуть в глубине.

Может быть, если бы он это сделал, он проснулся бы со своей рукой, и все было бы как прежде.

Он мрачно рассмеялся и пристегнул его обратно. Уже не будет ничего как прежде.

Крюк собрал недопитые бутылки и улегся на палубе, там, где только что стоял. Если он останется здесь, ему будет не так одиноко. Если он останется здесь, он просто будет последним, кто остался пировать. И если он останется пьяным и будет бодрствовать, то ему не придется спать и видеть сны.

Иногда ему хотелось вернуть способность мечтать.

Было раннее утро, а Крюк все еще оставался пьян. Он шатался по кораблю, словно в тумане, одурманенный от выпитого рома. И, казалось, никого из команды это не волновало, так как определенно было приятнее видеть его улыбающимся и танцующим от выпивки, чем хмурым, грубо отдающим приказы.

Все были трезвы, но ведь никому из них и не надо было этой ночью топить душевную боль в алкоголе до самого утра.

Крюк чувствовал себя необычно, все казалось расплывчатым, но ему понравилось это ощущение, также он понял, что наслаждаться этим ему осталось недолго. Неуверенной походкой он подошел к Сми, который вежливо ему улыбнулся и вопросительно поднял брови.

— Сми, мой кок!

— Да, Капитан.

— Капитан Крюк, Сми. Капитан Крюк!

Он хотел сказать это в грозном тоне, но вышло как-то неразборчиво и перешло в смех, так как случайно срифмовавшиеся слова «кок» и «крюк» развеселили его.

Сми кивнул и отвел взгляд, Крюк приобнял его.

— Сэр, осторожнее. Не хотелось бы, чтобы вы кого-нибудь поранили этим крюком.

Крюк рассмеялся, хотя это было совсем не смешно.

— Ты имеешь в виду, еще кого-нибудь не поранил?

Сми потер щеку.

— Еще кого-нибудь, сэр?

— Я убил уже сотню этой штукой. А проткнул еще больше. — Крюк знал, что преувеличивает и сгущает краски, но в пьяном угаре факты его не волновали. — Я убил самого капитана, а еще поранил Тигровую Лилию

Сми вытаращился на него.

— Тигровую Лилию, сэр? Принцессу индейцев?

— Да без разницы. — Крюк опустил голову, словно провинившееся дитя.

— Капитан Крюк, вы хотите сказать, что воткнули крюк в принцессу?

Крюк закрыл рот и надул щеки, пытаясь всеми силами сдержать смех. Но безуспешно.

— Ну, чуть-чуть — проговорил он, захлебываясь от смеха. В основном, ему не свойственно было так непристойно шутить, но алкоголь делал свое дело. — Всего лишь уколол ее этим.

Сми закатил глаза.

— Ну, зачем вы это сделали?

Его лицо вытянулось.

— Это вышло случайно, Сми. Мне ужасно жаль.

— Она в порядке?

— Ну, конечно. Но она ненавидит меня теперь. Ненавидит, ненавидит, ненавидит.

Сми положил руки ему на плечи, утешая.

— Тише, тише, Капитан. Я уверен, что все не так плохо на самом деле. Почему бы вам не прилечь отдохнуть?

Тот скрестил руки.

— Нет. Я не буду спать.

— Даже капитану пиратов иногда нужен отдых.

Крюк шел за Сми, громко протестуя, все еще в пьяном угаре. Сми открыл перед ним дверь, что бы тот зашел в комнату. Затем подошел к кровати и откинул покрывало, слегка хлопая по матрасу, и уговаривая его вздремнуть, словно Крюк был мальчиком, а Сми его матерью.

— Здесь все и случилось, Сми. — сказал Крюк, сев посреди комнаты на пол, и глядя на кровать, начал перебирать пальцами ворсинки ковра.

Сми сжал губы.

— О, нет.

— Я люблю ее, ты же знаешь.

— Я не знал.

Разговаривая с капитаном, Сми одновременно прибирал и жестами предлагал ему пересесть на кровать. Ведет себя, как дурак, подумал Крюк. Глупый суетливый дурак.

— Я люблю ее, и ни о ком другом больше не могу думать, а этот чертов Пэн отнял у меня руку. Сми, это он виноват, что я поранил ее, — произнес Крюк, вставая и потирая голову.

— Ну, конечно, он.

Сми подтолкнул капитана к кровати, и Крюк нахмурился.

— Это он виноват, — повторил он, встряхивая Сми. — Только он. Тогда почему я здесь? Почему я не ищу его, чтобы покончить с ним?

— Ты не в той форме, чтобы убить Питера Пэна, Капитан.

Капитан выпрямился и вытянул крюк вперед, затем пригладил волосы рукой.

— Достань мой меч, Сми! Сделай это для меня.

Сми замер:

— Не думаю, что тебе следует держать меч в таком состоянии.

Крюк оттолкнул его и вытянул меч, взмахнув лезвием. Сми поднял руки и попятился к двери. Но Крюк даже не заметил замешательство друга, и вышел на палубу.

— Пираты! — прокричал он.

Старки тут же подскочил к нему.

— Капитан? — Он сморщил нос, посмотрев на растрепанную одежду и взлохмаченные волосы капитана. — Вы пролили ром?

Крюк проигнорировал его и уставился остекленевшими глазами на свою команду. Все выглядели какими-то грязными, с покрасневшими глазами, и еле передвигались. Похмелье было нелицеприятным, даже в таком магическом месте, как Нетландия.

— Мы покидаем корабль, — сказал он, поднимая свой меч в воздух.

Старки был единственным среди них, кто не выглядел побитым. Вернее, Старки и Сми, который спешно ретировался в это время в свой кубрик.

Старки подошел поближе к Крюку и понизил голос.

— Капитан, покидать корабль в вашем состоянии не самое мудрое решение.

Но наткнулся на его суровый взгляд и отступил к остальным, покачивая головой и морща нос, как обычно.

— Друзья, мы пойдем и убьем Пэна сами, — произнес Крюк, глаза светились от восторга.

Не услышав одобрительных возгласов, и не увидев вообще никакой реакции команды на

его слова, Крюк повторил:

— Я сказал, «Мы собираемся убить Пэна!»

Пираты переглянулись между собой, затем подняли вверх руки и закричали. От такого шума некоторых передернуло, но Крюк радостно улыбался и, шатаясь, двинулся на берег, по пути промахнулся, сделав неверный шаг в сторону, и со смехом свалился в мокрый песок. Не спеша встав, он вылез на берег и присоединился к своей команде, включая Старки, который преданно семенил следом.

Дойдя до леса, он остановился, посмотрел по сторонам и для уверенности вытянул крюк вперед. Он уже успел позабыть местность, где бродил раньше. Поколебавшись, Крюк вошел в гущу леса, не имея понятия, куда именно идти, но подбадриваемый алкоголем, которым успел основательно поднабраться. Он неуклюже пробирался сквозь деревья, ломая ветки по пути, словно сам не свой. Затем остановился и прислушался.

Невдалеке послышался легкий свист флейты, с которой Пэн часто игрался. Крюк расцвел в улыбке и направился в сторону звука. Деревья мешали, грязь прилипла к ступням, и земля ускользала из-под ног. Внезапно он остановился и поднял крюк вверх, как знак пиратам. Внизу, в долине был Пэн, он прыгал и кружился так быстро, что его очертания сложно было разглядеть. Потерянные были там же. И Крюк, кажется, узнал некоторых — близнецы, Симпкинс, Шалун, Чуточка, но один или два были ему незнакомы.

В обычный день он не совершил бы такого, как сейчас. Не отправился бы в лес без плана. Не заставил бы свою команду следовать за ним. И, определенно, не стал бы выкрикивать имя Пэна, выдавая свое местоположение. Но, Крюк был пьян, так что это был совсем не обычный день.

— Питер Пэн, — выкрикнул он, его голос эхом разнесся по всей долине.

Пэн оглянулся и полетел ему навстречу.

— Капитан Крюк, — воскликнул он, бросая про флейту. — Ты проделал весь этот путь только ради того, чтобы увидеть меня?

— Именно.

Питер скривился.

— А ты воняешь, Крюк.

Пираты позади него закопошились, недовольно перешептываясь, а Крюк прищурился. Это вызвало у Питера смех. Крюк рассвирепел, вытащил свой меч и, взмахнув, уронил его, затем неуклюже нагнулся за ним.

Питер расхохотался еще громче.

— О, а мы сегодня, кажется, не в форме? Поймайте меня, если сможете, старикашки.

Только это капитану и надо было. Пэн полетел вниз к мальчишкам, и Крюк, споткнувшись, покатился по склону следом за ним. Пираты также спускались, размахивая мечами и пистолетами, и крича охрипшими голосами после прошедшей пирушки.

Подбежав к мальчишкам, Крюк начал осматриваться, в бешенстве разыскивая Пэна. Тот, естественно, летал над ними, насмехаясь и выкрикивая разные гадости, которые Крюк толком не мог разобрать. В гневе и отчаянии, он выкрикнул в ответ несколько крепких ругательств, значения которых никто здесь не знал.

Он обернулся налево, направо, меч и крюк ярко сверкнули на солнце при этом. Питер резко приземлился рядом с ним и схватился за крюк.

— Ух, какая прелесть? Новый?

Затем снова радостно взмыл вверх, прихватив его шляпу. Для Крюка все происходило

словно в тумане. В какой-то момент, он даже был уверен, что Питер каким-то образом раздвоился, и не мог найти разумного объяснения двум Пэнам, порхающим вокруг его головы. Наконец, когда Пэн снова стал одним целым, Крюк неуклюже попытался ударить его мечом. Питер увернулся и когда снова подпрыгнул вверх, капитан махнул крюком. Он попал, кровь застыла в жилах, когда он ощутил, как крюк что-то проткнул. Пэн? Но нет, Пэн порхал где-то там, недалеко. Крюк медленно обернулся, чтобы посмотреть в кого или во что вонзился его крюк, и побледнел.

Только сейчас он осознал, что дрался с Потерянными. Он привел своих людей сюда не только ради Пэна. Ярость, вызванная алкоголем, с болью отступила, чтобы он смог четко разглядеть лица своих друзей. Особенно одного. Наилучшего. Боль пронзила желудок, вызывая тошноту.

Биббл. Определенно он. Высокий, неуклюжий и симпатичный. Биббл, ошибки не было. Пусть бы это был кто-нибудь другой. Любой, только не он.

Туман в голове рассеялся, осознание реальности было внезапным, пугающим и ужасным.

Биббл несколько раз моргнул, и посмотрел на свой живот, меч выпал из его руки. Рубашка уже стала красной от крови. Не веря в происходящее, он поднял взгляд на Крюка.

— Джеймс Крюк?

Изо рта мальчишки потекла струйка крови. У Крюка сдавило горло от увиденного. Он аккуратно вытащил крюк из его живота, чувство тошноты усилилось.

— Да, это я, — ответил он еле слышно.

Биббл снова клипнул, Крюк подхватил его за руку, помогая опуститься на землю. У того снова хлынула кровь изо рта, и он сидел, уставившись вперед, не в состоянии сказать что-либо.

— Биббл? — произнес Крюк, заглядывая ему в глаза, с болью и сожалением. — Очень больно, Биббл?

— Где больно?

— Дружище, твой живот.

Отсутствующим взглядом Биббл посмотрел вниз, затем снова на Крюка.

— Что произошло?

Лицо Крюка вытянулось, крик сорвался с губ.

— Прости меня.

— Ты стал старше, Джеймс. — Он с трудом выговаривал слова.

Крюк почти задыхался, слезы обжигали глаза.

— Это потому, что я вырос.

— Джеймс?

— Да?

Биббл с хрипом выдохнул.

— Небо такое смешное.

— Правда? — Крюк всхлипнул в ответ, не желая признаваться ему, что тот умирает.

— Оно уже не такое, как в Нетландии, Джеймс.

— А какое теперь?

— Как дома, — с улыбкой на губах ответил он.

Его тело мягко опустилось на землю. Крюк долго смотрел на него, вина и отрицание происходящего переполняли его, затем перевел взгляд на свои руки — пальцы на одной,

крюк на другой. Алая кровь стекала с крюка, и он с отвращением отцепил его и отшвырнул прочь.

Он убил его. Перед ним лежал Биббл, его друг, его настоящий лучший друг, обессиленный, окровавленный и неподвижный. Крюк поборол желание убежать на край поляны, чтобы вырвать.

Пэн опустил рядом и Крюк отшатнулся. Он боялся, что если посмотрит ему в лицо, то увидит себя в нем. Он убил ребенка, ведь так? И в чем теперь их различие? Боль снова отозвалась в животе.

— Что это? — спросил Пэн.

Крюк дернулся, положив руку на меч.

— Крюк, что ты наделал?

Крюк отступил на пару шагов назад. Драка утихла.

— Ты его убил? — выкрикнул Пэн.

Кто-то пронесся мимо Крюка. Боббл подбежал к брату и упал рядом с ним колени.

— Биббл? Биббл? Идет война, Биббл. Просыпайся! — в отчаянии он тряс мертвого мальчика.

— Я — я не хотел, — заикнулся Крюк.

— Ты убил его! — закричал Боббл, Симпкинс кинулся к нему. Боббла всего трясло, он покраснел и забился в истерике.

— Мне жаль — произнес Крюк еле слышно, готовый провалиться под землю под тяжестью собственной грусти и отвращения.

Симпкинс был мрачен и зол. Он взял Биббла за ноги и потащил его прочь, оставляя кровавые следы за собой.

В голове Крюка пронеслась мысль, что раз Симпкинс забрал его, значит, теперь он стал другом близнецов после его ухода. Он тряхнул головой. Какая теперь разница. Что имело значение, так это то, что парни, которых они знал, были либо в печали, либо в ярости, либо мертвы.

Все мальчишки повернулись к Пэну, тот был в полной растерянности. Он парил всего в дюйме над землей, и переводил взгляд с Биббла на бледного, вымазанного в крови Боббла.

— Что ты наделал?

— Ничего, Питер — отрицал Боббл. — С ним все будет хорошо, все будет хорошо, он в порядке...

Питер схватил Боббла за плечи и встряхнул его.

— Он не в порядке, Боббл. — Тот замер, Питер злобно посмотрел на Крюка, затем снова на Боббла. — Он мертв.

Схватившись за кинжал, он угрожающе нацелил его на Крюка, который в свою очередь не выказал ни малейшего сопротивления. На лице Питера отразилось удивление, и он выронил кинжал. Окинув всех взглядом, поднял его и снова направил на Крюка. Он выглядел столь юным... Вернее, все они. Должно быть, это впервые, когда Питер не знал что делать, ощутив утрату, подумал Крюк.

Боббл неподвижно сидел на земле, остальные ребята собрались вокруг него. Питер посмотрел на них и тихим голосом отдал приказ.

— Уходим.

Они пошли за ним, и ни один пират их не тронул. Проходя мимо, Боббл так посмотрел на Крюка, что у того сердце сжалось.

Крюк наблюдал, как они уходили, и мог поклясться, что Боббл и Симпкинс подросли на несколько дюймов. Питер парил рядом с ними, и уже не оставалось сомнений, что он был ниже их. Крюк с болью отвернулся от них, пожалев о том, что увидел. Они начинают взрослеть, а это значит, что скоро у Потерянных будет отсев.

Остальные пираты тоже были озадачены произошедшим. Он подозревал, что никто из них прежде не убивал Потерянного. И ему хотелось бы, чтобы так и было. Питера он с радостью разорвал бы на куски прямо сейчас, даже не раздумывая. Но ребят — никогда. Только не их. Не его друзей.

Они медленно пошли обратно к Мэйну, тихие и протрезвевшие, никто не проронил ни слова по возвращении. Старки больше не рвался в его каюту, когда он снова заперся в ней, скрывшись от остальных и прокручивая в голове снова и снова последние слова Биббла — Как дома.

Терзаемый чувством вины, он гадал, а что если Биббл вернулся домой в Лондон, что возможно, он освободил его, когда убил. У него даже возникла мысль разбить бутылку об стол и порезать вены на руках.

Но он был слишком утомлен, обессилен, взволнован, и плохо соображал. Может быть, он просто преувеличивает. Если смерть была способом вернуться домой, тогда Питер только и делал, что пытался вернуть его обратно в Лондон — а это не может быть правдой, или может?

Нет. Мысли об умирающем парнишке полностью вымотали его, и было непросто решиться покончить с собой.

Так он лежал, размышлял о случившемся, желал выпить вина и повернуть время вспять. Незаметно для себя он уснул. А проснувшись позже, решил не думать больше о доме.

Прошло два или три нетладовских дня, после схватки с Потерянными, как на острове стало пасмурно и холодно. Шторма не предвиделось, но все небо было покрыто тучами. Это был один из тех серо-зеленых дней, в который казалось, что солнце застряло за горизонтом. Оно светило, но не грело, листья на деревьях окрасились в тусклые желтые и красные цвета.

Нетландия словно увядала изнутри, высыхая и приглашая снег, что кружился в воздухе и охлаждал землю. Крюк расхаживал по пляжу туда-сюда, замечая попутно, что песок замерз, вода помутнела, нимфы в море исчезли, а небо стало полностью серым.

— Старки! — позвал он, выдохнув облачко пара.

Тот быстро спустился с корабля и стал перед ним в ожидании.

— Что это? Что здесь происходит? — потребовал он ответа.

— Вы имеете в виду погоду?

Крюк утвердительно кивнул и плотнее закутался в пальто.

— Верно, Капитан. Погода поменялась. Такое происходит, только когда Питер улетает.

Крюк снова посмотрел на небо, тяжелые серые облака медленно двигались по кругу.

— Улетает?

— Да.

По лицу Крюка пробежала тень. Питер улетел. А он застрял здесь, в холоде, в мире, который желает ему смерти. Он содрогнулся, частично от ненависти, частично от тоскливой печали, и отвернулся на миг от Старки. Питер был дома. У него дома. Вероятнее всего, в Кенсингтоне, без фей. И мельком представил, а смог бы Питер увидеть его дом оттуда. Он отдал бы все, чтобы оказаться там, рядом с ним. Но лучше бы без него. Хотя нет, с ним, загнав крюк ему прямо в сердце и убив его, перед тем как зайти в свой дом и поужинать с родителями.

По телу пробежала дрожь, Крюк вдохнул, пытаясь избавиться от чувства злобы, что охватило его и проникло в самое сердце.

Он закрыл глаза.

— Отправился за новыми Потерянными, без сомнения, — сказал он, возвращаясь к теме разговора.

— Скорее всего.

— Как долго его не будет? Неделю, две?

— Эмм, как долго, сэр?

Крюк разочарованно вздохнул и отвернулся от Старки. Чертово место. Каждый раз, когда он упоминал время, самые толковые люди превращались в идиотов; никто понятия не имел, что такое время.

— Не обращай внимания, Старки. Можешь идти.

Старки коснулся своей шляпы и направился обратно к кораблю. Крюк стал расхаживать еще более нервно. Пэн улетел. Ну, естественно. Он чувствовал, как недовольство и бунт острова проникает и в него, и проще было поддаться этому настроению, чем сопротивляться. Улыбнувшись, он зашагал к кораблю. Зайдя в каюту за своим мечом, он вышел обратно, и начал ходить по палубе и размахивать им по сторонам. Увидев это, Сми всплеснул руками и замер, пристально вглядываясь.

Движения согрели Крюка, и он громко рассмеялся.

— Да не волнуйся. Я не выпил ни капли рома.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тот факт, что капитан произнес это четко и внятно, успокоил Сми, и он поковылял дальше. Продолжая улыбаться, Крюк положил локти на борт корабля, задумчиво наблюдая за огромными бирюзовыми льдинами, плавающими по морю. Сделал глубокий вдох. Воздух наконец-то пах воздухом. Не ванилью или пеплом, когда Пэн был напуган, не металлом, как в ночь, когда он убил Биббла. Позже он догадался, что Пэн казнил своих слишком подросших Потерянных — в воздухе чувствовались кровь и железо. Но не сегодня. Сегодня это был обычный влажный соленый воздух, который ветер нес с моря.

Питер улетел. Настал час, когда никто больше не летает, не насмехается и не провоцирует. Раздражение, в котором он постоянно находился, исчезло, и он мог просто сесть и расслабиться.

Он смотрел на океан, как вдруг отступил назад и тряхнул головой. Прищурился, посмотрел снова и позвал Старки.

— Да, Капитан?

— Ты тоже видишь это, вон там?

Он указал на маленький остров в море, недалеко от побережья, которого почему-то никогда прежде не видел. Было в нем что-то не так, словно он был не совсем реальным. Но чем больше он смотрел на него, тем четче видел очертания, ярче цвета и уже за несколько минут ощущения иллюзии исчезло.

— Да, — мечтательная улыбка коснулась губ пирата. — Остров Килхол.

Крюк склонил голову.

— Почему я раньше никогда его не видел?

— Он появляется, только когда Пэн улетает, Капитан, тогда Нетландия показывает свою темную сторону. Это место выпивки и порока.

Крюк улыбнулся, глаза его засияли.

— Выпивки и порока? Звучит, как идеальное место для высадки пиратов на берег.

— Совершенно верно, Капитан.

— Тогда чего мы ждем? Курс на Килхол.

Команда радостно загорланила, а Крюк с нетерпением глянул на остров. Небольшой кутеж это как раз то, что ему сейчас было нужно.

Доплыть до Килхола не заняло много времени, хотя там, на удивление, плавало довольно много льдин. Но отсутствие Питера словно вдохнуло в Крюка новую жизнь, новые силы, и возможно, так же повлияло и на Мэйн. Он стал более быстрым и мощным. Темное дерево так и блестело, как никогда прежде. Все остальное в Нетландии было одинаково бледным и тусклым, и на этом фоне Испанский Мэйн казался живым. Без Пэна Крюк ощущал себя более собранным и сильным, а его кровь живет струилась по венам.

Когда они причалили, он первый сошел с корабля на берег. Здесь было темно, как ночью, хотя море Нетландии и все остальное позади него оставалось светлым. Кажется, на этом острове всегда царила ночь. Но это его вполне устраивало.

Единственное, что не было здесь черным, так это свет в поселке, что горел красным, как уголек, и от этого места веяло дымом и тяжелым запахом. Женщины наряду с мужчинами громко и непристойно смеялись. Здесь было шумно, по сравнению с Мэйном, но весь этот галдеж принес Крюку какое-то странное утешение, которого он не испытывал на главном острове.

Он постоял какую-то минуту, постукивая пальцами по крюку. Это место, казалось было единственным в Нетландии, которое не попало под чары. Здесь кипела жизнь в своем настоящем неприглядном цвете. Мужчины и женщины ходили по слабо освещенным улицам, кто-то грабил витрины, кто-то играл на инструментах (причем ужасно), а кто-то просто напивался.

Команда Крюка тоже вышла на причал, и он радостно улыбнулся.

— Что прикажете делать, Капитан?

Он пожал плечами.

— Все, что хотите.

Пираты бросились врассыпную, с Крюком остались лишь Тэтчер, Сми и Кекко. Не обращая на них внимания, он гордо зашагал по улице, высокий, статный и ужасно элегантный. Когда он проходил мимо, женщины и мужчины тут же наклонялись друг к дружке и перешептывались, не сводя с него глаз. Это заставило его остановиться на миг, но сделав равнодушный вид, он пошел дальше.

— Капитан? — позвал Тэтчер.

— Слушаю.

— Там магазинчик впереди, витрина, кажется, цела.

Крюк посмотрел в направлении, куда указывал Тэтчер. Свет там не горел, дверь была закрыта. Но, несмотря на полумрак, драгоценности в витрине давали яркий отблеск.

— А ты наблюдательный.

— Это ювелирный магазин, Капитан, — продолжил пират. — Полный золота.

— Ну, так иди и возьми.

Сми, Кекко и Тэтчер кинулись выполнять сказанное. Крюк стоял в стороне, скрестив руки на груди и довольно ухмыляясь, наблюдая, как его парни выбивают дверь и заходят внутрь. Через какую-то минуту они вышли с награбленным. Это доставило ему такое удовлетворение, что он рассмеялся. Килхол был раем для пиратов. Ему вдруг захотелось, чтобы Питер умер (в который раз уже), или остался в Лондоне (а вот это было что-то новенькое), чтобы он мог сходить на берег сюда, а не на основном детском острове.

Крюк шел по Килхолу, по привычке разглядывая местность и прохожих, а те с опаской на него озирались. Из-за дыма и копоти, витавших в воздухе, звезд на небе не было видно, запах алкоголя и немых тел достигал даже самых темных и дальних уголков этого места. Острый запах бил в нос, когда он вдыхал, и куда бы он ни шел, повсюду был тяжелый спертый воздух.

Он ускорил шаг, пираты не отставали, лампы на улицах тускло освещали их путь и, мерцая, бросали тени на их лица.

Дойдя до полуразвалившегося и невзрачного маленького деревянного дома, Крюк остановился. Внутри горел свет, частично освещая покосившуюся и полусгнившую вывеску на двери — «Воронье гнездо»

Крюк со скрипом распахнул дверь и вошел, с удовольствием отмечая тишину, что установилась среди посетителей при его появлении. В углу стоял рояль, но никто не играл, а хозяин таверны с поседевшей бородой разливал выпивку в кружки. Крюк направился к нему.

— Что будете? — спросил изрядно подвыпивший хозяин.

В раздумьях, Крюк поднес крюк к лицу, по оставшейся привычке, как если бы у него была рука. Хозяин в удивлении замер.

— Крюк? Ты... Капитан Крюк?

— Да.

Тот немного отшатнулся назад, и это не ускользнуло от внимания Крюка.

— За счет заведения, Капитан, — сказал он, протягивая ему стакан рома.

Крюк поднес кружку к губам и отвернулся от стойки, разглядывая комнату. Из его команды здесь были лишь Джукс и Флинтайс, а в остальном таверна была заполнена незнакомыми людьми. Посетители смотрели на него и перешептывались.

Странно, подумал он. Он совершил не так много морских подвигов, но по нетландовским меркам, кажется, этого было достаточно. Или это, может, потому, что он всегда представлял себя самым свирепым пиратом на море, и здесь это стало реальностью. В любом случае, он не жаловался, это тешило его самолюбие.

Крюк запрокинул голову и допил остатки рома, и, оставаясь возле стойки, заметил в таверне еще несколько человек из своей команды. Пройдя к роялю, он провел крюком по клавишам, те издали глухой звук. Инструмент был слегка расстроен, как он и ожидал. Он мягко нажал крюком еще несколько клавиш и сел за рояль.

Он давно уже не играл. И всегда ненавидел это, как он помнил. Мать заставляла его упражняться изо дня в день, пока однажды у него-таки получилось. Он не был уверен, что сможет сыграть что-то, из-за крюка вместо руки. Как оказалось, наличие обеих рук особенно важно, если берешься играть на каком-либо инструменте.

Первую партию он сыграл медленно и неуклюже. Было непривычно играть всего шестью пальцами (ну если считать крюк за палец). Запинаясь, он сыграл другую спокойную мелодию. И так, он продолжал играть, пока не выровнял более-менее темп. Выходило красиво, по крайней мере, так он думал. С Шопеном Джеймс не всегда ладил, но «Ноктюрн до диез минор» ему удавался. Так что, пират позволил себе отвлечься на мелодию, которую хорошо помнил.

Место для этого было не совсем подходящим, но Крюку было все равно. Он был далеко; запах пота и брожения в баре уступил место запаху дома и Лондона — свежий, чистый и влажный. Он был ребенком, сидевшим в крохотной комнатухе, пальцы перебирали по клавишам старого рояля, в то время как за окном раздавался ночной звон колоколов, причудливо гармонируя. Его мать сидела рядом, спокойная, пахнущая цветами, ее красивые белые пальцы торкались края клавиш, но она не играла, а просто слушала и ласково улыбалась.

Наконец, воспоминание растворилось, и он дошел до конца мелодии, которую так и не освоил. И уже никогда и не сможет. Он открыл глаза и оглядел комнату, грязные и пьяные посетители были словно очарованы.

Стояла полная тишина. Но затем, один из мужчин начал ему хлопать, потом еще несколько, и, наконец, комната наполнилась шумом оваций, предназначавшимся именно ему.

— Крюк! — выкрикнул кто-то. Затем еще один, и еще, пока уже все посетители не стали выкрикивать его имя, хлопать и свистеть. Крюк стоял, стараясь скрыть улыбку, игравшую на губах. Затем отошел к пустому столику, попутно прихватив еще рома.

В углу было темно, уединение и простота обслуживания очень даже устраивали его.

— Капитан Крюк? — послышался томный голос.

— Да.

Он взглянул на женщину поверх своей кружки. Она была красивой и соблазнительной, с приятными формами. С длинными рыжими волосами, ярко зелеными глазами, и полными

губами, что так приятно произнесли его имя.

— Ваша слава идет впереди вас.

— Правда?

Он аккуратно подтолкнул стул, и она села, медленно и вызывающе закинув ногу на ногу.

Она перегнулась через стол.

— Правда. Я слышала, как о вас шептались во всех темных уголках острова.

— А мне не приходилось слышать ваше имя — ответил он, прихлебывая.

— Малена.

Он взял ее руку и поднес к губам. Она даже не покраснела.

— Что привело вас за мой столик, Малена?

— Мне стало интересно, угостите ли вы меня выпивкой?

Он задумался на минуту, а она наклонилась еще ближе к нему. Ее запах был сладким и чересчур вызывающим. Совсем не похожий на Тигровую Лилию. И, может, именно поэтому он принял ее предложение...

С ней было легко общаться, и в особенности приятно смотреть на нее. К своему удивлению, он предпочел побыть с ней, чем оставаться в угрюмом одиночестве.

— Я пью с самим Капитаном Крюком. — Она непристойно хохотнула. — Никто из моих друзей не поверит.

— А моя команда не поверит, что я провожу время с кем-то очаровательным, как вы. — Он ухмыльнулся, и поднял стакан за ее спиной, как знак Джуксу и Флинтвайсу, которые смотрели на них и посмеивались. Его улыбка стала шире и стала похожа на оскал.

Малена улыбнулась в ответ и притворно зевнула.

— Я что-то устала, капитан. — Выкрашенным в темно-красный цвет ногтем она провела по ободку его стакана.

— Жаль, что вам пора уходить.

Хотя ему не особо было жаль, сказал, так, ради приличия. Но ощутил прилив жара, когда она прошептала:

— Здесь встречаются ужасные негодяи. Может, вы проводите меня до моей комнаты?...

Он поставил стакан, и позволил Малене взять себя за руку и пойти за ней наверх. Когда они подошли к двери ее комнаты, она развернулась и прислонилась к ней.

— Мы пришли?

— Да. — Она пристально и смело смотрела ему в глаза, не отводя взгляд ни на миг. — Хочешь войти?

Крюк смутился и начал переминыться с ноги на ногу.

— Я не шлюха — сказала она. — Я живу над таверной.

— Правда?

— Я клянусь. — Она прислонилась к двери сильнее и открыла ее, увлекая Крюка за собой. В комнате витал запах ее духов — сильный, сладкий и чувственный. Закрыв за собой дверь, она застыла в ожидании, освещенная слабым светом свечи. Его пульс участился, он подошел к ней и прикоснулся к ее шее. Жар охватил все его тело, во рту пересохло, и он не мог понять, это от желания или вины.

Видимо и то, и другое, оба чувства были очень сильными.

Ее кожа обжигала его пальцы, он сделал вдох, содрогнувшись. Малена сделала шаг навстречу и положила руку на его грудь, затем медленно стала опускать ее все ниже и ниже. Крюк сжал зубы, а она в ответ улыбнулась. Вместо ее лица он вдруг увидел лицо Тигровой

Лилии, сморгнул и попятился назад. Все это было неправильным.

— Я не могу — воспротивился он огрубевшим голосом.

— Не беспокойся о ней.

Крюк нахмурился.

— О ком?

— О девушке. Любой это поймет, глядя на твое виноватое лицо.

Он отвел взгляд в сторону. Темная гладкая кожа Тигровой Лилии, ее цветочно-дымный запах, ее звонкий голос. Эти вещи имели для него значение. И еще какое.

Но Малена вернула его в реальность, в эту комнату, касаясь его и приговаривая бархатным голосом.

— Ее здесь нет. Только я. Думай обо мне.

Она сняла накидку, оголив плечи и часть груди. Крюк стиснул зубы и напрягся. Она не была и никогда не будет похожей на Тигровую Лилию. Но она была красива, нежна, и стояла здесь, перед ним, приглашая в свою постель. Его дыхание стало прерывистым, и, отодвинув на задний план воспоминание о Тигровой Лилии, он протянул крюк и поддел верхнюю пуговицу ее рубашки, раскрывая вырез. Затем одернул крюк назад, опасаясь повредить ее кожу, как это было с Тигровой Лилией.

Она облизала губы, и, глядя как ее груди вздымаются и опускаются при вдохе, его сердце стало колотиться сильнее, в глазах потемнело. Одного взгляда на ее тело было достаточно, чтобы Крюк сдался. Малена начала срывать с него одежду и Крюк не сопротивлялся, стараясь не замечать, что ее кожа была слишком светлой, запах приторным, а голос льстивым. Когда она его поцеловала, он застонал и поцеловал ее в ответ более страстно. Если бы он мог раствориться в ее поцелуях, то позабыл бы вкус губ Тигровой Лилии.

Она была страстной и чувственной и оцарапала ему спину и плечи, пока он впивался в ее шею и пытался забыться. Это было пустое, бессмысленное ощущение. Ничем не прикрытое, но приятное. Но что бы он ни делал, как бы сильно не старался сконцентрироваться на ощущениях и на женщине под ним, лицо Тигровой Лилии все так же стояло перед глазами. Когда все закончилось, и она уснула голой возле него, Крюк ощутил, что пустоты внутри стало еще больше, чем было. И Тигровая Лилия не выходила у него с головы.

Поскольку Пэн отсутствовал, Испанский Мэйн оставался пришвартованным возле Килхола, где Крюк отдыхал и пировал, позабыв и о Питере и о Тигровой Лилии. Пираты же пили ром, грабили и развлекались с женщинами.

Крюк обнаружил, что его известность в Килхоле сыграла ему на руку. В каждой таверне его ждала бесплатная выпивка и толпы женщин, готовых броситься ему на шею. Поначалу было сложно игнорировать чувство вины, и практически невозможно выкинуть Тигровую Лилию из головы. Но в этом взрослом раю посреди Нетландии становилось все холоднее, и как следствие, его кровать оставалась каждый раз теплой.

Одним утром Крюк проснулся и посмотрел в окно, ночью прошел густой снег. Рядом с ним лежала девушка, чье имя он не помнил, и это его мало заботило. Солнечные лучи радостно проникали через окно и согревали его подушку, это его немного расслабило.

Девушка зашевелилась и повернулась к нему, глаза слипались, волосы взъерошены. Крюк не шелохнулся и продолжал смотреть в окно.

— Капитан? — сонно позвала она.

— Ммм, — отозвался он.

Девушка села, простыня спала с ее груди. Она не обратила на это внимания, и провела рукой по спине Крюка. Он не двигался.

— Ты чем-то расстроен?

— Сегодня потеплело, — ответил он, напрягшись.

Она замерла.

— Похоже на то.

Крюк встал, обернул простынь вокруг талии, подошел к окну и выглянул наружу. Солнце согревало его торс. Снег, что ночью засыпал все вокруг, стремительно таял и ручейками стекал по улицам.

Он облизнул губы и, прищурившись, посмотрел на небо. Знакомый привкус во рту вернулся — небо было ясно голубым.

— Он вернулся, — раздраженно бросил он, срывая с себя простынь и отворачиваясь от окна.

— Питер Пэн?

Крюк натянул на себя одежду, ботинки и решительно вышел из комнаты, позабыв о девушке. Старки и еще несколько человек из его команды уже собрались внизу.

— Капитан...

— Я в курсе, Старки. Пора отчаливать.

Старки кивнул.

— Собери остальных, встретимся на Мэйне, и поторопись. — Если остров исчезает так же быстро, как появляется, у них не так много времени осталось.

— Конечно, сэр.

Крюк целенаправленно устремился к кораблю, вынужденный вернуться, осознавая, что задержавшись на Килхоле на секунду дольше, он рискует исчезнуть вместе с островом, и что он не сможет вернуться в Нетландию, пока Питер вновь не улетит. Он взошел на корабль и остановился, приглаживая рукой спутанные волосы. Это продолжалось дольше, чем обычно, когда они в первый раз приплыли сюда. На его лице уже появилась щетина, и это было хоть

какой-то отметкой времени, что он вырос, с тех пор как попал сюда.

Услышав поблизости знакомый звук часов, он встрепенулся. Крокодил. Проклятый крокодил. Каким образом его занесло сюда, на Килхол?

«Он следовал за тобой», прошептал голос. Крюк инстинктивно отпрянул и отошел поближе к каютам, кровь застыла в жилах, он задрожал и потянулся за мечом.

— Пошевеливайтесь, псы! — закричал он, все мускулы напряглись. — Или я вас всех продырявлю.

Это подействовало, пираты ускорили шаг, а Крюк холодно улыбнулся, маскируя панику, что охватила его тело. Тик-так. Тик-так. Тик-так. Мужчины заходили на корабль один за другим, Крюк отошел от штурвала подальше.

— К главному острову! — вскричал он неуверенно.

Пираты ответили дружным криком согласия и принялись за работу. Оглянувшись посмотреть еще раз на свой собственный кусочек Нетландии, он мельком заметил, как массивная рептилия выглянула из-под воды и хищно улыбнулась, и дрожь охватила полностью его тело, от головы до ног.

Крюк попятился в свою каюту, захлопнул за собой дверь и вскарабкался на кровать. Завернулся во все одеяла с головой и сосредоточился на тепле. Представил на миг, что ему шесть лет и что его отец может зайти в любую минуту и развеять все страхи о чудовищах, прячущихся в тени.

Он держал глаза закрытыми, пока холод не исчез, а мысль, что огромное чудовище плавает сейчас где-то под ними, не исчезла в далеких уголках его разума. Затем он выпрямился и сел, уголок одеяла свесился с плеча, открывая руку, что прятала лицо.

Он обвел взглядом свою пустую каюту и пожалел, что не убедил девушку, любую девушку уплыть с ним. Без кого-то лежащего рядом с ним, он вспомнил, почему избегал этого места последние несколько нетландовских дней. Каюта была полна боли. Он сжал одеяло, косточки на пальцах побелели и скрылись в складках одеяла. Здесь он поцеловал тигровую Лилию. И здесь он все испортил, поранив ее.

Произошедшее встало перед глазами, смутное, но все такое же болезненное, как и тогда. В это время он бы ушел куда-нибудь отвлечься. Но здесь, в море, ему некуда деваться. Он стукнул крюком об край кровати. Она ушла и не вернется, все закончилось.

Он остался в одиночестве, и это разъедало его изнутри.

Тишину вдруг нарушил глухой стук о палубу и грохот, как будто, все пираты наверху разбежались в разные стороны одновременно. Крюк мотнул головой, стряхивая с себя грусть, и быстро встал, разглаживая полы плаща.

Выходя из своей каюты, он столкнулся со Старки, в панике спешащего к нему. Молча, он вышел наружу, взял у Старки бинокль и приложил к глазам.

Вдали он разглядел флаг, развевающийся на ветру. Рисунок на нем заставил его сердце сжаться от испуга. Он знал его достаточно хорошо, как и любой мальчишка из Англии увлекающийся пиратами. Единственный урок истории, который ему запомнился. На флаге был нарисован скелет, держащий копьё в одной руке, острие которого было направлено в кроваво-красное сердце. Во второй он держал кубок. Согласно легенде, бессмертный парень на флаге чокался с самим дьяволом.

Крюк опустил бинокль и посмотрел на Старки. Оба одновременно произнесли «Черная Борода».

Он вспомнил, как рисовал картинки с этим кораблем и вешал их на стену. Иногда он

представлял, что его отец плавает именно на этом корабле в море, даже если это и не укладывалось во временные рамки. Это было невозможно, совсем, так же как и что Черная Борода был здесь на этом судне. Парень был мертв вот уже более двух сотен лет назад. Но в Нетландии могло произойти все что угодно.

— Без сомнения, чья-то дурацкая детская фантазия — проворчал Крюк.

Старки приподнял бровь

— Что вы сказали, Капитан?

— Ничего, Старки. Готовь пушки.

Как только он это сказал, послышался залп и их корабль всколыхнулся. Щепки полетели во все стороны. Крюк от неожиданности подскочил и понадеялся, что это был один из его людей, чрезвычайно подготовленный член его команды, что уже пальнул по вражескому кораблю. Но он не мог уже врать себе. Стреляли по Испанскому Мэйну, и попали. Это вызвало в нем страх, но также и злость. Для Крюка эти чувства всегда шли рука об руку.

Он повернулся и разъяренно уставился на свою команду.

— Стреляйте по ним, бестолочи! Не стойте без дела, или я сам вас перебью! — разошелся он криком.

Под его пристальным взглядом команда начала действовать. Несколько человек кинулось к пушкам, еще несколько схватились за пистолеты. А Крюк и остальные вытащили мечи. Он всегда предпочитал меч, хоть он был не так хорош, как другие виды оружия. Но ему нравилось его изящество.

Пушки продолжали стрелять, уже с обеих сторон, но Крюк не отступал, и даже не замедлил ход. Он просто стоял возле борта корабля, выглядывая в нетерпении дьявола, и гадая, что может скелет на флаге испытывает его.

Оба судна наскренились и мужчины похватались за тросы, чтобы удержаться, прежде чем корабли столкнутся. Джукса подкинуло, в то время как весь Испанский Мэйн содрогнулся от удара, послышался скрежет борта о борт. Крюк сжал зубы, надеясь, что Мэйн не слишком пострадал.

Зато теперь у него был свободный доступ к вражескому кораблю и его капитану. Крюк отступил, лицо было спокойным и не выражало никаких эмоций, и это не было притворством. Пусть этот выскочка придет за ним, за Крюком, которому не требовались устрашающий флаг и раздутая известность. Он был Капитаном Крюком, и этим все сказано.

Черной Бороде и его бандитам потребовалось совсем немного времени, чтобы перебраться на их корабль. Они были настроены агрессивно, и с криками и угрозами запрыгивали на их корабль. Все были крепкого телосложения, на лицах некоторых виднелись татуировки. У одного рот был полон золотых зубов, в носу и на бровях висели толстые серьги. Еще один был невысоким, толстым и грязным, а следующий за ним был около 9 футов ростом.

Но Крюк сосредоточил внимание всего на одном из них. Бросив быстрый взгляд на Черную Бороду, он отвернул рукав камзола, пряча сталь. Затем, заметив, что другой капитан его опознал, приподнял брови, развернулся на месте и не спеша пошел к правому борту корабля.

Черная Борода взревел. Крюк сжал челюсть и коварно ухмыльнулся, заталкивая крюк подальше в рукав. Злобный рев приближался, но он не поворачивался к пирату, и продолжал стоять на месте, вращая меч туда-сюда. И уже в последний момент, когда дыхание Черной Бороды достигло его шеи, он повернулся, отражая удар его сабли своим мечом.

Оба капитана были полными противоположностями. Черная Борода был неуклюж и ужасен, Крюк — же строен и изящен. Один носил необычайно густую, но неопрятную бороду, у другого была лишь слегка видневшаяся щетина, как признак легкой небрежности. Сабля Черной Бороды была устрашающей и тяжелой, меч же Крюка — легким, и довольно красивым.

Крюк сразу заметил разницу в их лезвиях, и когда Черная Борода навалился на него, отколов при ударе кусочек металла от его меча, тот косо ухмыльнулся.

— Что? — прогремел Черная Борода.

— О, ничего. Просто ты совсем не соответствуешь своей громкой репутации.

Они оттолкнулись друг от друга, Черная Борода продолжил наступать, но Крюк легко отражал сильные, но медленные удары.

— Как так?

— Ну, — ответил Крюк, блокируя удар за ударом, и примеряясь самому атаковать, — ты огромен, это очевидно.

— Да я проламывал черепа одним ударом, — проворчал пират, движения уже давались ему с трудом.

Крюк с силой нанес удар, лязг мечей разнесся посреди бушевавшей вокруг них драки. Он надавил на лезвие, так что его лицо оказалось всего в паре сантиметров от его противника.

— Охотно верю. Но это нисколько меня не пугает. Ты сильный, твой меч размером с Нетландию, но меня тебе не достать. У тебя мозгов не больше, чем у скелета на твоём флаге.

Черная Борода взревел, и от этого стал еще более медлительным. Крюк же только выжидал удачного момента.

— Устал? — съязвил он.

Здоровяк лишь пыхтел.

— Никогда.

Крюк улыбнулся и пошел в наступление, ноги почти танцевали в такт движениям меча.

— Ты, малявка, как смеешь бросать мне вызов? — громыхнул пират. — Да я расколю тебя надвое одним махом.

— Я бы заплатил, чтоб увидеть это. И как такой глупец, как ты, может бросать мне вызов? Ты никогда не слышал мое имя?

Крюк собрал всю свою мощь, поднял меч на уровне груди, и со всей силой ударил по мечу другого пирата. В глазах светилась дикая энергия, волосы растрепались, делая его лицо куда более угрожающим, Рукав сполз, солнечный свет отразился на показавшемся крюке. Разбойник внезапно отступил, глаза округлились. Крюк, улыбаясь, выбил ногой меч с его руки. Затем поднял крюк вверх и уставился на противника.

— Я не... Ты, ты...

— Капитан Крюк? Ага. Возможно, ты слышал обо мне.

Злобный огонек промелькнул в его глазах, он натянул рукав обратно и уже намеревался рассечь несчастному пирату грудь, как вдруг на взмахе его остановил тоненький голос.

— Стой! Это не он капитан, а я!

Крюк обернулся и увидел перед собой мальчишку, что не сводил с него глаз, бровь метнулась вверх, в сердце кольнуло что-то до боли знакомое. Лицо маленького мальчишки было усеяно веснушками, темно-русые волосы были пострижены, взгляд был злобным. На вид ему было не более 8 лет, и он был почти смешон, нарядившись капитаном и размахивая

чересчур огромной саблей. Он направил ее на Крюка, острие водило из стороны в сторону, так как худенькие ручонки не могли удержать вес.

Крюк проигнорировал непонятное чувство в желудке и спросил, посмеиваясь,

— Да неужто?

— Да. А теперь отпусти его, — произнес мальчишка довольно звонко и громко для его роста, и прищурил голубые глаза.

— Ты смеешь сомневаться во власти Капитана Крюка?

Ребенок звонко рассмеялся, как смеются все мальчишки его возраста, но посмотрев внимательно на Крюка запнулся, его рот приоткрылся, конец сабли ударился оземь.

— Отец? — сказал мальчик.

Крюк тут же остолбенел. Мальчишка, смотревший на него, больше не был похож на пирата. Перед ним стояла точная копия самого себя.

— Что ты сказал? — произнес Крюк неровным голосом.

— Только то, что ты похож на...

— Договаривай, мальчишка. Или мой крюк закончит за тебя. — Он вытянул вперед свой крюк, и ребенок попятился назад. Угроза была пустой, но на восьмилетнего подействовала.

— Ты похож на моего отца.

Дыхание Крюка участилось, он едва заметил, что звон мечей и выстрелы поутихли. За его спиной Даниэль Тэтчер перерезал кому-то горло. После того, как тот упал, заливая все кровью, Тэтчер просто стал, и выжидательно посмотрел на Крюка и мальчишку. Старки и его противник замерли в схватке. Черная Борода все еще лежал на полу, и один за другим все остальные пираты обеих команд перестали драться.

Воздух накалился до такой степени, что никто этого уже не мог оставить без внимания. Волосы на затылке Крюка стали дыбом.

Крюк сжал зубы, пристально изучая мальчика, всматриваясь в его глаза, такого же голубого цвета, как и его, маленькая полу ухмылка застыла в уголке его рта в ожидании, губы тонкие и выразительные, как и у него. Но это не был он, точнее, не совсем. Его волосы были намного темнее, чем у мальчика, и у того была заметная россыпь веснушек на носу и чуть менее на щеках. Но ровный нос, высокие скулы, глаза цвета васильков — все остальное было одинаковым.

— Как тебя зовут, пират? — спросил капитан, медленно опуская крюк.

— Я Капитан Кровавое Сердце, — похвастался мальчишка, выпячивая вперед маленькую грудь.

Кровавое Сердце. Имя, которое могло прийти в голову только ребенку.

Крюк закатил глаза.

— Нет. Твое настоящее имя.

Он мельком опустил глаза, затем снова зыркнул на Крюка и тяжело выдохнул.

— Мое настоящее имя Тимоти. Тимоти Крюк.

Дыхание перехватило так, что Крюк прикусил язык. Он несколько раз быстро моргнул, как вдруг заметил, что члены обеих команд собрались вокруг них.

— Старки! — крикнул он.

— Да, капитан?

— Выгони оставшуюся кучку этих пиратов обратно на их корабль. Мальчишка пойдет со мной. — Он ухватил Тимоти за руку.

Тимоти вспыхнул от негодования, и свел брови, чтоб выглядеть более храбро и грозно.

— Не смейте уходить без меня, подлецы! Или я вас всех закую в кандалы.

Старки хихикнул, но никто с другой команды не среагировал. Они просто повиновались, медленно и тяжело ступая, уходили на свой корабль. Тимоти остался стоять рядом с Крюком, который старался не смотреть на него. Он открыл дверь в свою каюту и жестом показал ему войти.

Тимоти постарался скрыть свои эмоции. Крюк отметил, что он действительно выглядит, как уменьшенная версия капитана пиратов. Но напыщеннее по одежде, чем он. Его наряд был темно-коричневым и вылинявшим, старая ткань была вся в складках и прилипла к его маленькой груди. Кожаные ремешки пересекались накрест спереди, и в них

торчал пистолет. Ботинки были изношены, шляпа широкополой, но не изящной или вычурной. Простой. И такой же коричневой, как и все остальное.

— Тимоти Крюк?

— Да.

— Ты знаешь, как меня зовут? — спросил он тихим умоляющим голосом, касаясь крюка.

Тимоти гордо улыбнулся и выпятил грудь, а Крюк только сейчас заметил, что у того нет переднего зуба.

— Ну конечно знаю. Ты гроза морей. Капитан Крюк.

— Капитан Джеймс Крюк.

Тимоти нахмурился.

— Джеймс Крюк?

— Верно.

— Странно, — ответил он, глядя в пол, затем снова на Крюка, пристально всматриваясь в его глаза. Крюк гадал, признает ли он в них свои?

— Тебе знакомо это имя?

Он скривил губы и посмотрел на свои ботинки.

— Это странно. Я слышал, как Мама произносила его во сне. И Папа тоже. У меня был брат когда-то. С таким же именем. Но я не видел его, конечно. Он умер до того, как я родился.

Крюк в изумлении смотрел на мальчика, даже не моргая. Голос дрогнул.

— Она до сих пор так делает?

— Что делает? — переспросил Тимоти.

— Говорит во сне?

Тимоти сделал шаг назад, царапая пухленькими маленькими пальцами об стену за ним...

— Что ты имеешь в виду?

Крюк вдохнул, содрогнувшись, и присел на кровать.

— Я не твой отец, Тимоти.

— Ну, понятно, что нет, — сказал Тимоти, закатывая глаза и скреживая руки перед ним. — Я же не идиот.

— Я твой брат.

Он был поражен и отнесся к сказанному с большим недоверием.

— Ты — Ты не мой брат. Ты Капитан Крюк.

— Я и тот, и другой одновременно.

— Ты умер.

Крюк уселся удобней на кровати, и скрестил ноги, закинув одну из них на колено. Подпер щеку рукой и внимательно, с сопереживанием, посмотрел на своего брата.

— Это справедливо утверждение, но мое присутствие опровергает это.

Мальчик начал отступать назад, пока не наткнулся на ярко позолоченный с красной обивкой стул. Он сел, и на огромном сидении стал выглядеть еще меньше, чем был.

— Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

— Я никогда не лгу. — Крюк поднял взгляд вверх, на гладкий деревянный потолок своей комнаты, и позволил себе, впервые за все проведенное здесь время, погрузиться в воспоминания. — Твой отец, — произнес он, — он моряк. Когда он возвращается домой, он

выглядит, как я, только с карими глазами и без этого наряда. Пахнет океаном. А твоя мать, она любит музыку, иногда даже больше, чем тебя, как тебе кажется. Но это так, потому что когда она поет, ты можешь чувствовать это своей душой. А когда готовит — своим желудком, но это не предчувствие. Это страх. Она всегда плохо готовила.

Лицо Тимоти побелело, рот приоткрылся, он пожимал свои руки снова и снова.

— Откуда ты это знаешь?

— Я твой брат, Тимоти. Клянусь Испанским Мэйном.

— Ты выдумка, моя фантазия.

— Ты меня оскорбляешь. — Крюк выпрямился и приподнял бровь.

Выражение лица Тимоти стало довольно высокомерным.

— Нет, как раз это ты и есть. Это всего лишь сон. Я всегда вижу сны ночью. Ну, не совсем сон. Скорее пограничное состояние, между сном и явью. И вот ты здесь. Ты знаешь все эти мелочи, потому что я их знаю, так что если бы ты мне приснился, ты бы все знал. Так же как мне приснились Черная Борода, мои пираты и мой корабль.

— Ишь, какой находчивый, — улыбнулся Крюк. Было необычно узнавать себя в лице мальчика. — Но раз ты уже здесь, ты мог бы немного развлечь меня. Редко у какого мальчика появляется возможность поболтать с самим Капитаном Крюком.

Это, кажется, заинтересовало Тимоти, он пододвинулся немного назад к спинке стула, чтобы удобнее сесть и скрестил ноги.

— Ладно, выдумка. Задавай свои вопросы.

Крюк призадумался.

— И советую поторопиться, пират. Я могу проснуться в любой момент.

Поведение мальчишки рассмешило Крюка, но он сдержал смех.

— Мать и отец, как они поживают?

— Неплохо, — ответил он, небрежно ковыряясь в ногтях, словно здесь не происходило ничего ненормального. — Мать не высыпается, но она всегда такая. А отец всегда в плавании в море, ты сам знаешь. Роза еще маленькая и надоедливая.

— Роза?

— Моя сестра. Ужасно вредная.

— У меня есть сестра... — Крюк отстранился, глядя в пустоту, и стараясь сдерживать нарастающую зависть в себе. Было бы нечестно злиться на родителей за то, что они заменили его кем-то. Естественно, они это сделали. Они думали, что он умер, что еще им оставалось делать? Но какие бы доводы он не придумывал, ему так и не удалось притупить боль. Его семья создала новую семью. А он никем их не заменит. — Они вспоминают обо мне? — спросил он, чувствуя неловкость за свой охрипший голос.

Тимоти пожал плечами.

— Иногда. Редко. От этого мать становится грустной, а отец сердится. Они вспоминают о тебе, когда мать садится за пианино. Говорит, что ты играл в тысячу раз лучше нее.

Крюк заулыбался. Она была права.

— Ну а ты, мальчишка? Как насчет тебя?

— Что насчет меня?

— Что ты любишь? Что умеешь делать?

Он призадумался на какое-то время, лицо стало серьезным. Это вопросу Крюка он придавал большее значение, чем остальным. Это было очевидно.

— Ну, ученик из меня плохой. Отец думает, что у меня нет никаких шансов поступить в

Итон.

Крюк закусил щеку. Он давно не вспоминал об этом месте.

— Но это все равно не важно, — сказал Тимоти, тряхнув головой. — Я не хочу вырасти и быть студентом Итона.

— А кем ты хочешь быть?

— Пиратом.

Услышав это, Крюка охватило знакомое чувство грусти, живот сжался, и он отвел взгляд в сторону.

— Я бы хотел стать пиратом, которого все боятся так же, как тебя, Капитан Джеймс Крюк. — В голосе звучали восхищение и наивное волнение, глаза сияли, когда Крюк снова посмотрел на него.

— У тебя хорошо получается, — кивнул ему Крюк. — Твоя команда тебя уважает.

Тимоти спрыгнул со стула и приподнял подбородок, краем глаза осматривая вещи Крюка.

— Это правда, так ведь? Они боятся меня.

— Похоже на то.

— Я второй самый грозный пират в море, ты же знаешь, — сказал он, скрещивая руки на груди. И повернулся, что бы посмотреть на Крюка. — Второй после тебя.

Уголок губ Крюка приподнялся.

— Не сомневаюсь.

Несмотря на то, что он его почти не знал, Крюк чувствовал большое сходство между ними; связи родства были способны сгладить любое различие в поведении или реальности. Так, его грозная репутация была бессильна против чувства непривычной доброжелательности.

— Когда-нибудь, — сказал мальчонка, вытаскивая свой маленький меч из ножен, — меня будут бояться даже больше, чем тебя.

— Ну, не знаю. Мою персону будет сложно затмить. — Крюк выпрямился и поправил шляпу.

— А ты когда-нибудь грабил? — спросил Тимоти, щеки вспыхнули и порозовели, глаза засветились.

— Много раз.

— Целовался с девушкой?

Вопрос мальчика немного озадачил Крюка, но он все же ответил.

— Более, чем.

Тимоти замер.

— Убивал человека?

Он напрягся, но ответил.

— Сотни раз. — Это было преувеличение, но мальчонка не заметит разницы.

— А мальчика? Ты когда-нибудь убивал мальчика?

Крюк отвел взгляд, игнорируя приступ боли в животе, и уставился в пустоту.

— Одного.

Тимоти отпрянул.

— А кого? Вечного?

Крюк помрачнел и пристально посмотрел Тимоти в лицо.

— Ты о Питере Пэне?

— Да.

— Я не хочу говорить о Питере Пэне.

Тимоти продолжал болтать, слова вылетали одно за другим.

— Они говорят, что он твой заклятый враг, единственный, кого ты никогда не сможешь одолеть.

Крюк хлопнул рукой по столу.

— Я не хочу говорить о Питере Пэне.

Тимоти вздрогнул и кивнул в знак согласия, затем подошел к капитану.

— Можно посмотреть?

— На что?

— На твой крюк.

Крюк отстегнул манжет и протянул его Тимоти. Брат сперва смешался, увидев обрубок. Это было зрелище не для слабонервных, и определенно сложно отвести взгляд, если восьмилетнему показывают жестокость. Крюк не спрятал руку и позволил ему взглянуть.

Он смотрел на Тимоти, пораженный его юностью. Неужели он находится здесь всего восемь лет? Он закусил щеку. Казалось, прошло намного больше времени. Даже по лицу было видно, что он старше не на восемь лет. Может, десять. Одиннадцать. Он быстро заморгал, стараясь подавить внезапное сильное чувство обиды, что его обокрали. Отняли брата, сестру, годы жизни.

Насмотревшись, Тимоти протянул руку за крюком, и Крюк вздрогнул, очнувшись от мыслей, когда мальчик коснулся его.

Тимоти засиял и поднял крюк вверх над головой. Затем начал прыгать и танцевать по комнате, выкрикивая разные пиратские словечки и размахивая своим маленьким мечом и тяжелым крюком.

Крюк прислонился к стене и наблюдал за ним, испытывая боль и умиротворение одновременно. Как давно он вел себя также? Скакал, смеялся, мечтал стать пиратом? Вечность. Это было вечность назад.

Тимоти, наконец, успокоился, подошел к капитану и протянул крюк. Джеймс забрал и прикрепил обратно к руке, было уже некомфортно чувствовать себя без него.

— Я думаю, что скоро вернусь домой, — сказал Тимоти, не боясь смотреть Крюку в глаза.

— Да, ты выглядишь немного уставшим.

— Ну, мне нужно проснуться, чтобы пойти в школу, ты же знаешь.

— Конечно. — Крюк кивнул и задумался, мог ли Тимоти увидеть грусть, заполнившую каждую клеточку его тела.

— Это был хороший сон, — улыбнулся Тимоти.

— Согласен.

— Капитан?

— Да?

Тимоти колебался.

— Ты действительно настоящий мой брат?

Крюк с печалью посмотрел на своего брата, уголки губ опустились.

— Я же говорил тебе, мальчик, я не лгу.

Тимоти сделал несколько шагов навстречу, посмотрел на уставшее лицо Крюка и закусил нижнюю губу.

— Я ужасно рад, что встретил тебя. Ты даже лучше, чем я себе представлял.

Крюк улыбнулся.

— Взаимно.

Тимоти зевнул.

— Мне пора уже.

Крюк прошел к двери и толкнул ее, открывая, Тимоти шел за ним. На проходе Тимоти остановился.

— В чем дело? — настороженно спросил Крюк.

— Если ты действительно мой брат...

Он вытянул свои маленькие ручки и простодушно, без смущения обнял его. Крюк положил руку на его голову и всхлипнул. Объятие ослабло.

— Возвращайся на свой корабль, капитан, — произнес Крюк.

Тимоти радостно ему улыбнулся, пригладил волосы и пошел к своему кораблю.

Подошел Старки.

— Он ведь не перейдет обратно, сэр?

Крюк вздохнул, наблюдая, как его брат уходит.

— Нет, Старки. Я не буду убивать детей.

Тимоти Крюк и его корабль мечты медленно растворялись вдали, Тимоти вернется в Лондон, а Испанский Мэйн обратно на берег.

Джеймс Крюк ходил по палубе Испанского Мэйна туда-сюда, бормоча что-то под нос. В последнее время он часто так делал, так как, с тех пор, как он вернулся к берегам Нетландии, неудачи преследовали его одна за другой. И большая часть этих бед, что не удивительно, происходила из-за Питера Пэна.

Через пару недель после того, как они покинули Килхаул, Крюк потерял партию пиратов. Увлеченность Питера пиратами и мечтателями помогла ему в этом вопросе, пополняя его экипаж, поскольку новые пираты время от времени появлялись, но, тем не менее, это было неприятно. Питер прятался ночью на борту корабля Крюка, а утром другого члена экипажа находили где-то мертвым. Это ужасно расстраивало, и обычно приводило к тому, что Крюк терял время и сон. Все это под бесконечным натиском мыслей о его брате, мучающих ночами, надеясь увидеть его снова, думая, не принесет ли его Роуз. Интересно, поскольку Тимоти явно Мечтатель, что Пэн собирался делать дальше, после Тимоти. Крюк так и не увидел больше своего брата. Он просто потерял сон.

Его волосы были длинными и взъерошенными, а под глазами были темные круги. К счастью, это отвлекало внимание от разросшейся растительности на его подбородке и над губой. Ему отчаянно хотелось спать, но это была роскошь, которую ему вряд ли доступна. Поэтому он ходил взад и вперед, взбешенный, как в клетке на Испанском Мэйне. После этого было выполнено значительное количество ничего, прежде чем решился на короткий отпуск из тюрьмы.

Он остановился возле рубки и позвал,

— Старки!

— Слушаю, капитан. — Старки очутился рядом в мгновение ока.

— Я собираюсь покинуть корабль ненадолго.

Лицо Старки слегка побледнело, но он не выказал протеста.

— Да, капитан.

Крюк прислонился к борту корабля и начал всматриваться в море, постукивая крюком по дереву. Старки колебался, и это понятно. Покидать корабль на любой промежуток времени, учитывая обстоятельства, было ужасно безответственно.

— Думаешь, это неразумно? — спросил Крюк, глядя на Старки.

Тот вздохнул.

— Капитан, нас атакуют со всех сторон. Если Пэн заявится сюда, и вас не будет с нами, тогда, боюсь даже представить, что случится...

Крюк некоторое время размышлял над этой мыслью, уставившись в глубину моря. Это было то, с чем он боролся несколько дней. Как мог он, капитан этого судна, взять отпуск, когда они находились под страхом постоянной атаки? Это было глупо и эгоистично, но нервы его быстро поистрепались. Он почти не ел последние несколько дней и не причесывал волосы.

Постукивая по борту крюком, он раздумывал.

— Пэн обычно по вечерам не атакует.

— Это правда, сэр. Он ждет, когда наступит полночь, чтобы потом убить тех, кто на посту.

Крюк поднял голову и уставился на Старки.

— А будет ли это чересчур не по-капитански, покинуть корабль всего на чуть-чуть?

Крюк знал, конечно, наперед, что Старки ответит, и что это будет расходиться с его собственным мнением. Но он все же спросил, горячо желая, чтобы кто-нибудь одобрил его уход, неважно насколько фальшиво звучало бы это согласие...

Старки открыл и закрыл рот, оборвав себя на полуслове. Затем коротко ответил,

— Конечно, нет, сэр.

Крюк снова оглянулся на темно синие волны, и склонил голову, положив ее на локоть. Плечи его опустились, и он наклонился туда довольно сильно, тихий, совершенно измученный.

— Не смейся надо мной, — сказал он, приглушая звук руками. — Если бы я ушел, я был бы дураком капитаном. Ты знаешь это так же хорошо, как я.

— Ну, только посмотрите на себя. Вы выглядите, как полупризрак, блуждая здесь ночами. Так какой же из вас капитан в этом состоянии?

Крюк выпрямился, цепляясь за слова Старки, однако покровительство укоренилось в нем. В одно мгновение его глаза казались чуть менее опухшими, а цвет его кожи стал менее бледным.

— Я не уверен в этом. — Хотя, сказал он это, уже медленно направляясь к выходу корабля.

— Идите, капитан. Я присмотрю здесь пока за всем.

— Я ненадолго.

Старки заколебался, и непроизвольно потянулся к пистолету и сжал рукоять.

— Вы ведь вернетесь до наступления темноты?

— Ну, конечно.

Не позволяя себе передумать, Крюк вышел из лодки, задержавшись на мгновение, чтобы ощутить песок у его ботинок. Нежный ветер прошелестел сквозь пространство между спиной и курткой, но было не холодно, и это утешало. Лес был зеленым и прекрасным, и на этот раз полностью дружелюбным. И маленькие нимфы вернулись к освещению моря, одно из немногих преимуществ того, что Питер вернулся в Неверленд — погода и сам остров.

Он позволил своим ногам привести его туда, куда они хотели, не обращая внимания на маршрут.

Джеймс шел довольно долго, гораздо дальше, чем предполагал. Когда он остановился, перед ним была река, ленточки красного, оранжевого и голубого булькали и переливались по камням. Это была река, обозначающая границу индийских земель. Тигровая Лилия.

— Джеймс Крюк? — Раздался сладкий голос со стороны реки.

Он подавился.

— Тигровая Лилия?

Она легко перепрыгнула через ручей, и встала перед ним. Она выглядела более мускулистой, чем помнилось, ее длинное, угловатое лицо выглядело немного старше, но это вполне могли быть тени на лице; ее глаза бросали в него взгляды-кинжалы. Ее кулаки сжались по бокам, и она практически дрожала всем телом. Крюк был вынужден сделать шаг назад.

— Где ты был?

Он нахмурился.

— Я? А что? Разве ты меня искала?

Ее брови взлетели вверх, и она издала звук, который звучал, как смех, но почти

наверняка не был им.

— Конечно, искала.

Крюк заскрежетал зубами.

— Я не понимаю.

— Ну, ты в хорошей компании.

Тигровая Лилия скрестила руки на груди, и Крюк шагнул вперед, закинул руку и зацепился за воздух.

— Тигровая Лилия, когда мы в последний раз виделись, я тебя ранил. Ты ушла. Что еще ты хочешь сказать мне?

Она кашлянула от раздраженного дыхания, и Крюк терзался между желаниями — отступить, для его безопасности, или приблизиться, наплевав на здравомыслие.

— Конечно, я ушла, Джеймс, ты болван! — сплюнула она. — Ты ранил меня. Мне нужна была медицинская помощь. Ты бы предпочел, чтобы я осталась и истекла кровью на полу твоей каюты?

Крюк попытался что-то сказать. К сожалению, хотя он много раз репетировал свой монолог в этом разговоре, он ни разу не подготовил ответ на эту реакцию.

— Я... я понятия не имел. Я думал... — Его обычное красноречие было сведено к незлегантным фразам. Невозможно было четко мыслить рядом с женщиной.

— Что именно? — Тигровая Лилия не скрестила руки, позволяя им свободно висеть.

Он возился со своим крюком, смотрел на него сверху вниз, а потом снова поднял взгляд на нее, забыв дышать лишь на секунду, когда ее красивые, сердитые глаза вспыхнули.

— Я думал, что ты меня бросила.

Она покачала головой и посмотрела на небо. Затем она отвернулась от него, взрыв пятками землю.

— Ты дурак, Джеймс Крюк.

Крюк протянул ей руку, так близко к ней, затем отпрянул назад. Он был абсолютной потерян, и обнаружил, что паникует.

— Тигровая Лилия, мне очень жаль, — сказал он, и нахлынул самый глубокий страх.

Она не обернулась, и он встал, неглубоко вздохнув, уставившись на поляну через ее плечо. Он чувствовал пространство между ними, как будто оно было сплошным, электрическим полем, соблазняя его пересечь границы, но страх заставлял его оставаться на месте. Это было смешно. Управляя командой пиратов, он делал это с легкостью. Но управление женщиной было чем-то другим.

— Где ты был? — тихо сказала она, повернувшись к нему спиной.

У Крюка сбилось дыхание. Он не хотел лгать ей.

— Киллхаул.

Тигровая Лилия обернулась, и ревность промелькнула на ее лице. Она сделала несколько длинных шагов к нему, ноздри ее раздувались.

— Киллхаул?

— Конечно.

Ее голос понизился, и она посмотрела на него в нескольких дюймах от его лица, широко раскрытыми, немигающими и задумчивыми глазами. — Значит, ты, наконец, это сделал.

— Сделал что? — Пульс Крюка участился, кожа была горячей от ее близости. Он подошел всего на дюйм ближе к ней, она стояла на своем месте.

— Стал пиратом.

Он помолчал, потом сказал:

— Я всегда был пиратом.

Тигровая лилия подвинулась так, что ее грудь почти касалась его груди и посмотрела ему в глаза, губы приоткрылись. Его одолела потребность попробовать их. Но вдруг она отвернулась от него и склонила голову. Она смотрела на что-то сквозь деревья, чего Крюк не мог разглядеть. Крюк выдохнул, плечи расслабились, когда она отошла.

— Ты слышишь это? — прошептала она.

— Слышу что?

Она не ответила. Она просто подошла к звуку, который Хук не мог услышать, и он ничего не мог сделать, кроме как следовать за ней. Не прошло и мгновения, как Крюк услышал это. Звук был преследующим и прекрасным, как ничто другое, что он когда-либо слышал. Он знал, что это были русалки.

Лагуна была довольно далеко, слишком далеко, чтобы голоса могли быть услышаны, но русалки умели делать невозможные вещи, решил Крюк. Их голоса были неземными и гладкими, как будто они исходили от колокольчиков, покачивающихся на ветру.

Тигровая Лилия медленно прошла и села в серебристо-голубые листья, обхватив руками колени. Затем она закрыла глаза и наклонила лицо к небу, замороженно и мягко улыбаясь. У него перехватило дыхание, когда он увидел ее такой и остановился.

Луна только что поднялась, принося мягкое сияние, освещая силуэт ее тела. Крюк не смог удержаться и протянул ей руку. Он слегка дрожал, пока ждал ее реакции.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Холод исчез, сменившись каким-то волшебством. И она подала ему свою маленькую руку. Он поднял ее и притянул к себе. Сердце скакало, когда он прижимал ее тело к себе. Он скользнул рукой по ее талии и к спине. Затем, не отрывая взгляда от ее лица, он осторожно вытащил ее руку, разглядев следы мурашек, которые, как он знал, появились не от холода, и обхватил ее руку крюком. Она не отодвинулась от металла, а просто обняла его пальцами.

Крюк посмотрел ей в глаза и шагнул. Она немного споткнулась, и он улыбнулся. Затем он снова шагнул, и она последовала за ним. Они медленно вращались вокруг поляны, луна освещала все. Он поднял свой крюк, и закружил ее один раз, а затем притянул к груди, гораздо сильнее и ближе, чем она была раньше. Он почувствовал легкий укол ее дыхания, стук их сердец, он был одновременно оцепенелым и спокойным.

Это был темный вальс, из навязчивых голосов, запрещенных прикосновений и скрытого желания. Крюк прижал пальцы к ее спине и повел ее в танце. Затем он поднес лицо к ее щеке, опьяненный близостью, наслаждаясь сладким ароматом. Его длинные волосы упали на нее, и запутались. Крюк не знал, почему это ему так понравилось.

— У тебя длинные волосы, — сказала Тигровая Лилия, и ее голос был хриплым.

— Длинные волосы — знак пирата и дьявола, — прошептал он ей в ухо, прижав губы к нему. — Я и тот, и другой.

Она вздрогнула, и он ухмыльнулся. Он продолжал медленно кружить ее, вспоминая разбитое сердце и пылающие щеки, и музыка сирен стала исчезать. Он отпрянул. Сердце у него перехватило, когда он увидел, что ее глаза закрыты, а губы чуть приоткрыты. Он протянул пальцы и провел ими по подбородку. Она наклонилась к нему, и его охватил жар. Тигровая Лилия открыла глаза и посмотрела ему в глаза, а затем он увидел в них то, на что так надеялся. В ее глазах вначале было желание, а потом превратилось в необходимость.

Крюк едва мог думать о том, чтобы не забывать дышать, и не смотреть на нее так. Он

скользнул пальцами по ее щеке, нежно касаясь. Не давая себе времени на раздумья, он наклонился, пока их лица не соприкоснулись. Электрические разряды пробегали в маленьком мучительном пространстве между ними. И затем он коснулся губами ее губ. Когда ее рот поддался, вспышка охватила его, и он вцепился пальцами в ее волосы, и поцеловал глубоко, медленно, как никогда не целовал ни одну из безымянных женщин на Киллхауле, ни Малену, ни Сьюзен Уивер.

Это был поцелуй, из тоски, страсти и голода, и все это отзывалось в нем дрожью. Когда она обхватила руками его шею, он притянул девушку еще ближе к себе, желая быть частью ее, и она ахнула от этого, в разгар поцелуя, вдыхая его. То, что загипнотизировало его, было жаждой, он чувствовал в ее губах — она тоже хотела его. Он провел рукой по ее ключице, его крюк немного оцарапал ее руку, и Лилия слегка вздрогнула.

Он был пьян от чувства ее сладкого цветочного вкуса, настолько, что это было за несколько минут до того, как он понял, что музыка русалок прекратилась. Когда он заставил себя отойти от нее, его голос был хриплым, горло пересохло.

— Я должен идти, — сказал он, только тогда поняв, что вокруг них чернеют сумерки.

Она дрожала всем телом, но выдавила:

— Как и я.

Она повернулась, чтобы уйти, и он поймал ее за руку.

— Я буду там, в то же время, когда ты придешь ко мне.

Она криво усмехнулась ему, поцеловав уголок его губ.

— Конечно, будешь.

Тигровая Лилия исчезла, и Крюк стал возвращаться на Испанский Мэйн. Чувство тревоги, которое он должен был испытать, было замаскировано опьянением от женщины, и Крюк обнаружил, что думает о ней. Он хотел быть поглощенным ей, чувствовать ее в каждом кусочке своей души. Она стояла каждую секунду его пленения в Неверлэнде. Она стояла всего.

Старки, однако, не согласился бы с этим. Ибо, когда Крюк добрался до Мэйна, Питер нанес удар.

Капитан стиснул челюсти и всадил свой крюк в мягкое дерево стола. Мелкие щепки брызнули и посыпались на пол. Он вытащил крюк, пока не дошел до конца стола, а затем подошел к своему окну. На нем был тонкий слой инея. Крюк прищурился.

— Старки! — заорал он, с рокотом в голосе.

Старки появился через секунду после того, как его позвали.

— Да, капитан.

Лицо его первого помощника было мрачным и обвиняющим. Крюк проигнорировал это.

— На этом окне иней.

— И? — Старки стиснул зубы и повернулся к двери, и ноздри Крюка раздулись. Он в два огромных шага догнал и поймал плечо Старки своим крюком.

— Не надо быть таким наглым, и уходить от меня.

— Простите, сэр, — сказал Старки низким и неискренним голосом.

Крюк нажал металлом на плечо Старки и повернул мужчину к себе.

— Я твой капитан. Не наоборот. Не забывайся.

Старки смотрел ему в глаза, глаза его были жесткие и сердитые.

— Конечно, Капитан.

Нос Старки дернулся, и Крюк не испугался, знакомого, сердитого жеста его отца.

— Прости? — сказал Крюк, глаза горели от гнева.

— Прощлой ночью умер человек, сэр. Снова. А вы обеспокоены инеем на окнах?

Голос Старки поднялся на децибел.

— Ты считаешь, что это моя вина?

— Считаю.

Брови Крюка взлетели вверх. По правде говоря, он был почти впечатлен смелостью Старки. Но он решительно склонился к разъяренному мужчине. Его голос опасно понизился, и он показал своим крюком на пирата.

— Ты, Старки, первый помощник. А я капитан Крюк. Прежде, чем я взял на себя управление этим судном, вы были никем. Вы все время пили и вас постоянно убивал тот мальчишка. Не забывай об этом.

— Простите меня, капитан, — сказал Старки, покраснев, — но что именно изменилось?

Крюк, тяжело дыша, ударил мужчину по лицу своей правой (что, к сожалению, для Старки, больше не было рукой), прочертив четкую кровавую линию на щеке. Старки моргнул и встал прямо, глядя на капитана. В его глазах не было ярости и сарказма.

Крюк приблизился к лицу Старки и сказал:

— В следующий раз я не буду колебаться, чтобы убить тебя.

Мышцы дернулись в челюсти Старки, но он кивнул своему капитану.

Крюк отступил на шаг и глубоко вдохнул, успокаивая себя.

— И так, Старки, как я уже говорил, на моем окне иней. Пэн исчез. Опять.

— Да, — сказал Старки, стоя неподвижно, и лицо его было лишено выражения.

— Как он мог снова уйти? — сказал Крюк, нахмурившись. — Он только что вернулся.

Лицо Крюка горело, окрасившись в темно-красный цвет. Пэн снова ушел. И еще не было времени, когда бы он хотел убить этого мальчишку еще больше. Это было невыносимо.

— Я не знаю, сэр.

Крюк дернул крюком, указывая на дверь.

— Оставь меня, Старки.

Старки не нужно было повторять дважды. Он закрыл за собой дверь Крюка чуть сильнее, чем было необходимо, и Крюк закатил глаза. Он поднял носовой платок и сложил его на крюк, вытер с него кровь Старки. Старки всегда был прав, и это бесконечно огорчало. Он сам виноват в том, что прошлой ночью умер другой человек, и даже один человек в данный момент был немалой потерей. Их число резко сокращалось. Сейчас на его корабле осталось менее тридцати пиратов.

Ну, конечно, Питер улетел. Было бы неосмотрительно с его стороны позволить капитану осуществить его сокровенное желание — вонзить в него крюк. И он мало что мог сделать, чтобы исправить ситуацию. Поэтому пришлось воспринять это как подарок.

Он вышел из каюты с высоко поднятой головой, пройдя мимо Сми, который сминал пальцы и смотрел в пол, а Гекко, Лапша и Тэтчер негромко переговаривались между собой и едва осмеливались бросить на него взгляд. Дорогу перегородил ему Джукс, и Крюк прищурился.

— Что? — спросил он в негодовании.

Джукс моргнул и отступил назад.

— Ничего, сэр, — ответил он, и неуклюже поспешил к остальным.

И хотя Старки окинул его таким взглядом, что любого другого это могло бы прожечь до костей, он сделал вид, что не заметил, и, запахнув потуже свой плащ, гордо удалился с Испанского Мэйна.

Было ясно, кого он искал. Не ясно было, где именно ее искать. Расстроенный, он шел по лесу. И, казалось, у него была способность находить ее, даже если он и понятия не имел, где она может быть. Он просто поддался интуиции, которая вывела его на реку Индейцев. Слегка окрашенный туман подымался над водой, покрывая близлежащую траву холодный паром.

Достигнув устья реки, и не найдя там Тигровую Лилию, он рискнул и повернул на поляну, где они танцевали прошлой ночью. Он не особенно ожидал, что она там будет; сомневался, что вальс и поцелуй значат для нее так же много, как и для него. Но поискать там все же не повредит.

Дойдя до лужайки, он резко остановился. Злость, что струилась по венам после стычки со Старки, вмиг растворилась. Крюк не смог сдержать улыбки, улыбки до ушей; он был уверен, что выглядит глупо. Спиной к нему, посреди пожелтевшей травы, стояла Тигровая Лилия. Крадучись, Крюк подошел вплотную к ней. И когда он обнял ее за талию и прижался губами к ее родинке за ухом, она подскочила.

— Джеймс! Я тебя не слышала.

Он повернул ее лицом к себе, то, что она не вырвалась из его рук, немного насторожило его. Тигровая Лилия хотела что-то сказать, но он закрыл ей рот поцелуем. Слегка дернувшись, она обвинила его руками сильнее, и он усмехнулся, все еще касаясь ее губами.

— Значит, дело не только в сиренах? — произнес он, улыбаясь.

— Что?

Он приподнялся, все еще достаточно близко, чтобы их губы почти касались друг друга.

— Я очень обеспокоена тем, что ты поцеловал меня прошлой ночью, потому что ты был под влиянием русалок. Если позволишь, я верну этот поцелуй тебе.

Игривая искра отразилась в его глазах, что было редкостью для капитана. Его руки все

еще крепко обнимали ее, и он провел пальцем по ее спине, касаясь так низко, что нервные мурашки пробежали вверх по его руке. Ее кожа была прохладной, как и все на поляне, кроме Крюка. Она поднялась и поцеловала его в щеку уголком рта.

— Песни сирен имеют очень малое отношение к тому, что мы делали прошлой ночью.

— А-а. Значит, ты признаешь, что они все-таки повлияли на тебя.

Она закусила губу и улыбнулась.

— Слегка.

— Приму к сведению.

Он окинул ее взглядом сверху донизу. Он был прав, угадывая ее возраст по лицу. Ей было не меньше восемнадцати.

Тигровая лилия отстранилась от него, но он держал свою руку на спине, оголодавший по любым прикосновениям, которые она позволила бы ему. Она села посреди поляны, и он неохотно опустил руки и сел напротив нее.

— Я скучал по тебе, — сказал он. И неважно, насколько отчаянно это прозвучало. Это было правдой.

Тигровая Лилия закатила глаза.

— Мы не разлучались больше, чем на один нетландовский день.

— Да, но это может означать какой угодно промежуток времени.

Тигровая Лилия улыбалась и отстраненно смотрела куда-то через его плечо. Крюк обернулся, но ничего такого не увидел, лишь серые деревья да покрытая инеем листва. Нахмурившись, он все же решил не придавать этому значения. Девушки часто ведут себя странно, он это выучил уже. И придвинулся чуть ближе к ней.

— Скажи мне, почему ты пришла сегодня именно на эту поляну? — Его голос звучал удовлетворенно; он ожидал особенного ответа, такого, в котором упоминался бы он.

Тигровая Лилия молчала и продолжала смотреть вдаль через его плечо.

— Тигровая Лилия? — произнес он, нахмурившись.

Она моргнула и повернула лицо к нему.

— Ммм?

— Ты меня слышала?

— Прости, Джеймс. Мне что-то нехорошо. — Он заметил это — явственная бледность кожи, тусклость в глазах.

Он придвинулся еще ближе к ней, теперь они сидели бок о бок. Их бедра соприкасались, хотя Крюк избегал таких действий ранее. Наклонив к ней лицо, так что губы почти касались ее уха, он произнес:

— Я могу как-то помочь?

Она как-то странно засмеялась.

— Сомневаюсь.

Вдруг Крюк понял и застыл.

— Дело в Питере, да? — сказал он, отодвигаясь.

— Нет, — ответила она, пряча глаза.

Он прикусил кончик языка, довольно сильно. Озвучивать свое мнение на этот счет было бы ошибкой. Но в этом деле он, увы, преуспел.

— А вот и да, Тигровая Лилия. Это всегда Питер Пэн.

— Ты не представляешь, о чем говоришь.

Она встала. Он поднялся тоже.

— У меня больше представления, чем ты можешь себе представить. — Ноздри пылали, он весь дрожал, за мгновение ярость застлала ему глаза.

Тигровая Лилия повернулась к нему спиной и скрестила руки.

— Да что с этим местом не так? — закричал Крюк. Он редко терял контроль над собой, но с ней он был на грани паники каждую секунду, так что повышение голоса вышло непроизвольно.

— Джеймс, ты не понимаешь.

— Ты совершенно права, — прошипел он сквозь зубы. — Я не понимаю.

Сделав шаг, он стоял теперь прямо перед ней, и смотрел в глаза, заставляя ее не отводить взгляд от него. Голос звучал одновременно тихо и злобно, так чтобы ни один из проходящих мимо нетландовских обожателей Пэна не смог почувствовать разницу.

— Я не понимаю, почему все на этом проклятом острове зависит от присутствия этого мальчишки. И я не понимаю, почему любой, кто смотрит на это самодовольное и высокомерное лицо, не хочет врезать по нему. И чего я действительно не понимаю, как ты можешь целовать меня, танцевать со мной и ненавидеть меня за отъезд на Килхол, а теперь еще и не можешь смотреть на меня при упоминании его имени.

— Мне пора идти, — ответила она.

— Не уходи, — голос прозвучал на грани между злобой и отчаянием. — Не сейчас.

Она кинула на него беспощадный взгляд.

— Ты не можешь винить меня за мое естество, Джеймс Крюк. Я не просила этой привязанности к Питеру.

— Наконец-то она это признала! — Он поднял руку и кряк в воздух и сделал несколько шагов назад. — Как, Тигровая Лилия? Как ты можешь быть «привязана» к ребенку? Он всего лишь ребенок, не более.

— Он не ребенок! Он не намного младше меня, ты знаешь это. — Крюк на это жестко рассмеялся. Она была полностью взрослой девушкой, а Пэн полностью маленьким мальчишкой. Она проигнорировала его и продолжила. — Я не могу ничего поделать с тем, что я чувствую. Я его фантазия, Джеймс. Я это он. Без Питера меня даже не существует, как ты не можешь этого понять?

Челюсть Крюка замерла, и он тяжело дышал, как будто просто пробежал по острову. Он знал это где-то в темноте, в недоступных местах его души. Но он никогда не признавал этого. Никогда не слышал, таких честных слов. Мысль о том, что она действительно принадлежит Пэну, выбила дыхание из его легких.

— Скажи мне, пират, — спросила она, так как он все еще молчал, — как мне перестать быть той, какой сделала меня Нетландия? Ты уж точно мне не поможешь.

Крюк отшатнулся, ее размышления и слова ошеломили его.

— Что ты сказала?

Тигровая Лилия тряхнула головой и переступила с ноги на ногу.

— Я говорю, что ты не был негодяем, когда прибыл сюда. Не был пиратом. Но это была твое предназначение здесь, разве нет? Поэтому ты сбежал на остров Килхол, где ты напивался, грабил, и зарабатывал себе славу, и, вероятно, переспал с тысячей женщин...

Крюк шагнул к ней, голос нарастал с каждым словом.

— О, это то, о чем речь? Мои тысячи женщин? У меня была только одна женщина, кроме тебя, потому что ты заставила меня поверить, что между нами все кончено.

Тигровая Лилия шумно вдохнула и отвела взгляд на замерзшую лесную почву. Боль, что

отразилась на ее лице, была внезапной и неожиданной, и это задело Крюка. Тишина, последовавшая за этим, то, как они смотрели друг на друга, было словно нож по сердцу.

Наконец Тигровая Лилия отозвалась, голос был тихим, полным боли и ожесточения.

— Так, значит, это правда?

Крюк отпрянул.

— Что именно?

Он прекрасно понимал, о чем она спрашивает, но желал оттянуть неприятный момент.

— Ты делил постель с теми женщинами. Я слышала об этом, но не верила.

В его голосе прозвучала нотка отчаяния, когда он ответил,

— Тигровая Лилия, я говорил тебе уже, я думал...

Она поджала губы.

— Неважно, что ты думал.

Он потянулся к ней, и она откинулась назад. Просто копна волос, почти ничего. Но достаточно.

— Так нечестно. Все это время я лю... — Крюк оборвал себя на полуслове, прежде чем признаться в том, о чем может пожалеть.

— Договаривай, — тон ее голоса все еще оставался холодным.

Сердце бешено колотилось, ладони вспотели.

— Все это время, пока я... желал тебя, я знал, что в действительности, тебе нужен был кто-то другой. Кто-то, кого я ненавижу всеми фибрами моей души. И в тебе была видна эта борьба. Так что, когда случилось то ужасное происшествие, и ты вышла за дверь, на что еще я мог надеяться?

Тигровая Лилия даже не смотрела на него. Он был самоуверен, и она не могла ответить на этот вопрос, по крайней мере, честно.

— Как бы там ни было, — произнес он, хватаясь за любой шанс сменить тему, — сейчас речь не о моих похождениях. Ты знаешь, я делал это, чтобы забыть о тебе. И я бы никогда не совершил тех поступков, если бы поверил, хотя бы на секунду, что ты не влюблена в Питера Пэна.

Тигровая Лилия оцепенела, руки повисли, словно налились тяжестью, рот приоткрылся.

— Я не влюблена в него, — отпарировала она, с силой скрещивая руки на груди.

— Да-да. Ты стоишь здесь перед мужчиной, который готов сделать все что угодно, чтобы быть с тобой, а ты все это перекручиваешь на свой лад ради мальчишки.

— Я уйду, Джеймс. — Тигровая Лилия сделала несколько шагов по направлению к подмерзшим деревьям, но Крюк схватил ее за руку.

— Нет, — вскрикнул он, выдохнув облачко пара. — Ты не бросишь меня вот так. Ты не можешь уйти только из-за того, что тебе трудно ответить честно. — На какой-то момент он испугался, что ему не нужна ее правда. Ему не хотелось услышать снова, что она принадлежит Питеру, что так было всегда, что выбор, который он сделал, будучи мальчишкой, держаться подальше от нее был верным. Он не хотел этого слышать, но ему это было необходимо. Его глаза были полны печали и отчаяния, когда он встретился с ней взглядом.

Тигровая Лилия посмотрела вверх, небо потемнело, послышались раскаты грома.

— Дождь собирается, — ответила она, глаза были влажными и покрасневшими. Голос был охрипшим, она вот-вот собиралась расплакаться.

— Забудь про дождь. — Крюк нежно привлек ее к себе, обхватив ее ладони. Она

прижалась к нему, и его сердце забилося сильнее под ее щекой.

Ее замечание оказалось верным, начало моросить, капли были холодными, почти ледяными. Дождь тихо спускался, покрывая их влагой.

— Ты его любишь? — прошептал он, глядя на нее, и не скрывая боли, что отразилась на его лице. Она отступила и посмотрела на него.

Дождь усиливался, крупные тяжелые капли барабанили вокруг них.

— Ты его любишь? — переспросил он громче из-за шума дождя.

Вода уже стекала с них, волосы Крюка прилипли к его рубашке, а платье Тигровой Лилии полностью облегалo ее тело.

— Да, — ответ был таким тихим, что он едва услышал его.

— Что?

— Да, — закричала она. — Я бы хотела не любить, но люблю.

На миг Крюк отвел взгляд, затем схватил ее в порыве чувств.

— Как? Как ты можешь любить мальчишку? Разве он тебя поцелует?

Он притянул ее к себе и впился губами в ее губы, яростно и отчаянно. Крепко прижал к своей груди. В этот поцелуй он выплеснул все свое разочарование и страсть, желая, чтобы он длился вечно. Но, когда она ухватила его за рубашку, пытаясь притянуть его ближе к себе, он отстранился.

— Может ли он коснуться тебя, Тигровая Лилия?

Дождь уже лил, как из ведра, и все ее тело хорошо просматривалось под одеждой. Кончиком крюка он нежно провел по ее шее, дошел до плеча и остановился, заглядывая ей в глаза. О, эти темные, бездонные глаза. Она не двигалась, и он продолжил вести дальше крюк, пока тот не достиг ее груди. Касаться ее там было сладостной мукой, пальцы задрожали, жар постепенно охватывал его ноги, живот и грудь, отгоняя прочь напоминание о Пэне, препятствии, разделявшем их.

На лице отразилась гримаса боли и удовольствия, он опустил на землю.

— Может ли он вообще это сделать с тобой?

Он обхватил ее ногу и припал губами к ее бедру. Она резко выдохнула, и он почувствовал, как она задрожала. Он целовал ее все выше и выше, пока не достиг ее талии. Ее трепет усиливался, и он остановился. Если он продолжит ее целовать, то вряд ли сможет потом остановиться, не сможет вспомнить о том, что она принадлежит не ему. Что это не может продолжаться, и, возможно, даже никогда не повторится, оставшись в памяти лишь моментом проявления страсти в лесу. В случае, если она все еще любит Питера Пэна. В случае, если она выберет быть с ним, даже если его рядом нет.

Он задержался на какую-то секунду дольше, запоминая дымный запах ее кожи, затем резко поднялся.

— Он никогда не будет тебя любить так, как я.

Развернувшись, он зашагал к кораблю, оставив ее стоять там одну, дрожащую под дождем.

В Нетландии наступили сумерки, когда Крюк вышел из своей каюты. После встречи с Тигровой Лилией он был в дурном настроении и ходил насупленный с тех пор, как открыл свою дверь. Что заставило его выйти на палубу, он толком не знал, это было словно зуд по коже, как гул в воздухе. И он был вынужден выйти наружу.

На первый взгляд, все выглядело как обычно. Небольшой мороз, туман и тишина. На борту все занимались ничегонеделаньем. Он подозрительно осмотрел весь корабль. Затем случайно взглянул вверх, и его сердце ёкнуло. На расстоянии, выделяясь пятнышком среди облаков, летел Питер Пэн. Ему даже показалось, что он увидел несколько таких пятнышек рядом с ним. На его лице появилась широкая ухмылка и, потянувшись, он захватил крюком рукав проходящего рядом Сми.

Сми оступися назад, чуть не упав, что было бы неприятностью, так как, поскользнувшись, он бы изувечился.

— Сми, — тихо обратился Крюк, голос звенел от возбуждения, — готовь Длинного Тома.

Сми приподнял бровь.

— Длинного Тома? Но вокруг ни единого корабля.

Крюк был настолько взволнован возвращением Питера, что даже не стал ругать Сми за вопрос. Вместо этого, он просто показал своим блестящим крюком в небо, что темнело с каждой секундой. Сми проследил взглядом за его движением и начал всматриваться в облака.

— Пэн, — выдохнул он. Без лишних слов, он бросился к остальным членам команды, чтоб те помогли ему вытащить огромную пушку.

— Капитан! — выкрикнул Даниэль Тэтчер, после того, как они довольно долго провозились с грозным оружием, — Длинный Том готов.

Капитан Крюк проследовал по палубе к пушке и провел по ней крюком. Раздался пронзительный скрежет, и большая часть команды закрыла уши руками с таким рвением, которое они едва выражали ранее в действиях.

Наступила такая темень, что казалось чернее некуда. Однако, в большинстве случаев в Нетландии, все, что касалось Питера, было возможно.

— Где он? — завопил Крюк, звук его голоса потерялся в нависшей над ними тишине.

Сми вертел шляпу в руках и смотрел на облака. Остальная команда последовала его примеру. Они выглядели, как растерянное стадо баранов, все стояли, раскрыв рты, и всматривались в небо. Крюк внезапно ткнул вверх. На черном фоне появилась маленькая, яркая, желтого цвета точка, снующая туда-сюда.

— Смотрите, там.

Пираты повернули головы в ту сторону.

— Фея Пэна? — предположил Сми.

Крюк просиял и кивнул.

— Они все там, с ней, однозначно, — произнес Крюк.

— Верно, сэр. Вне всяких сомнений.

— Джентльмены, — обратился Крюк, выпячивая грудь и поправляя на себе шляпу и камзол, — огонь.

Вся команда кинулась врассыпную, но желтый огонек внезапно погас. Крюк запаниковал и схватил Тэтчера за плечо.

— Быстро стреляй, Тэтчер. Сейчас же. Мы упустим их.

Пират поджег запал на Длинном Томе. Вокруг воцарилась безмолвная тишина. Даже ветер зашумел и затих, не было слышно ни звука от живности острова. Оглушающий грохот разорвал тишину, ядро полетело в облака.

Команда Испанского Мэйна стояла, затаив дыхание, все смотрели вверх, выискивая, ожидая разглядеть хоть что-то в этой тьме. Через какое-то время Крюк отошел от пушки и направился к борту корабля, с трудом перегнулся через него. Он был предельно сосредоточен, но не услышал ничего. Закрыв глаза, отыскивая предчувствие, знак, что Пэн мертв. И все же не почувствовал ничего. Разве что, воздух стал теплее.

— Длинный Том подвел нас — взревел он, развернувшись, черные волосы взметнулись вверх. — Питер Пэн жив.

Сми стоял рядом с Крюком, который даже не заметил его, пока тот не произнес,

— Верно, капитан. Что прикажете делать?

— Найдем его, Сми. Мы найдем мальчишку, и убьем его.

Сми мрачно кивнул, и Крюк двинулся к остальным, отдавая попутно распоряжения. На борту не осталось ни единого человека, участие требовалось от каждого пирата. Поэтому все они направились к Черному лесу.

Лес выглядел особенно недружелюбно этой ночью, темные ветви нависали над ними неясной тенью. Темные увядшие листья шумели и переливались с бордового в черный, серебристый, затем опять в бордовый, Крюк почувствовал холодок по коже. На этот раз, однако, он не почувствовал ни малейшего страха в своем сердце. Оно было слишком переполнено ненавистью, чтобы почувствовать хотя бы каплю беспокойства.

Поблекшие картины прошлого мелькали яркими вспышками в его голове, все, что Питер разрушил или отнял у него. Тигровая Лилия. Его родители. Тимоти. Роза, которую он даже никогда не видел. Крюк ускорил шаг, почти бегом.

Неожиданно, он вдруг заметил справа от него вытасенный пистолет. Он протянул Крюк и схватил Старки за плечо.

— Капитан, мое плечо, отпустите. Вы вогнали мне в кость, — выдохнул он.

— Опустит пистолет.

— Там мальчишка, капитан. Потерянный бежит среди деревьев. Вы его не видите, что ли?

Крюк понизил голос.

— Мы не тронем ни одного Потерянного этой ночью. Я не хочу убивать еще одного ребенка. И ты тоже не будешь. Понял?

Старки болезненно поморщился, когда Крюк вытасил Крюк с его плеча, кивнул и спрятал пистолет обратно.

— Разделитесь, — скомандовал Крюк. — Сегодня мы найдем Питера Пэна и его Потерянных. Они не могут быть слишком далеко, тем более что один уже пробежал рядом. Как только вы на них наткнетесь, тотчас же возвращаетесь ко мне и не трогаете Питера ни при каких обстоятельствах. Вы оставите мальчишку мне. Понятно?

Пираты в один голос ответили согласием и, размахивая факелами, оружием и мечами, растворились в ночи.

Крюк приказал Сми остаться с ним, а остальных отправил со Старки.

Листва громко шуршала под ногами Сми, и он тяжело дышал, поспешая за Крюком.

Тот замедлил шаг.

— В чем дело, Сми?

— Вы не могли чуть помедленнее идти?

Крюк на это лишь тяжело вздохнул, темнота вдруг начала на него давить.

— Я могу вообще остановиться, Сми. Но этот мальчишка заставляет меня идти вперед.

Сми положил руку ему на плечо, жест так напомнил ему мать, что дыхание перехватило.

— Это из-за вашей руки, капитан?

— Ну да. Среди всего прочего. И крокодила. И мальчика, и девочки. И девушки. Была уйма вещей, Сми. Много всего. — Крюк приложил руку к голове, массируя висок.

Сми улыбнулся, и хотя в этой улыбке была видна жалость, это не было для него чем-то оскорбительным или поверхностным. А как будто это оправдывало ярость, струящуюся по венам Крюка, это было в духе Сми.

Место, где он сел, постепенно нагрелось, что привлекло его внимание. Он нахмурился, как будто это заставило бы странный маленький стул объясниться. Далее, он становился все теплее и теплее, пока не стал нестерпимо горячим. Крюк подскочил и осуждающе уставился на него.

— Сми! — произнес он. — Это... это..

— Гриб.

Действительно, это оказался гриб. И даже после стольких лет проведенных в Нетландии, Крюку показалось глупым произнести такое, столь невероятное. Он был просто слишком огромен, яркого цвета и светился, чтобы быть каким-то грибом. Но, тем не менее.

— Этот, эмм, гриб горячий. Слишком горячий. Подойди, потрогай.

Сми настороженно, словно пес, торкнулся пальцами гриба. Но быстро одернул.

— Это странно, — заметил Сми.

— Вот и я о том же.

Он протянул свои длинные пальцы к этой штуке, которая была, даже по нетландовским стандартам, чересчур большой. Ухватил за верхушку и потянул на себя. Без какого-либо сопротивления, она легко отскочила на землю. Оттуда повалил дым, вздымаясь в воздух и заполняя легкие Крюка, что тот закашлялся.

— Дымоход — прошептал Крюк. После того, как дым рассеялся, он и Сми склонились над ним. Оттуда исходил приглушенный свет и бормотание детских голосов.

— Где Питер? Почему он до сих пор не вернулся? — сказал один из них.

— Он в пути. Очевидно же.

— Я есть хочу.

— Ты всегда хочешь есть.

— А вот и нет.

— А вот и да.

После разговора слышалась возня. Крюк аккуратно положил гриб на место и выпрямился. Затем, огляделся вокруг. Место окружали деревья и все выглядели абсолютно обыденно, что и не скажешь, что есть проход, ведущий в жилище внизу. Но, для тех, кто был осведомлен, странные дупла в деревьях были заметны.

— Двери, — догадался Крюк и рассмеялся. Но не хохотом или другим злобным смехом, а смехом искреннего веселья. — Смотри, Сми. Они для каждого выдолбили отдельный вход.

Каждый мальчик имеет свою собственную дверь. Это так по-детски.

За смехом была также скрыта боль, которую он не мог унять, представляя, что он тоже мог бы выбрать дерево для себя. И было грустно думать о том, что среди голосов Потерянных, он узнал лишь Шалуна и Чуточка. Встряхнув головой, он выпрямился.

Сми тоже посмеивался, хотя Крюк не был уверен, что Сми действительно понимал, чему он смеется.

Возникший тикающий звук прервал их смех.

— Ты это слышишь, Сми?

Холодный страх пронзил тело Крюка, кровь отлила с лица. Он никогда не видел крокодила так далеко, в глубине острова.

— Похоже на тиканье, капитан.

Крюка охватила паника, перед глазами возникли ужасная крокодилья челюсть, безразличный глаза и голодный оскал, разыскивающий его, жаждущий его.

— Возвращаемся на корабль, — тихо и настойчиво приказал он.

— Но капитан, как мы можем сейчас уйти? Мы, наконец, нашли...

— Тихо, — возразил он громким непреклонным тоном, вопреки желанию сказать это шепотом. — Бежим, Сми.

Сми побежал, тик-так слышался все громче и громче, и сердце Крюка забилось еще сильнее. Он знал, спрятаться было негде. Здесь не было места, где крокодил его не учуял бы. Крюк вдохнул и закашлялся, воздух был словно сделан из стекла, ускорил еще бег.

Тик-так, тик-так, тик-так...

Он быстро обогнал Сми, неспособный тревожится о безопасности еще и своего члена команды, и когда они достигла Испанского Мэйна, Крюк влетел в свою каюту и захлопнул за собой дверь, тиканье все еще звучало у него в голове. Хотя он нашел убежище Пэна, его мужество было явно под сомнением. Он лежал с раскрытыми глазами в своей каюте и знал, что не уснет. Отвратительный звук и воображаемый вид крокодила не покидали его даже в кровати, и так продолжалось всю ночь, он не мог уснуть из-за пугающих мыслей о часах, чешуе, ужасных глазах и острого, улыбающегося, голодного оскала.

Возможность мечтать — это то, чего Крюку не доставало более всего из Лондона. Чем чувствовать на себе мертвенные глаза крокодила, наполняющие его живот холодным ледящим страхом, он желал бы уснуть, и во сне касаться Тигровой Лилии. Но, предположил он, довольно странно мечтать, когда ты уже живешь в одной из фантазий. Так что ему не оставалось ничего более, как замкнутый круг из реальности и сна.

Но он все же не перестал желать и представлять вкус губ Тигровой Лилии, ощущение ее кожи, вспоминать, как это было, когда его рот был на ее бедре.

Но каждый раз, его мысли возвращались к крокодилу. Ее улыбка превращалась в ряд острых зубов голодного крокодила. Ее шаги перетекали в медленное и ритмичное тиканье часов.

Он попытался было вспомнить Лондон, вспомнить свою мать, отца и брата, но картинки были такими размытыми, что были не в состоянии отогнать эту ужасную фантазию. Ничто не могло его успокоить, и он яростно переворачивался с боку на бок, раздумывая, насколько долгой будет эта нетландовская ночь.

Наконец, когда его тело было уже измотано до предела, что веки сами начали слипаться, и начал было уже дремать, послышался громкий скрип двери. Крюк рывком сел, скомкав и чуть не разорвав простыни. Помрачнев, он встал с кровати, обвязав талию покрывалом, и рывком открыл дверь.

— Какой болван...

Он запнулся, осознав, кто стоит в проходе, внезапно испытав смущение за голый торс и отсутствие нижнего белья под покрывалом.

— Тигровая Лилия, — выдохнул он.

— Прости, мне не стоило приходить так поздно. — Она окинула его взглядом с головы до ног, и покраснела.

Он почесал голову крюком, пытаясь собраться с мыслями. Что оказалось совсем непросто, учитывая, что его разбудили.

— Нет, нет, — ответил он спросонья. — Входи.

Тигровая Лилия приняла приглашение и вошла в комнату. Он тихо закрыл за ней дверь и повернулся к ней, сердце учащенно колотилось. Чувствуя себя неловко, она стояла, сцепив руки, и глядела на все, что угодно, только не на него. Он решил дать ей время, чтобы первой начать разговор. Но она все не решалась. Наконец, когда казалось, уже прошла целая вечность, он был вынужден сам заговорить.

— Что... — начал он, колеблясь, подойти к ней или стоять в отдалении. И решил все же остаться у двери. — Что ты здесь делаешь? — Вопрос был нелепым, он знал, но сейчас его красноречие иссякло. Тигровая Лилия была здесь, посреди ночи, с ним.

Тигровая Лилия взглянула на него, и ему показалось, что в ее глазах отразилась вина. Паника охватила его. Это все. Она пришла завершить это по-хорошему. Горло непроизвольно сжалось.

— Джеймс, я...

— Не говори этого, — хрипло попросил он, не желая услышать то, что, как он знал, она скажет ему. — Пожалуйста, не надо. — Он сделал шаг вглубь комнаты.

Человек, лучше его, справился бы с этим. Человек, сильнее его, выслушал бы ее и

отправил восвояси, улегся бы спать или напился, чтобы заглушить боль. Но, ясно, он не был ни лучше, ни сильнее. Находясь с девушкой в комнате, он был лишь уязвим и чувствителен. И сейчас он ненавидел это, как никогда ранее.

— Джеймс, — она сделала шаг ему навстречу.

Крюк, сглотнув, отвернулся. Он прекрасно осознавал, что ведет себя, как ребенок. Пот покрыл все тело, а пульс настолько участился, что он не мог вести себя по-другому.

— Пожалуйста, Джеймс, просто...

— Нет, — взмолился он. — Прошу, даже не говори мне. Я не могу услышать это от тебя.

Она раздраженно хмыкнула и подошла вплотную к нему.

— Глупый пират, — проговорила она, обвила его голову и поцеловала. Прикосновение ее губ заставило его задержать дыхание, он сперва даже не ответил на поцелуй, настолько был потрясен.

Тигровая Лилия отклонилась.

— А что, ты думал, я скажу?

Крюк сипло ответил.

— Я думал, ты пришла сказать, что покидаешь меня.

Она мягко положила руку ему на грудь, и его дыхание стало прерывистым.

— Я сделала свой выбор, Джеймс Крюк.

— Сделала?

Она сглотнула и прильнула к нему, провела пальцами по его ключице, от чего он вздрогнул.

— Я не могу провести жизнь, любя мальчишку.

Пульс Крюка участился.

— А любя пирата, можешь?

Тигровая Лилия посмотрела ему в глаза. Оба стояли, не двигаясь, и казалось, единственным звуком в комнате было лишь их тяжелое дыхание. Тигровая Лилия первой вышла из забытья. Притянула его к себе для поцелуя, и Крюк крепко обнял ее своими сильными руками, позабыв о простыне, что упала на пол при этом. Дыша вместе с ней, и издав глубокий стон, он позволил страсти, что сдерживал так долго, охватить его

Крепко прижав ее к своей груди, он подтолкнул ее к стене каюты, ее дыхание стало прерывистым. Крюк запустил пальцы в ее волосы и целовал ее снова и снова, так страстно и долго, как никогда ранее. Ее прикосновения были волнительными и всепоглощающими. С трудом, он оторвался от ее губ, хоть и желал исследовать ее всю.

Пальцы скользнули к ее плечу и остановились у края рукава платья. Он заглянул ей в глаза, с надеждой, немым вопросом, перерастающим в мольбу.

Она смотрела прямо на него, и уголок ее рта поднялся вверх.

— Уверена? — прошептал он хрипло.

Она погладила его пальцы и спустила рукав своего платья, обнажая плечо. Крюк вздрогнул и сделал то же самое с другим рукавом. Наклон шеи, гладкие линии ее плеч, они были неоправданно заманчивыми. Он скользнул пальцами по ее шее, нежно, едва касаясь ее. Затем он прислонился к стене, зарылся в волосы и приложил губы к ее горлу, чувствуя быстрый пульс под губами. Он потерялся во вкусе кожи, с запахом сладкой жимолости, дыма и земли; это было опьяняющим.

Он двигался все ниже, скользя зубами к ее ключице, остановившись, когда достиг изгиба ее груди, медленно целуя ее. Затем он отпрянул от нее и скользнул рукой по ее ноге.

Тигровая Лилия дрожала. Он сжал в кулак ткань ее платья, и оно легко соскользнуло с тела.

Крюк стоял там, неподвижный, неспособный двигаться, неспособный дышать, смотря на нее. Ее тело было гладким, изогнутым и опьяняющим. Он не мог отвести взгляд. Затем Тигровая Лилия прижалась к нему и поцеловала. Он потерял всякую возможность ясно мыслить. В его сознании не было ничего, кроме ее гладкого тела и ощущений на кончиках пальцев от прикосновения к ней. Он положил ее на кровать, полностью доступный для нее, позволил своей руке и крюку мягко скользить по каждой частичке ее тела. Он опустил лицо и целовал ее в шею до самого подбородка, остановившись возле уха.

— Тигровая Лилия, — шептал он, едва способный в этот момент выговаривать слова. — Я люблю тебя.

Он ждал, жар ее кожи, дыхание, уловимое им, испуганный от того, что не услышал бы ее ответа. Затем тихий голос, что он едва мог расслышать, произнес:

— Я люблю тебя, Джеймс Крюк.

Ее тело таяло рядом с ним, поддавшись ему, и он полностью отдался ей. Он был полностью поглощен ею, восхищен ее вкусом, ее красотой. И когда она издала тихий звук боли, он прижался губами к ее уху и нежно целовал, пока она не расслабилась и они не стали единым целым.

После, Крюк лежал рядом с ней в темноте, поглаживая ее пальцами по спине, с трудом веря, что девушка, которую он полюбил впервые, лежит рядом с ним, телом касается его, и спокойно дышит во сне. Он мельком подумал, что если он завтра проснется, и все это окажется сном. Это ведь невозможно здесь, не так ли? Впервые он был благодарен за это. Он улыбался, мысли неясно кружились одна за другой.

Было сложно ясно мыслить в ее присутствии, особенно таком близком, даже если она и спит. Этой ночью он лежал, усталый и умиротворенный, нежно поглаживая ее кожу и понял, что на этом острове ему больше ничего не нужно. Ничего, кроме нее.

Мысль о том, как он перерезает горло Питера, уже не казалась такой волнующей, не с Тигровой Лилией, желающей быть с ним. Казалось, всю свою жизнь он искал хлебные крошки, отчаянно нуждался в них, но перед ним лежал поднос с выпечкой, фруктами и хорошим вином. Существовал ли тот, кто в данном случае, в здравом уме хотел бы хлебных крошек?

Может, не стоит рисковать убивать Пэна. Может, если Тигровая Лилия любит его, то Пэна можно оставить в покое. Может, он сможет противостоять всей Нетландии, если эта девушка согласилась быть с ним.

— Тигровая Лилия, — прошептал он.

На этом моменте ее дыхание чуть задержалось.

— Тигровая Лилия, — повторил он, убирая крюком ее волосы, цвета вороньего крыла, с ее спины.

— Ммм? — протянула она сонно.

— Давай убежим.

В изнеможении Тигровая Лилия пробормотала.

— Только не сегодня, Джеймс. Уже поздно.

— Нет, я не имею в виду сейчас. А вообще. Давай убежим.

Тигровая Лилия помолчала немного, затем развернулась лицом к нему. Крюк постарался проигнорировать ощущение, когда ее тело при движении коснулось его.

— Что ты сказал?

— Я попросил тебя уйти со мной.

Она провела рукой по его телу, поправила его длинные волосы, что были уже ниже плеч.

— Что ты имеешь в виду под «уйти с тобой»?

Он поцеловал ее в щеку.

— Я имею в виду, покинуть все это.

— Это невозможно.

— Я знаю, что мы не можем покинуть Нетландию. Я это знаю. Но мы можем оставить это все позади, уйти куда-нибудь, где нет Питера, крокодила, твоего отца, ставящего преграды твоим поклонникам. — Улыбаясь, он коснулся губами ее шеи.

— Куда? В пустыню?

— Да. Вполне возможно. Или другую часть острова, которую мы никогда не видели. Или высадится на малюсенький остров, куда я еще не заплывал до сего дня.

Она нахмурилась.

— Пустошь Нетландии — это место кошмаров. Ты пожалеешь об этом в тот же миг, когда ступишь на ее землю.

— Только не тогда, когда ты будешь со мной. И нам не обязательно туда идти. Мы просто уплывем. — Не в силах удержаться от ее губ, он поцеловал ее.

Она улыбнулась и провела пальцами по его груди.

— Ты же пират. Разве ты позволишь мне остаться на борту Испанского Мэйна?

— Если пожелаешь.

— Я не пират, Джеймс.

— Тогда я покину его, — ответил он, пожав плечами

— Покинешь? — фыркнула она. — Ты капитан Джеймс Крюк, самый жестокий пират океана. И ты бросишь все ради женщины? С трудом верится.

Он приложил ладонь к ее лицу, заглянул в глаза, и с искренностью ответил.

— Я не лгу, Тигровая Лилия.

Она закрыла глаза и улыбнулась, когда он провел большим пальцем по ее щеке.

— А как же Питер?

Палец Джеймса замер.

— А что Питер? — голос тут же огрубел.

— Сможешь ли ты бросить свои попытки отомстить мальчишке? Удастся ли тебе забыть о нем?

Он расслабился и, задумчиво, посмотрел в окно.

— Да. Я потерял покой с тех пор, как стал взрослым. Сейчас я ощутил его с тобой и никакая жажда крови не сможет у меня его отобрать. Я забуду о нем.

Тигровая Лилия закусила губу.

— Ты не соображаешь, о чем говоришь. «Покончу с пиратством, брошу корабль, забуду твоего Пэна». Это сонный бред.

— Вовсе нет.

— Поговорим об этом утром, когда женщина, что рядом с тобой, не будет голой, и твой разум вернется к тебе.

Она отвернулась, а Крюк лишь усмехнулся. Его сердце спокойно билось возле ее спины, и он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Обняв ее и поцеловав в шею, он уснул.

Когда Крюк проснулся, Тигровой Лилии уже не было в кровати. На какой-то миг ему показалось, что возможно прошлая ночь была сном. Он не спеша привстал и спустил ноги с кровати, утренняя сонливость спутала его мысли. Встав с кровати, Крюк натянул на себя штаны, оставив торс голым; Питер снова был в Нетландии, а значит, можно не заморачиваться с одеждой и выйти полуодетым, без опасения замерзнуть.

Он вышел из каюты на палубу, убеждая себя, что прошлая ночь с Тигровой Лилией ему не приснилась, хотя сомнения все-таки одолевали его. Кровать была пустой, как ни крути. Он тряхнул головой, пытаясь рассеять туман в голове, и нахмурился, заметив, как Билл Джукс хихикнул, проходя мимо него, а Флинтвайс потихоньку попытался скрыться от его взгляда.

Он окинул взором всю свою команду, и все, за исключением Старки, прятали глаза.

— Старки, — окликнул он, подходя к другу.

— Капитан.

Крюк прислонился к борту корабля, выжидая. Старки не был способен держать свое мнение при себе, как ранее обнаружил Крюк. И ему не пришлось долго ждать.

— Это смелый поступок, капитан...

— Что именно? — спросил он, поворачивая голову, и опираясь локтями о борт.

— Принцесса, — ответил Старки, приподнимая бровь.

Крюк вздохнул.

— Ты про все знаешь, не так ли?

— Было сложно не заметить, как она выходила из вашей каюты этим утром на глазах у всей команды.

Крюк закусил щеку. Он не был обязан оправдываться перед своей командой. Но, тем не менее, чувствовал потребность в этом. Он слегка покраснел.

— Она принадлежит Пэну, ведь так? — тихо произнес Старки, глядя на океан.

Крюк резко повернул голову и рявкнул:

— И что же тебя навело на эту мысль?

Старки посмотрел на взбешенное лицо Крюка и спокойно ответил,

— Я не хотел вас оскорбить, капитан. Но она была в окружении Питера сызмала. Мы все видели их вместе тут и там. Я только говорю, что это было смело, вот и все.

Джеймс медленно вдохнул и выдохнул, внутренне сопротивляясь в ожидании нравоучения. Он почувствовал себя малышом, которого отругают за дружбу с девчонкой, с которой не следовало водиться, что Старки может наказать его, унижить одним лишь словом. Что-то в Старки всегда заставляло его чувствовать себя так.

Но тот лишь прищурился и строго посмотрел на него. Затем кивнул головой в сторону правого борта,

— Она там. На берегу.

Старки развернулся и пошел к обеденному столу, где уже собралась вся команда. А Крюк остался стоять, хлопая глазами. Что заставило Старки просто уйти, не говоря ни слова?

Может, он одобряет? Или, может, за все это время Старки начал воспринимать его как капитана, соглашаясь, наконец, с принятием его решений и следуя им, в независимости от

того, что он думает. Он украдкой оглянулся назад на него, но тот не отрывался от своей тарелки. Крюк выпрямился, пригладил свои длинные черные волосы, и покинул корабль, ступая босыми ногами по теплomu песку. И затем увидел ее.

Она стояла на берегу, длинные волосы развевались на ветру. Солнце только поднималось, небо было красивого синего цвета, и нимфы блестели на поверхности моря. Он выдохнул с облегчением. Тигровая Лилия не поворачивалась, она просто стояла там, волны окатывали ее лодыжки, оставляя песок на ее ногах. Его дыхание перехватило, она выглядела восхитительно. Ему не хотелось ее беспокоить, но желание дотронуться до нее перебороло желание оставить ее одну. Он тихо подошел к ней. Она не услышала его, так что он опустил руки на ее плечи и нежно поцеловал ее возле уха. Она подскочила.

— Когда я проснулся, тебя уже не было. И я испугался, что прошлая ночь мне привиделась, — сказал он хрипло из-за раннего утра.

— Как раз наоборот, — ответила она, смеясь.

— Ты сегодня хорошо себя чувствуешь?

— Очень даже, — немного задумчиво ответила она.

— Я спал лучше, чем когда бы то ни было. — Он взял ее за руки, и она сжала их в ответ. Вместе они пошли вдоль скалистого берега.

Она рассмеялась.

— Думаю, что ты спал, даже когда и не спал, учитывая те вещи, что ты вчера мне наговорил

— Да ну?

— Ты сказал, что оставишь Испанский Мэйн ради меня. Вот сам и ответь.

Она дразнила его, он это понимал. Он задумался, шагая, отголоски разговора людей на корабле постепенно стихали, остались лишь приятный шум прибоя и случайное пение птицы доносящееся издали. Они остановились у входа в маленькую пещеру.

— Я не знаю. Часть меня хочет сказать, что твои женские флюиды заставляют меня произносить сумасшедшие вещи. — Он подтолкнул ее к входу и поцеловал снова, на этот раз в шею. Было сложно удержаться и не целовать ее, он знал эту свою слабость.

Она ухмыльнулась.

— Другая часть меня хочет сказать, что я по уши влюблен в тебя, и что нет ничего, от чего бы я ни отказался ради тебя.

Тигровая Лилия удивленно повернулась. Сомкнула руки вокруг его шеи и подтолкнула к холодной стене пещеры. Там было низко и тесно, им едва хватало места, чтобы стоять. Он наклонился к ее теплой коже.

— Мэйн, Джеймс? Ты оставишь корабль? Перестанешь быть пиратом?

Крюк заправил локон за ее ухо и отпустил ее. Сделав вздох, он опустился на мягкую почву пещеры и переключил внимание на песок, набирая полную горсть и пропуская его через пальцы.

— Если честно признаться? Я всегда буду пиратом, Тигровая Лилия. — Он искоса взглянул на нее. — Но, сними платье и, возможно, ты услышишь нечто совершенно противоположное.

Тигровая Лилия рассмеялась и села рядом, тени играли на ее лице. Она засунула руку ему под рубашку, касаясь кожи. И он почувствовал, как дрожь возвращается.

— А, значит, все это было проявление страсти, — сказала она, смеясь, и проводя пальцами по его позвоночнику.

— Я не могу забыть о том, кто я. И не собираюсь. — Он выгнул спину и слегка вздрогнул от ее прикосновений. — Но это не означает, что я не хочу убежать с тобой.

Ее рука застыла.

— Думай о том, что говоришь.

— Уже подумал.

Тигровая Лилия одернула руку с его спины и сложила свои руки вместе.

— Что? — Крюк повернулся и посмотрел на нее. — Это настолько безумно?

— Просто я, кроме дома, нигде не была. Я не могу вот так просто все бросить.

— Ну, хорошо, — сказал он, придвигаясь к ней. — Я пойду к вождю и скажу ему, чтобы он дал твоим ухажерам отбой. Скажу, что ты выбрала Капитана Крюка.

Тигровая Лилия громко рассмеялась.

— Пойдешь? Правда, пойдешь? — Сарказм слышался в каждом слове. — Да мой отец спустит на тебя каждого человека в лагере в ту же секунду. Ты оглянуться не успеешь, как будешь мертв.

— Даже не знаю. Мне хотелось бы думать, что мы с Вождем придем к соглашению.

— Джеймс, — шутливо возразила она, — ты пират. Он никогда не позволит мне быть с пиратом.

— Тогда мы приведем ему наш главный довод. — Он повернулся к ней и взял ее за подбородок, глаза сияли от волнения. — Я не откажусь быть пиратом и не оставлю свой корабль на произвол. Но заберу тебя с собой. Мы можем отправиться в любое место. Кто-то другой может занять мое место, пока мы не вернемся, будь, что будет. И я не буду волноваться за Мэйн, как ты думаешь. Я буду думать только о тебе. — Он провел пальцами по ее руке и поцеловал ее ладонь. — И видеть только тебя. — Он поцеловал ее руку выше. — И чувствовать только тебя. — Он коснулся губами ее плеча, и жар охватил их обоих в холодной, темной и тесной пещере.

Тигровая Лилия закатила глаза и оттолкнула его, дрожа.

— Я не могу думать, когда ты меня так целуешь, пират.

Он со смехом отодвинулся, скрестив руки на груди.

— Ну, хорошо. Я буду честно сражаться. И знай, люди этого не часто устаивают.

Улыбаясь, она покачала головой, затем тяжело вздохнула.

— Куда мы отправимся, ну, правда? Я не буду жить в пустоши Нетландии. Там определенно не выжить.

Крюк сощурил глаза и скривил губы. Она была права, он не был приспособлен выживать в дикой природе. Он повернулся к океану.

— Килхол. Мы можем отправиться на Килхол.

Лицо Тигровой Лилии помрачнело.

— Да, Джеймс. Поплыли на Килхол, где ты был любезнее к женщинам, чем кто-либо ступивший на тот берег.

Крюк закусил щеку, осознавая ее правоту.

Он встал и начал с места оглядывать остров. Вокруг было много маленьких полуостровов и крохотные кусочки земли, которые даже трудно было назвать островами, тут и там они окружали береговую линию.

— Ладно, не Килхол. Но оглянись. Есть тысяча мест, куда мы можем отправиться, малюсенькие острова Нетландии, вдали от берега, которые мы никогда не видели. — Он снова присел, поглаживая пряди волос вокруг ее шеи. — Я дам тебе жизнь, о которой ты

только мечтала, Тигровая Лилия. Мы можем быть вместе где угодно. А затем, когда маленький идеальный рай нам надоест, ты можешь уплыть со мной на Мэйне.

— А как же Питер? — спросила она, уставившись в одну точку на стене темной пещеры.

— А что с ним? — голос Крюка тут же низким и озлобленным.

— Ты так быстро забудешь о нем?

— Да, — ответил он, почти озревав. — Почему это столь важно для тебя? Как насчет тебя?

— Джеймс...

Крюк поднялся, скрещивая руки.

— Мне надоело это.

Тигровая Лилия подняла глаза.

— Надоело что?

— Вот это, — ответил он, указывая на нее рукой. — Даже после прошлой ночи, он все еще здесь. Он всегда здесь.

— Прекрати, Джеймс, — отпарировала она. — Я целую неделю избегала Питера...

— Неделю?

— И в последний раз, как мы разговаривали, он не хотел больше иметь со мной ничего общего.

Крюк свел брови.

— Что?

Тигровая Лилия подобрала колени к груди и крепче сжала руки вокруг себя.

— Он сказал, что я взрослею.

— Так и есть, — сказал Крюк, становясь на колени, и протягивая руки к ней, стараясь не вспоминать тот день, когда сам услышал эти слова от Питера.

— Ради тебя, — она посмотрела на него через свое плечо. — Я повзрослела ради тебя.

Крюк вздохнул.

— Я не могу понять, люблю ли я тебя или ненавижу за это, Джеймс, но я это сделала, и вот теперь я здесь.

Его пульс участился, и он положил руку на ее плечо, большим пальцем рисуя круги по ее коже.

— Ты повзрослела, чтобы быть со мной?

— Да, — прошептала она.

— Этого не может быть, — произнес он тихо. — Ты выросла еще до того, как узнала меня.

— Да, — согласилась она. — Быть дочерью вождя имеет свои последствия. Ты быстро взрослеешь, приходит опыт и все остальное. — Она закусил губу. — Но я остановилась, ты же знаешь. Я была счастлива находиться там, где я была, юная девчонка, а затем я снова встретила тебя. И все изменилось.

— Это из-за... он запнулся и глубоко вдохнул. — Прошлой ночью ты пришла ко мне потому... потому, что стала слишком взрослой? Потому, что Питер больше не желает быть с тобой? — Даже просто озвучивая, это вызывало у него приступ тошноты.

— Нет, — возразила она, повернувшись лицом к нему, и касаясь руками его подбородка. — Вчера я пришла к тебе потому, что люблю тебя.

Он опустил взгляд, затем снова посмотрел на нее.

— Тогда зачем было вспоминать его, когда я прошу тебя уйти со мной?

— Потому, что мне нужно знать, что если я соглашусь уйти с тобой, твоя любовь ко мне будет большей, чем ненависть к нему.

Крюк кивнул. Он знал, о чем она думала, и это заботило его так же. Если Питер умрет, останется ли Тигровая Лилия живой? Он потянулся к ней и прикоснулся к ее лицу, притягивая к себе.

— Я люблю тебя больше, чем тоскую по Лондону, больше, чем люблю Испанский Мэйн, и больше, чем ненавижу Питера Пэна. — Он поцеловал ее медленным глубоким поцелуем, а она запустила пальцы в его волосы. — Уйдем со мной, — выдохнул он.

Она закусила нижнюю губу.

— Я не знаю, как быть, Джеймс.

— Ты боишься?

— Немного.

Он на мгновение застыл, ощущение ее кожи было волнующим.

— Боишься чего? Побега или меня?

Она вздохнула.

— Не тебя. Ты просишь у меня не какую-то мелочь, Джеймс. Ты просишь меня бросить все, что я знала до этого, отречься от семьи, моих людей. Я не могу принять решение за одну ночь.

— Тогда не принимай, — ответил Крюк. Он протянул руку к ее руке, рассеянно перебирая ее пальцы.

— Но ты можешь убедить меня, — сказала она и прильнула к нему, ее руки скользнули под его рубашку и обвили его талию. Пальцы ощупывали пояс его штанов, касаясь его голой кожи. Он резко вдохнул, глаза потемнели от желания.

— И как же? — спросил он, перекачиваясь под нее.

— Ну, если ты еще раз повторишь, насколько я красива и прекрасна, и что ты с радостью бросишь все свои дела здесь, все вещи, которые ты любишь меньше, чем меня, мне будет легче пойти на это.

Он хитро улыбнулся и повалил ее вниз, под себя, прижимая ее запястья к песку.

— Дьявольская женщина. Пытаешься склонить меня к тому, чтобы я опять болтал невесть что, и давал фальшивые обещания?

Она закусила губу, глаза сияли.

— Что ж, могу устроить, — произнес он, прижимая свои бедра к ее и позволяя губам целовать там, где хотелось, позабыв на какое-то время обо всем остальном.

Следующие несколько дней прошли без появления Питера Пэна. Крюк обнаружил, что практически позабыл о нем, настолько он увлечен был Тигровой Лилией. Он уклонялся от исполнения своих обязанностей, как капитана, и мог честно признаться себе в этом. Но Старки хорошо справлялся со всеми делами, и он подумал, что если они с Тигровой Лилией действительно уйдут, Старки в любом случае придется всем управлять, по крайней мере, какое-то время.

Он лежал в кровати, где с недавних пор, он проводил большую часть своего времени и перебирал пальцами ее волосы, одновременно слегка царапая ее спину крюком.

— Джеймс? — сказала Тигровая Лилия.

— Да.

— Я согласна.

Крюк замер.

— Согласна на что?

— Я сделаю это. Я уйду с тобой.

Он привстал, Тигровая Лилия тоже, подтягивая одеяло к груди.

— Не на Килхол.

— Нет. Естественно, не на Килхол.

— И не в пустыню Нетландии.

— И не туда тоже. — Крюк почувствовал, как волнение наполняет его, и широко улыбнулся. — Уйдем на далекий остров, место, где ни ты, ни я раньше не бывали.

На какой-то момент она задумалась, после улыбнулась, глядя на него из-под своих ресниц. Крюк взял ее за лицо и поцеловал, затем спрыгнул с кровати.

Тигровая Лилия соскользнула с кровати тоже и оделась.

— И как мы это сделаем?

— Что ты имеешь в виду?

Глаза ее сияли, она пожала плечами.

— Я имею в виду, как мы проскользнем мимо моего отца? Он порешит тебя, если узнает, что мы уходим.

— Пусть попробует, — насмешливо ответил Крюк.

Тигровая Лилия закатила глаза и обошла кровать.

— Не важно. Все равно нет способа пересечь Нетландию, и не попасться на глаза моему отцу.

Крюк наморщил лоб, подумал немного, и оперся о стол, размышляя вслух.

— А мы не пойдем через Нетландию.

— Тогда как ты предлагаешь это сделать?

— Мы обойдем ее. — Его глаза загорелись. — Сегодня возвращайся в свой лагерь. Возьми, что считаешь нужным. А завтра, как стемнеет, приходи на ту поляну...

— Я поняла, куда.

— Он ухмыльнулся.

— Я пришлю за тобой пару моих людей. Наверное, Сми и Старки. Они отведут тебя к Коричневой Скале. Там и встретимся. Затем я увезу тебя.

Тигровая Лилия поджала губы, обдумывая сказанное. Затем подошла к Крюку и обвила руками его шею.

— Встретимся там. До завтра.

Он опустил руки на ее талию, наслаждаясь моментом, когда их бедра так соприкасаются, и стараясь не замечать тепла, разливавшегося в груди.

— Тебе ведь рано еще уходить. — Он прижал губы к ее щеке, возле самой мочки уха и улыбнулся, когда она вздохнула. Но она оттолкнула его.

— Мне нужно идти, Джеймс. Мой отец... Мне нужно с ним как следует попрощаться.

— Не знаю, как проживу без тебя целую ночь, прежде чем увижу тебя снова. Позволь же мне как следует попрощаться. — Он поцеловал ее снова, глубоким поцелуем, проводя рукой

вниз по ее спине.

— Пират.

Его глаза заблестели.

— Верно.

Тигровая Лилия вырвалась с его объятий и прижала ладонь к его груди.

— Мне пора уходить. Увидимся на Коричневой Скале. Завтра ночью.

Крюк схватил ее за руку, сжимая и изображая печаль на лице, пока Тигровая Лилия не отвернулась, и не вышла за дверь, смеясь, оставляя его немного недовольного и взволнованного. Чуть позже он тоже вышел из каюты, обдумывая план действий. Старки кивнул ему, как только он пересек порог.

— Капитан.

— Старки... — Крюк остановился возле него. — Мне нужно с тобой поговорить.

Старки поднял голову и подошел ближе, Крюк же жестом пригласил его следовать за ним, покидая корабль.

— Что случилось, капитан?

— У меня есть к тебе ответственное поручение.

— И какое же?

Крюк прикусил щеку, держа паузу.

— Я принял решение, которое может вызвать... волнения. Это крайне важно, чтобы ты послушал меня, для своего же блага и Испанского Мэйна.

Выражение сосредоточенности отразилось на лице Старки.

Капитан Крюк нервно хлопнул по своей ноге.

— Я ухожу.

Брови Старки взметнулись вверх.

— И надолго?

— Пока не знаю.

Старки понизил голос и схватил его за руку.

— Капитан, не могли бы вы объяснить, о чем конкретно идет речь?

— Тигровая Лилия, — ответил он, выдергивая руку. — Я ухожу с ней. Завтра.

Старки вытаращил на него глаза.

— Мы уходим. Не навсегда, но на некоторое время.

— Это безумие, сэр. Знаете, что случится с командой, если вы уйдете? Мы ничто без вас. И никто. Вы настроили каждого пирата против Мэйна, не считая уже Питера Пэна. Если вы покинете нас...

— Старки, даже не пытайся переубедить меня остаться. Не поможет. Я ухожу, а ты со Сми поможете мне в этом.

Старки помотал головой, его руки сжались в кулаки.

— Вы капитан Крюк, сэр. Вы не можете оставить свой собственный корабль.

— Не перечь мне, — пригрозил Крюк, скорчив сердитую гримасу. — До завтрашних пор, я все еще твой капитан.

Старки отвернулся от него.

— И на время, пока я ухожу, я вверяю Мэйн тебе.

Старки обернулся, недоумевая.

— Ты был главным на Испанском Мэйне, когда я попал в Нетландию, и ты снова им станешь, когда я уйду.

— Сэр, я не...

— Отказ не принимается. Возвращайся на корабль.

Старки поджал губы и медленной тяжелой походкой направился к кораблю.

Крюк засмотрелся на волны. Море было полно соли, пены и возможностей. Он отогнал прочь слабое чувство вины, что охватило его, пока он стоял там. Команда продержится то время, пока его не будет.

Однако же, по возвращении на корабль, часть людей сердито взирали на него, остальные же глазели с раскрытым ртом. Он почувствовал, что его сейчас стошнит. Лица Джукса и Сми, в особенности, задели его. Но Крюк лишь поднял голову повыше, и не обращая внимания на ошеломленные лица, сосредоточился лишь на том, чтобы быстрее дойти к своей каюте. Открыл дверь и громко захлопнул ее за собой.

На корабле было тихо, в то время как Крюк лежал в своей кровати и пялился в потолок. Дверь скрипнула и медленно открылась, впуская полоску яркого света. Крюк мигом привстал.

— Капитан? — послышался тонкий голос, от звука которого у Крюка кольнуло в сердце.

— Что, Сми?

За Сми зашел Старки, глядя в пол. Крюк почти ощущал их злобу и боль. Из-за этого, как он понимал, Сми почти не говорил. Да не важно. И пусть.

Сми вздохнул.

— Мы, это... уходим сейчас. За принцессой.

Крюк кивнул, кашлянувши.

— Да. Хорошо. Отлично.

Сми посмотрел на него в ответ, и открыл было рот, как будто собираясь что-то сказать. Но слова застряли в горле, и он снова его закрыл, и вышел из каюты, переваливаясь так быстро, как только мог. Крюк мог поклясться, что его глаза излучали прежнюю доброту, когда он уходил.

Старки же, в свою очередь, лишь сморщил нос и сжал челюсть, гордо отвернулся и закрыл за собой дверь, не обмолвившись и словом, и не посмотрев более в его сторону.

Крюк уставился на закрытую дверь, чрезвычайно расстроенный. Он внимательно окинул взглядом каюту, дотронулся до каждой вещи и мебели в последний раз, медленно проводя по ним пальцами. Его золотой кубок для вина, отполированное дерево его стола, даже стены. Ему было не по себе от предстоящей поездки с Тигровой Лилией, но мысль, что это в последний раз он видит Испанский Мэйн и кто знает, надолго ли, навеяла на него грусть, как будто он покидает свое дитя и не знает, когда вернется.

Он просидел какое-то время, вдыхая сладкий кедровый запах. Но как только солнце начало садиться, и в комнате потемнело, он встал, окинул каюту оценивающим взглядом в последний раз, поправил на себе шляпу и вышел.

Крюк выбрал лодку, чтобы доплыть к лагуне, и залез в нее, та медленно покачивалась на волнах. Он почувствовал себя немного незащищенным, плывя на маленькой шлюпке, где ничто не скрывало его.

Волны мягко подтолкнули его к лагуне, и, приближаясь к берегу, его сердце забилося сильнее. Он глубоко вдохнул и начал всматриваться в темноту, в то время как лодку медленно относило течением к пещере русалок. Было темно и прохладно, спустился туман, дымкой обволакивая его кожу.

Пещера вскоре закончилась, и лодка Крюка достигла до выхода с другой стороны. Здесь было не намного светлее, но, по крайней мере, можно было хоть что-то разглядеть, яснее, чем в пещере. То, что он увидел, взволновало его. Точнее, то, чего он не увидел. Ни в лагуне, ни на огромном камне посреди нее, Тигровой Лилии не было.

Доплыв до шлюпки Старки и Сми, он быстро осмотрелся вокруг, думая, что, может быть, она спряталась где-то. Но было ясно, что ее нигде нет.

— Где она? — голос эхом разнесся над водой. Сми и Старки уставились на него, как на безумного. — Где Тигровая Лилия? — спросил он с дрожью в голосе.

— Капитан? — ответил Сми, дрожа уже по другой причине, нежели Крюк.

— Где она, — взревел он, лицо побагровело.

— Мы отпустили ее, ясно ведь.

Крюк оцепенел, услышав это заявление. Какой-то миг он стоял, как вкопанный. Затем:

— Отпустили? Что значит отпустили?

Леденящий страх проник в его желудок, и начал распространяться по всему телу. Она не придет? Она действительно передумала. Этого быть не может. Он отказывался в это верить.

— Ведь вы сами, сэр, — сказал Сми, морща лоб, и невольно повышая голос. — Вы приказали нам.

— Приказал что? — голос Крюка, был напротив, низким, с явно выраженной угрозой.

— Вы сказали, чтобы мы отпустили девушку.

Сказанное повисло в воздухе между ними, тишину нарушал лишь слабый плеск воды возле шлюпок, у Крюка отвисла челюсть.

— Отпустил ее? Она же не пленница, тупицы. Что могло заставить меня сказать такое? — Он снова быстро осмотрелся вокруг и поднял крюк вверх. — Я без колебаний убью тебя, Сми, здесь и сейчас. Где девушка?

Старки сделал шаг вперед.

— Ее здесь нет, капитан. Клянусь Дэви Джонсом, мы слышали, как вы приказали отпустить ее. Она уплыла уже.

— Да вы спятили, оба.

Он схватился за волосы, почти вырывая их. Его всего трясло. Зачем он вообще послал их за ней? Трус. Ему следовало самому забрать ее, даже если бы индейцы напали на них по пути. Что она подумала? Что он передумал? Страх полностью охватил его, от мысли, что он потерял ее, перехватило дыхание.

Как вдруг, он услышал голос, нарушивший пугающую тишину.

— Они не безумны, сэр. Только вы. Вы, правда, верите, что вы всемогущий, капитан Крюк?

Крюк поднял голову. Голос был абсолютной копией его.

— Кому ты это говоришь, ты, незнакомец?

— Я Крюк, капитан Испанского Мэйна, самый грозный пират этих морей.

В этом голосе было что-то не то, отчего у Крюка волосы стали дыбом. Но он не мог пока разобрать, что.

— Если ты Крюк, — сказал капитан ровным голосом, — тогда скажи, кто же я?

Голос рассмеялся ехидства, злобы и ребячества.

— А вы, сэр, подделка.

Крюк прищурил глаза и помрачнел. Прозвище было до боли знакомым.

— И ты тоже. — Его голос стал угрожающе любезным. — Прикидываешься другим?

— Иногда.

Крюк почувствовал какое-то злобное удовлетворение. Как давно это было, когда он, еще будучи ребенком, был раздавлен рукой Пэна? Питер одурачил его тогда, заставив думать, что он особенный и великолепный, а Крюк — лишь обыкновенный ребенок.

Так же, как он дурачит его сейчас.

Разговор велся с таким высокомерием, как будто что-то или кто-то был умнее тебя.

— Ты животное?

— Нет.

Крюк не спеша осмотрелся вокруг, выискивая место, откуда мог исходить голос.

— Овощ? — он старался даже не дышать, пытаясь расслышать звук ответа.

— Нет и нет.

— Минерал?

— А ты не силен в этой игре, верно?

Сми неуклюже перелез в другую шлюпку, Крюк закрыл глаза, стараясь не замечать плеска воды от лодки за ним.

Аа. Вот откуда это исходит.

Крюк повернул голову, страх, удовлетворение, адреналин, все смешалось в нем, так же, как когда он участвовал ребенком в неосуществившемся Отсеве Питера. Чувство было почти восхитительным.

— Ты взрослый мужчина?

Голос слегка потерял свою схожесть с исходником и выкрикнул:

— Нет!

Крюк оскалился. Расстояние уменьшалось.

— Мальчишка?

— Да. Чудесно, великолепно, умный мальчик!

— Ага.

— Ты никогда не догадаешься, пират.

— Как это ни прискорбно, но, похоже, ты прав. — Крюк глядел на точку, где должен был быть Пэн, глаза его были холодными и черными, как мрамор.

— Тогда я скажу тебе. Я Питер Пэн!

Питер вылетел, кружась, из-за камня, где Крюк ранее заметил его. Не медля, Крюк нырнул с головой в воду, и быстро поплыл к Коричневому камню. От него исходила такая энергия ненависти, что ни одна из русалок, плавающих на дне, не осмелилась поплыть за ним.

Когда он вынырнул глотнуть воздуха, вокруг началась суматоха, и раздавался плеск воды. Шайка Потерянных (и одна девчонка, что тут же ошарашило капитана) появились из ниоткуда и набросились на Старки и Сми, пока он был под водой.

Но когда он увидел Пэна на камне, эта суматоха перестала его занимать. Он проскользнул на Коричневый камень, и все увеличилось. Гравий под пальцами, холодная струя воды, падающая на его тело, и голос Пэна проникающий в его уши, отдающийся эхом, насмешкой, стуком, все то время пока он взбирался.

Камень оказался скользким, и он вытянул руку для равновесия, чтобы удержаться на нем до появления мальчишки. Он был так поглощен ненавистью, что не чувствовал ни вины, ни страха, ни чего-то еще, что обычно сопровождало его порывы к убийству ребенка. Он взмахнул крюком, оскалился и залег в засаде.

Питер запрыгнул на верхушку камня, и, прежде чем Крюк успел подумать наброситься на него, рванулся вперед и выхватил нож у Крюка из-за пояса. Крюк побледнел. А Питер ликующе улыбался во все зубы.

Пэн поднял вверх кинжал, и в памяти Крюка всплыло воспоминание о самом первом убийстве пирата Питером. Взгляд Питера сейчас был таким самым, как и в тот раз, что повергло его в трепет. Шок был настолько сильным, что он не удержал равновесия и свалился к подножию камня.

Мальчишка имел определенное преимущество, не было смысла отрицать. Питер взмыл в воздух и ринулся вниз, вытянув руку с кинжалом Крюка. Крюк зажмурился в ожидании

смерти, страх парализовал дыхание. Но острый клинок лезвия так и не вонзился в него. Вместо этого, рука Пэна схватила его за руку, помогая подняться.

Крюк стоял в полном недоумении. Вина переполняла его, и ярость, и ненависть, и еще какие-то чувства, которые он не мог толком определить. У Питера было понятие чести, что делало тщетными его попытки ненавидеть его.

Нет. Крюк взял себя в руки. Питер уже отнял у него много чего. Мальчишка не отберет у него таким же образом удовольствия отмщения. Он замахнулся крюком и вонзил его в руку мальчишки, слегка отпрянув, когда на металле показалась кровь. Глаза Питера широко распахнулись, он закричал. Крюк проигнорировал чувство вины и сосредоточился на ярости, страдание и злость смешались в его ответном крике, почти нечеловеческом. Следующим ударом он полоснул Питера по ноге, затем выше, вонзив под ребро. Разрыв, что оставил его крюк в боку Питера, вызвал у него отвращение. Проклятие Нетландии имело влияние на всех живущих здесь. Поранить Питера — словно вонзить крюк в самого себя.

Питер безмолвно упал на камень, закатив глаза и истекая кровью в нескольких местах. Крюк постарался отогнать боль, что пронзила его при виде смерти Питера.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Крюк замер и отвел взгляд от Питера. В панике он завертел головой в разные стороны в поисках крокодила. Не найдя никого и все еще слыша ужасный звук часов, он не медля нырнул в ледяную воду, позабыв о Сми, Старки, Питере и Потерянных. Теперь они ничего для него не значили.

Крюк перестал дышать, когда вода обожгла его, и он яростно поплыл к берегу лагуны, но ему казалось, что он движется словно сквозь грязь, кожу жгло, каждое движение было слишком слабым, слишком медленным. От звука часов он содрогнулся от кончиков ушей до кончиков пальцев. Русалки смеялись над ним, насмехались над ним. Ужасные голоса эхом отдавались от стен пещеры, отскакивая от Скалы Марунера. Они хихикали и плескались, надеясь увидеть, как крокодил окрасит его кровью лагуны в красный цвет.

Он поднялся на берег, споткнулся, затем побежал, промокший, замерзший и напуганный, влажные локоны хлопали позади. Черные листья царапали и жалили его, когда она бежал мимо, но он едва мог чувствовать шипы.

Его легкие и мышцы мучительно жгло, умоляя его остановиться. Тогда он понял, что больше не слышит тиканья часов. Он упал посреди поляны, которую делил с Тигровой Лилией. Крокодил не дошел бы сюда, до этого места. Он был совершенно уверен. Это место было слишком далеко в глубине острова. Он упал на колени, задыхаясь, и царапал пальцами землю, лицо было покрыто грязью. Он старался не думать о Тигровой Лилии или о крокодиле, или об умирающем, истекающем кровью Питере Пэне.

Когда Крюк проснулся, он на секунду задумался, мальчик ли он опять, и, будучи еще в сонном тумане, огляделся в поисках Питера. Он уже очень, очень давно не просыпался на листьях. На мгновение он вернулся в прошлое, к сладкому вкусу ванили в воздухе, заглушающем неуверенность, к поиску Пэна и Потерянных Мальчиков и размышлениям о том, настоящим или вымышленным будет завтрак, который он получит.

Иссохшие, старые листья застряли в его волосах, от чего сильно зудела голова, когда он медленно вставал. Крюк застыл, когда увидел женщину, сидящую в нескольких футах от него и уставившуюся на деревья. Реальность накрывала его. Он снова был мужчиной и капитаном.

Тигровая Лилия плакала, ее волосы спутались, а под глазами были темные круги. Она провела тут всю ночь? Он поднялся с земли и вздрогнул, затем подошел к ней и встал на колени. Он протянул свою руку и прижался ладонью к ее лицу, а потом повернул его в свою сторону.

— Давно ты тут? — спросил он. Его голос был груб ото сна и иногда пропадал.

— С раннего утра.

Он провел большим пальцем по ее щеке, а она закрыла глаза, отвернулась от него и встала. Он нахмурился, но решил проигнорировать этот странный жест.

— Ты в порядке? — прошептал Крюк, вставая рядом с ней.

— Не совсем.

— Я знаю, вчера все пошло не совсем по плану...

— Не совсем, — засмеялась она, но смех ее был глухой и уставший.

Было очень тепло, и Крюк нервно потирал руки, пытаясь сосредоточиться на погоде, а не на тревожном выражении лица Тигровой Лилии.

— Не я отдал тот приказ, Тигровая Лилия. Клянусь, — сказал он, в его голосе проскользнула первая нотка мольбы. — Если бы он сказал парням отпустить тебя, да что угодно, чтобы освободить тебя. Это был не я. Я не отворачивался от тебя. Ты знаешь, я бы никогда...

— Я знаю, Джеймс, — сказала она, поднимая глаза, чтобы встретиться с ним взглядом, и проводя руками по щекам стирая текущие слезы. — Питер может одурачить большинство жителей этого острова, но не меня. Я слишком хорошо его знаю.

Джеймс нахмурился и отошел назад, шурша только что опавшей на землю листвой, в горле чувствовался сильный дискомфорт. Почему она сказала, что хорошо знает Пэна, а не его? Вздохом отчаяния он сократил расстояние между ними и потерев пальцами прядь ее волос.

— И ты знаешь меня. Знаешь, что я бы никогда не покинул тебя. Я никогда не захочу тебя отпускать.

Она пристально посмотрела на него, и ее глаза сказали, что она согласна с ним. Он тяжело, но с облегчением выдохнул, опустил плечи и перенес пальцы к подбородку. Затем притянул ее лицо, чтобы поцеловать ее. Но прежде чем их губы встретились, она отстранилась от него.

— Я не могу.

— Что? — прошептал он на выдохе, чуть паникуя.

— Я... Я не могу сделать это, Джеймс. Бежать. С тобой.

Крюк тихонько качнул головой.

— Я не... Почему?

Тигровая Лилия отвела от него взгляд и посмотрела в тени деревьев. Черные, серые и коричневые тени, но она пристально смотрела на них. Это бесконечно расстроило его. Она всегда отказывалась смотреть ему в глаза, когда не хотела говорить что-то. Но она повернулась к нему, и в этот момент он желал, никогда не видеть ее глаз. Они были темными и полны боли. От этого внутри него быстро нарастала паника.

Ее голос был очень тихим, когда она спросила:

— Ты пошел бы за мной, если бы видел, что я ушла?

Крюк молчал. Был напуган. Опутан ледяным страхом.

— Ну же, Джеймс. Ты хочешь, чтобы я ответила на твои вопросы? Тогда ответь на мой. Ты бы пошел за мной?

— Я... На меня напали, Тигровая Лилия.

Она прищурилась и подняла голову.

— Это не вся правда.

— Вся. Я клянусь, — Он дотронулся ее руки, но она одернула ее.

— Я видела тебя в лагуне. Когда ты приплыл и увидел, что меня нет, сколько времени ты провел там в ожидании, прежде чем Питер напал на тебя?

Теплый ветер растрепал пряди ее волос, и они спали ей на лицо, делая ее одновременно прекрасной и грозной.

Крюк с трудом дышал.

— Я не знал, что это он. Я должен был знать, кто отдал тот приказ.

— Я ни на мгновение в это не поверю. То, что он кричал тебе. Прекрасный, чудесный, умный мальчик... Любой бы догадался, что это он. Я знаю тебя. И знаю, что ты не глуп.

Крюк уже было открыл рот, чтобы возразить, но передумал, отходя от нее на несколько шагов.

— Ты слышала нас? — произнес он поморщившись. — И видела все это. Где ты была, Тигровая Лилия?

Она подняла бровь и скрестила руки на груди. Она всегда так делала, когда защищалась.

— Чуть дальше лагуны, скрывалась в кустах.

— Ты была так близко и ничего не сказала? — Его голос нарастал. — Ты позволила мне поверить, что ты исчезла? Почему?

— Я... — Она задышалась от волнения и подошла к нему. Ее лицо покраснело, и было мокрым от пота. — Не меняй тему, Джеймс Крюк. Может, я и пряталась, но ты напал на Питера, а не пошел искать меня.

Паника, злость и недоумение превосходили, не позволяя думать. У него не было достойного ответа, однако и ее действия были неблагоразумными, а то, что она говорила о нем, было правдой. Все время в лагуне он заботился о Пэне, думая, как лучше его убить, злился, что мальчишка мог сорвать его план. Он ни разу не подумал о женщине, которую любит.

— Ты не заботишься обо мне, — сказала она низким голосом. — Не так сильно, как волнуешь о Пэне.

— Это не справедливо, — произнес он, умоляя ее. Мускулы на его шее напряглись.

— Это правда.

Крюк всячески старался дышать, мыслить ясно.

— Я люблю тебя, Тигровая Лилия. — Он сделал шаг ей на встречу. — Больше, чем ненавижу Пэна. Больше Испанского Мэйна. Больше жизни. Я всегда любил тебя. Ты должна это знать.

— Я задала тебе вопрос.

Она отошла от него на несколько шагов к краю поляны. Расстояние между ними было удушающим.

— Тигровая Лилия, пожалуйста...

— И я видела тебя вчера, сражающимся с Питером на скале. Ты ранил и ранил его без жалости. Мальчика, Джеймс. — Ее голос срывался на крик, и она быстро махала руками, пока говорила.

Джеймс швырнул свой крюк в ближайшее дерево. Затем дрожащей рукой указал на нее.

— Не бросайся в меня такими словами. После всего, что он сделал? Мне? Моей семье? Потерянным мальчикам... тебе, наконец. Он жесток и ужасен. Ты всегда знала, что при удобном случае я покромсаю этого мальчишку на кусочки.

Тигровая Лилия покачала головой.

— Я не знала, что ты и правда это сделаешь.

— Я пират, Тигровая Лилия. Разумеется, сделал бы.

Ее ноздри раздувались от гнева, и она сжала руки в кулаки. В этот момент в голове Крюка что-то щелкнуло.

— Это не то, что ты хотела знать, верно? — И он сделал несколько широких шагов в ее сторону.

— Что?

— Ты бросаешь меня, не потому что я не уделял тебе особое внимание, или сомневалась, что я люблю тебя. Ты бросаешь из-за Пэна.

Лицо Тигровой Лилии омрачилось.

— Да как ты смеешь!

Челюсть Крюка дернулась.

— Как смею я что? Обвинять тебя в том, что ты по-прежнему, так или иначе, влюблена в Питера? Мы оба знаем, что это правда.

— Не говори так, — ответила она низким голосом на грани рычания.

— Как это я не могу говорить этого? Это ведь правда, не так ли? Где ты была, когда я дрался с мальчишкой на скале?

— Я сказала тебе. Наблюдала из кустов.

— Почему? — спросил он, рукой сжимая в ужасе одно ее плечо, а крюком нажимая на другое. Он притянул ее к себе, накаляясь от тепла, излучаемого ее кожей. Его пульс участился.

— Нет, Джеймс. Речь не обо мне, — она дернулась, и ноздри Крюка раздулись в гнев от ее изворотливости. — Правда в том, что ты так поглощен ненавистью к Питеру Пэну, что никогда не сможешь по-настоящему ценить что-либо еще, — выпалила она.

Голос Крюка стал громче на несколько децибел.

— А ты, Тигровая Лилия, ты настолько очарована им, что не можешь любить человека, который принес бы тебе счастье!

— Это неправда.

— Абсолютная правда, — Он отпустил ее и шагнул назад. Мгновение они пристально

смотрели друг на друга. Воздух между ними был раскаленным от ярости.

— Ты не можешь вынести мысли, что я пролил его кровь, потому что, в глубине твоей души, не важно, что я говорю, что делаю, или заставляю тебя чувствовать..., - Он коснулся ее в месте чуть ниже горла и позволил кончикам пальцев скользнуть по ее шее, аккуратно обвивая пальцами ее волосы. Тигровая Лилия слегка вздрогнула. Он закрыл глаза и отвел от нее руку. — Ничто из этого не имеет значения, ведь так? Не тогда, когда ты под чарами Питера Пэна.

Тигровая Лилия ничего не ответила. Она лишь смело смотрела в его глаза. За эту мелочь он был ей благодарен.

— Почему сейчас? — спросил он. Что-то в глубоко в его душе надломилось. — Почему не до того, как ты поцеловала меня? Не до того, как ты отдалась мне? Не до того, как сказала, что любишь меня?

Тигровая Лилия вздохнула.

— Потому что вчера в лагуне..., - она остановилась, глаза заблестели от боли. Крюк вряд ли хотел слышать, что она скажет. — Вчера он пришел за мной.

У Крюка отвисла челюсть.

— Он пришел за тобой? Он спас тебя? Ты никогда не была моей пленницей!

— Я это знаю. Знаю. Но Питер не знал. Он рисковал ради меня своей жизнью. Вот почему... Вот почему я ушла.

Крюк едва мог дышать, чтобы говорить дальше.

— И что? Ты веришь, что он теперь тебя любит? Ты действительно думаешь, что он пришел и «спас» тебя из рук мерзавца, потому что хочет быть с тобой? — Он чувствовал, как от ярости кровь прилила к его щекам и ушам.

Тигровая Лилия провела по щеке и взглянула на деревья.

— Не отворачивайся от меня снова, Тигровая Лилия, — Она сжала челюсти и уставилась на его рот. — Посмотри на меня. Слушай то, что я скажу, потому что эти слова ты будешь слышать снова и снова всю оставшуюся жизнь, если сейчас уйдешь от меня. Они будут преследовать тебя вечно, потому что ты решила отдать свое сердце бессердечному существу.

Мгновение она ждала, затем посмотрела ему в глаза.

— Он никогда не полюбит тебя.

— Ты этого не знаешь, — прошептала она.

— Пэн не способен любить. Он сражался за тебя в лагуне, потому что воображал войну с пиратом. Ты никогда не будешь с ним, Тигровая Лилия. Это я тебе обещаю, — Его слова были так же грубы, как и голос. Они источали тот яд и ту ненависть, которые могут появиться только от ужасной боли.

Она опустошенно вздохнула.

— Прости, Джеймс.

— Если бы только ты покинула со мной это место, если бы ушла со мной в море, ты бы освободилась от него.

По щеке Тигровой Лилии скатилась слезинка.

— Я не когда не освобожусь от него.

— Не веди себя так, словно у тебя нет выбора. Ты могла бы бросить все. Ты знаешь это так же хорошо, как и я. Если бы ты только пошла со мной, я клянусь тебе, его влияние на тебя было бы сломлено. Если бы только ты ушла с этого проклятого острова.

Теперь он был в отчаянии, говоря все, что приходило в голову — правда или нет — лишь бы убедить ее остаться. Он дрожал от злости, боли и глубокой, жгучего страха. Он схватил ее руку и приложил к своей груди. Он все еще мог чувствовать тот заряд между ними, желание глубоко в ней, заставляющее ее пальцы дрожать от него.

— Я мог бы сделать тебя счастливее, чем когда-либо, Тигровая Лилия, — голос его был низким и сиплым. Он подошел ближе и прижался губами к ее уху. — Я любил бы тебя вечно.

Какое-то время он молчала, пульс Крюка тяжело и переменно скакал. А потом она отстранилась от него.

— Ты лгала мне, — прошептал он, его лицо исказилось от боли.

Она внимательно смотрела на него покрасневшими глазами полными слез.

— Ты клалась мне, что пришла той ночью не из-за Пэна, что хотела быть со мной, независимо от него. Что любила меня. Но теперь ты веришь, что он заботится о тебе, что наши отношения ничего не значат.

— А разве ты не лгал мне? — спросила она мягко, смотря на него.

— Что?

— Ты обещал, что не тронешь его. Из-за меня. Потому что мы не знали, что случилось бы с нами, если он умрет. Ты рисковал моей жизнью, Джеймс. Ради него.

У него пересохли губы. Ему нечего было сказать.

— Прости, — прошептала она, закрывая глаза, и медленно прошла в тени, поглощаемая неподвижными, бесцветными деревьями.

Крюк стоял на пустой поляне, его голова была чуть наклонена, а волнистые волосы свисали на лицо. Какое-то время он стоял там, недоуменно моргая. Возможно, это был очередной сон. Возможно, он скоро проснется, и Тигровая Лилия будет лежать рядом с ним в его постели, мечтая о вечности. Он знал, это было бы маловероятно. Здесь, в Нетландии, это было невозможно.

Крюк был парализован, не знал, куда идти. Должен ли остаться ли на поляне или же должен идти за ней. Но, после того как его беспорядочные мысли улеглись, он решил отправиться на Испанский Мэйн. Там он мог выпить бокал сухого красного вина, посидеть за столом и подумать.

Он онемел, когда вернулся на свой корабль. Его корабль. Мэйн по-прежнему был его, несмотря на его дурацкое обещание Старки. Он поднимался перед ним, гладкий, мощный и красивее любой женщины. Он ступил на борт, его глаза яростно светились.

— Капи..., - лишь успел сказать Сми, но Крюк хлопнул дверью прежде, чем мужчина успел закончить. Затем он сел за стол и достал из ящика бутылку. В ней была темно-красная жидкость, восхитительная и соблазнительная. Он вонзил крюк в пробку и вынул ее, а потом наблюдал, как вино медленно вытекает из бутылки в его бокал.

С пустым выражением лица он поднял бокал и вдохнул, позволяя сладкому, дразнящему запаху завладеть его чувствами. Он поднес бокал к губам и позволил бархату стечь в его горло. Когда он закрыл глаза, наслаждаясь вкусом алкоголя, тогда как тот согревал его, он не мог видеть ничего, кроме нее.

Джеймс хлопнул рукой от гнева.

Схватил бутылку вина, швырнул ее через комнату, и та разбилась вдребезги, рассыпая повсюду осколки и разливая темно-вишневую жидкость. Он встал и издал крик, смешанный с агонией и злобой. Сделав это, распорол крюком покрывало. Перья разлетались по всей комнате, пока он кромсал одеяло под действием вина. Он воткнул крюк в деревянный стол,

разбивая его на щепки, а потом и вовсе перевернул его.

Когда крушить уже было нечего, Крюк упал на пол и, крича, растворялся в рыданиях. Он зарылся лицом в свои руки и позволил последней, оставшейся несломленной частичке себя, превратиться в прах.

Капитан сидел в своей каюте. Мрачным взглядом уставившись на свою шпагу, он проводил кончиком крюка вверх и вниз по лезвию. Оно издавало жуткий скрип, но он не мешал ушам мужчины. А если и мешал, то он этого не замечал. Он был в полном оцепенении. Крюк окончательно потопил себя в мысли о том, что Тигровая Лилия не вернется, и все из-за Питера Пэна. Сам факт существования мальчика был для него оскорбительным, заставляя его вздрагивать по ночам.

Его одеяло так и лежало в клочьях, почти все осколки убрали. Каюта сильно пропахла вином, что нисколько не беспокоило Крюка. Этот запах достаточно его успокаивал, и ему даже не приходилось пить. По крайней мере, не так часто, как пришлось бы в ином случае.

В каюте стояло глухое молчание. В удушающей тишине убежище Пэна звало его, манило его, влекло его. Он встал, пытаясь отвлечься. В таком состоянии набег на укрытие Пэна был бы неразумным. В голове вспыхнуло темное воспоминание о том, как он в последний раз, будучи пьяным, погнался за мальчиком. Он стиснул зубы и сел в кресло.

Уже не в первый раз он желал отправиться на Килхол. Он хотел утопить себя в вине, или, может, в роме, в женщинах и в музыке, и ничего более. Возможно, если бы он уплыл туда сейчас, то предпочел бы больше никогда не возвращаться. Но это было невозможно. В планах на будущее тут, на Мэйне, не было ничего, кроме вина. Разорви его, двенадцатилетнего мальчишку, за то, что не мечтал о пианино на корабле. Если бы только в то время он не испытывал ненависти к практическим занятиям.

Он сжал зубы, потянулся в карман камзола и вынул пальцами маленький флакончик, наполненный смертью. Он едва светился зеленым цветом, и Крюк почти ощущал гудение яда в своей ладони. Одно прикосновение губ к ободку и все было бы кончено. Одно касание.

Он крутил флакон, изучая его содержимое и рассуждая. Ради чего ему стоило жить? Тигровая Лилия ушла, семья его забыла, а сам он достиг таких высот в этих морях, каких только мог. Что еще оставалось? Ничего.

«Ничего» шептала тишина, ослабляя его дух. Ничего, кроме убийства Питера Пэна.

Он окинул флакон горящим от желания взглядом и опустил обратно в карман, обдумывая одну мысль. Ничего, кроме убийства Питера Пэна. Затем с недобрый замыслом в голове он встал со своего кресла.

Он прошел лезвием по подбородку и горлу, сбривая все запущенные волоски своей бороды, срезая их, пока вновь не стал выглядеть капитаном. Его волосы блестящими кудрями теперь спадали на плечи. Метка пирата и дьявола, как он однажды сказал. И это была правда.

— Старки, — позвал он уверенным тоном, выходя из каюты впервые за это время. — Подготовь команду.

— Капитан?

— После захода солнца мы навестим Пэна и его Потерянных мальчиков.

Это, должно быть, знак уважения Старки, подумал Крюк, потому что тот не выказал ни капли протеста, а немедленно подчинился. После возвращения на судно, он задался вопросом, а не будет ли он сопротивления со стороны его первого помощника. В конце концов, он объявил парня временным капитаном. Но Старки в ту же секунду встретил его, как своего капитана, словно никакого разговора между ними и не было.

Старки удалился и передал сообщение остальной команде. Пока Крюк ждал, его вены гудели от внушающего страх ожидания. Он пристально вглядывался в деревья, гадая, чем же Пэн сейчас занимается. Он либо напал на индейцев, либо играет с русалками или спит в своем укрытии под землей. Что бы это ни было, Крюк был уверен, он не будет этим заниматься, когда наступит ночь.

Старки вернулся и торжественно и расчетливо смотрел с ним на остров. Он всегда что-то вычислял, и Крюк видел это в его глазах.

— В этот раз вы, правда, хотите его убить, да, Капитан?

— Да.

Прищурившись, Старки уставился на Крюка.

— Вы серьезно сможете сделать это сегодня ночью? В конце концов, он лишь мальчишка.

Старки не бросал ему вызов, он это чувствовал. Тон голоса его помощника говорил лишь о том, что отчасти ему было любопытно, а отчасти пытался подготовить его к предстоящей задаче. К той, которую он еще не сумел выполнить. Вот почему Крюк понимал, что нет надобности бросаться на мужчину. Какое-то время он молчал, обдумывая свой ответ. Старки не давил на него.

— Нутром чую, — сказал он, обвивая пальцами рукоять пшаги. — Сегодня та самая ночь, когда я сражу его. И не почувствую ни капли сожаления. Он, может быть, и мальчик, но самый жуткий из всех живущих.

Старки не кивнул и не произнес и слова. Он просто стоял рядом с капитаном, глядя на бушующий океан, позволяя ему закончить монолог.

— Он все отобрал у меня, Старки. Мою семью, мой дом, мое детство, даже единственную женщину, которую я любил. Он забрал все это, и не чувствует и капли вины. Ребенок, бессердечный ребенок, — Крюк тяжело вздохнул и оперся на край лодки. — Нет. Сегодня я сделаю, что необходимо. И не буду чувствовать себя виноватым за это, — а потом еще более мрачный голос произнес. — Низший круг Ада подготовлен для Брута, Иуды и Питера Пэна.

Никто за всю история острова не пытался взаправду убить Пэна, по крайней мере, не с тем неподдельным чувством, которое испытывал капитан. У любого, кто когда-либо сражался с ним (включая самого Крюка в прошлом) всегда была хоть частичка в сердце, желающая победы мальчику. Но не у Крюка, не сегодня.

Настолько растеряна была Нетландия в этом неожиданном и невозможном повороте событий, что даже погода оказалась парадоксом. Звезды смешались и остановились, морские нимфы не могли решить сверкать им или же оставаться незримыми. Как только опустилась ночь, Крюк и его команда освободили лодку с невероятной скоростью. Когда они пробирались сквозь деревья, Крюк обнаружил, что ему одновременно тепло, но и до костей холодно. Он чувствовал себя мокрым и обожжённым, слепым в темноте и видящим ясно, следуя за чем-то вроде света, который никто не видел. Конечно, это было странное

сочетание чувств. Но чувством, настигшим его и разрушающим всю неразбериху, которую наводила Нетландия, была ненависть. Глубокая, черная, терзающая, умерщвляющая ненависть.

Существовало несколько видов ненависти, которые он узнал за последние несколько дней. В первом человек изводил сам себя, при этом был прикован к постели и не способен что-либо делать, только спать и лежать. Второй вид ненависти овладевал человеком и приводил его к сумасшествию. Третий вид заставлял его искать выход в вине и женщинах и глупых приключениях.

Все эти разновидности ненависти были определено ужасны и оказывали сильное влияние на человека. Но третий был самым смертоносным. Третий вид ненависти заражал человека, множился и бежал по его венам вместо крови. Он вынуждал делать ужасные, мерзкие, жестокие вещи. Именно эта ненависть управляла Крюком и заставляла идти меж деревьев той ночью.

Его команда следовала за ним, озлобленная и счастливая совершить набег. Но все они были вынуждены делать это из-за преданности, а некоторые из-за доли страха. Крюком же управляла темная и крайняя необходимость. Он проигрывал образ Пэна в своей голове, как тот извивается, умирает и истекает под ним кровью. Чем больше он об этом думал, тем меньше чувство вины и отвращение кололо его сердце до тех пор, пока не перестал вообще что-либо чувствовать. Ничего, кроме зловещего удовлетворения и колкого оцепенения.

Он был настолько устремлен к своей цели, так сосредоточен, так кровожаден, что не сразу понял, что наскочил на чье-то тело. Но когда оно заговорила, он вырвался из своих кошмарных размышлений.

— Джеймс Крюк, — сказала тело.

Когда Крюк пригляделся, чтобы понять, кто это, то отпрянул.

— Вождь, — голос Крюка был неуверенным и волнуемым в присутствии Вождя. Крюк всегда был высоким, но Вождь был чуть выше и в два раза шире. Он выглядел серьезным, очень большим и бесконечно мудрым, будто его глаза держали все потаенные знания этого мира. От этого Крюк чувствовал себя ничтожным, словно мальчишка.

— Что заставило тебя выйти в лес так поздно, Крюк?

Его немного беспокоило, что другой человек отказывался называть его звание, но он не мог на это ответить. Крюк постучал пальцами по своей ноге.

— Ничего важного, сэр.

— Не ври мне, — предупредил Вождь, и Крюк вздрогнул, отступая перед лицом Вождя и его словами. Джеймсу вспомнился разговор, проходивший не так давно между ним и дочерью Вождя. Это доставило ему ужасную боль, и на мгновение его колени подогнулись. Но он быстро пришел в себя, не желая выглядеть слабым перед человеком напротив.

Затем Крюк выпрямился и выдохнул.

— Вождь, я не прошу о сопротивлении с вашей стороны и об особой защите. Но это не ваша земля. Я ничего не нарушаю. Я прошу лишь, чтоб вы пропустили меня.

Когда глаза Крюка привыкли к темноте и к миру за пределами его разума, он увидел, что за Вождем стояло человек двадцать. Казалось, за ним собралось все племя. Он бы удивился, если бы среди них была Тигровая Лилия, и его глаза бегали от мужчины к мужчине. От этого пульс его запрыгал.

— Джеймс Крюк.

Крюк моргнул.

— Да.

— У тебя проблемы со слухом?

— Нет, сэр.

Вождь скрестил руки на груди и в упор смотрел на него, от чего в уголках глаз образовались морщинки.

— Тогда мне интересно, почему ты не слышишь то, что я говорю тебе.

Крюк начал неуверенно бормотать:

— Прошу прощения, Вождь. Если вы не возражаете...

— Я ощущаю зловещий ветер в воздухе сегодня ночью, мальчик.

Крюк почувствовал легкий укол от слова «мальчик».

Глаза Вождя блуждали по темным деревьям, серебристым лентам ветра, которые проскальзывали между ветвями.

— Что-то дурно может случиться. Я знаю, что будет глупо отпустить тебя безо всяких объяснений, — Он вновь пристально посмотрел на Крюка.

Тогда в сердце пирата и в его позе что-то изменилось.

— То есть вы встанете у меня на пути?

— Я не хочу драться с тобой, — ответил Вождь. — Но хочу, чтобы ты объяснился.

— Мне больше нельзя бродить по острову, когда я того желаю? Вы установили для меня комендантский час?

Вождь закатил глаза.

— Не будь ребенком.

Крюк все меньше и меньше чувствовал себя ребенком, и все больше злился. Он капитан Испанского Мэйна. Его имя было известно во всей Нетландии и за ее пределами. Кем был Вождь, что так допрашивал его?

Крюк прищурился.

— Думайте, что говорите, Вождь. Разве вы не знаете, кто я?

— Знаю, — Затем вождь распрямылся, и его голос стал ниже, более звучным. — Ты могучий Капитан Крюк. Мужчина настолько великий, что тратит жизнь, нападая на более слабых и отнимая их сокровища, настолько прекрасный, что спит с женщинами и бросает их холодным утром, настолько безжалостный, что дрожит, завидев крокодила. Я знаю, кто ты, Джеймс, и кем решил стать. И между этими людьми лежит серьезное различие.

Крюк почувствовал, как его дыхание перехватило. Он стоял перед Вождем и молча моргал. Секунду он не мог связать и пары слов. После того, как шок от слов мужчины прошел, он собрался с духом.

— Пропусти меня, — его голос надломился, произнося эти слова.

Вождь схватил Крюка за плечи, когда тот пытался пройти.

— Ты задумал убить Пэна сегодня ночью.

Крюк повернулся к Вождю. Низким голосом, пропитанным яростью, он произнес.

— Да.

— Я не могу тебе этого позволить. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить тебя.

Крюк поморщился, словно от дикой боли.

— Дай мне пройти, Вождь. — Он поднял крюк, и его голос дрогнул, когда он сказал, — Или я без колебаний убью тебя. Я и моя команда обратим в бегство твоих людей и зальем землю их кровью. Клянусь.

Вождь опустил глаза, лицо выражало печаль. Крюк понял, что тот разочарован, и от этого его сердце сжалось.

После минуты напряженного молчания Вождь отступил. Крюк не ощутил ни капли облегчения от этого, лишь медленно нарастающий гнев. Но все же гордо прошел мимо с каменным выражением лица, ведя за собой остальную команду.

Как вдруг Крюк замер на месте. Послышался щелчок, свист в воздухе, и отвратительный звук металла, вонзающегося в плоть. Он обернулся и увидел, как стрела вонзилась в спину одного из его людей.

Мужчина упал. Из его раны по спине текла кровь. Крюк пригляделся к тощему парню, и узнал в нем Флинвайса. Тут закричал Джукс, и рухнул на колени рядом.

Крюк отпрянул, на его лице читался шок. Он обернулся, длинные кудрявые пряди пролетели перед лицом. Его взгляд упал на одинокий лук, уже поднятый вверх и готовый к очередному выстрелу.

Он медленно переводил взгляд от лука к пальцам, сжимавшим его, потом к изящному запястью и выше к тонкой руке, на мгновение задержавшись на шее. Но увидев лицо, Крюк оцепенел, так как не сомневался в том, кто стоит перед ним. И когда он уже не мог совладать с собой, его взгляд метнулся вверх. Перед ним была она.

Тигровая Лилия держала лук дрожащими руками, уже приготовив очередную стрелу. Он отчаянно дышал, глаза обжигала боль. Его отражение было видно в ее глазах. Он пристально смотрел на нее, дрожа всем телом. Не отрывая взгляда, он поднял голову кверху, дернувшись уже осознанно. Старки тут же появились рядом.

Голосом, сочетавшим в тебе рычание и шепот, он произнес:

— Убить их.

Старки отошел к группе разбойников и тут же раздался шум. Джукс отпустил голову Флинтвайса на землю и уставился на индейцев, представляя, как убивает их. Он закричал, вынул шпагу размер чуть ли не с него ростом, побежал к ним навстречу и начал биться.

Крюк почувствовал нарастающую тошноту, от чего был вынужден крикнуть:

— Тигровую Лилию не трогать! И Вождя тоже!

На него напал первый индеец, размахивая острым оружием с зазубринами в некоторых местах. Было видно, что оно пережило немало боев.

Крюк отразил атаку, вонзая шпагу прямо в живот своего врага. Оружие прошло так мягко, словно нож по маслу. Истошно крича, мужчина рухнул на землю, а Крюк лишь отвел взгляд. Лес наполнился звуками выстрелов, воплями и ударами металла о металл.

Крюк пробирался сквозь толпу мужчин, сразив одного шпагой, проткнув другого своим крюком и затем им же перерезав вены третьего. Он представлял, что теплые струи, бегущие по его лицу, были чем угодно, но не кровью. Представлял, что он был мальчиком в своей комнате и один играл в сражения... Не причиняя никому боли, никого не убивая.

Ни одна частичка его тела не желала массового убийства индейцев. Но именно так все и было. Несколько пиратов пали в сражении. Кого-то из них Крюк знал лично, кого-то нет. Но число бойцов Вождя резко сократилось. Крюк сам нес ответственность за большую часть. Он использовал крюк, как часть себя, рассекая и нанося им удары с ужасной точностью.

Он отбил от особо тяжелого удара и одернул крюк назад. Энергия била по его венам, заставляя мышцы дрожать, но он остановился, замерев. Тигровая Лилия пристально смотрела на него. Ее глаза были широко открыты, а лук заряжен. На секунду он задался вопросом, выстрелит ли она в него. Между ними повисла гробовая, напряженная тишина, казавшаяся Крюку вечностью. Хотя наверняка была лишь мгновением. Наконец, она отвернулась, и он почувствовал, как все его тело содрогнулось.

Шло время, бойцов Вождя становилось все меньше и меньше. Крюк заметил, что Индейцы отступают и спасаются бегством. Он поднял шпагу вверх, и крикнул своим парням, преследовавшим противника:

— Стоп!

В ту же секунду его команда прекратила погоню.

— Мы победили. Отставьте их.

Земля в лесу была мокрой и липкой, покрытой багровыми и черными пятнами крови. Крюк зажал рот рукой, но не от расправы или крови, а от чувства вины.

Вождь мрачно посмотрел на Крюка, его взгляд был полон печали и горя, когда он и его люди обратились в бегство. Это было ничем по сравнению с войной, которую они вели с Пэном и Потерянными мальчиками много лет назад. На Вожде лица не было. Морщины вокруг его рта, тянувшиеся ко лбу, стали глубже. Глаза потемнели и стали влажными, наполнившись скорбью и поражением.

— Возвращайся на восходе и собери погибших, — сказал Крюк грубым, уставшим после сражения голосом. Рот Вождя превратился в тонкую линию. Он кивнул Крюку, а затем дал знак своим людям следовать за ним.

По пути Тигровая Лилия встретила взглядом с Джеймсом. И этот взгляд он никогда не забудет. Ее губы были чуть приоткрыты, а кожа так бледна, что едва виднелся загар. В ее глазах читалось тяжелое обвинение, предательство и глубокая, душераздирающая печаль.

Он не отводил от нее взгляд столько, сколько мог, пытаясь не обращать внимания на кровь его соратников, забрызгавшую ее лицо, так как знал, что на его руках кровь ее соплеменников. Спустя вечность, кажущуюся ужасной и немой, она ушла, а Крюк повернулся к команде.

— Чего встали? — прорычал он. — В путь, парни. Никто не доставит нам Пэна на блюдечке с голубой каемочкой.

Оставшиеся в живых члены команды подскочили и двинулись в чашу, прокладывая дорогу через деревья под предводительством Билла Джукса. Крюк, выглядевший свирепым и раздираемый войной, следовал за ними.

Вскоре показалась знакомая местность, и Крюк ухмыльнулся. Они были близко. Он это чувствовал. Он ощущал, как от деревьев исходила жизненная энергия Питера, озаряя все вокруг, и это придавало Крюку сил, заставляло идти быстрее. Листья на деревьях тут почти светились, а тошнотворно сладкий аромат, витавший в воздухе, смешивался с запахом металла и крови, обагрившей губы Крюка. Он прошел вперед, твердо решив вести наступление лично.

Неожиданно он остановился и схватился за рукав стоящего рядом парня, которым оказался Сми.

— Это здесь, Сми. Я чувствую. Мы почти пришли.

— Конечно, Капитан. Пэн уже близко, будьте уверены.

Крюк медленно развернулся, затем опустился на четвереньки, нащупывая гриб с необычной температурой. Внизу было грязно, влажно и воняло гнилью, но Крюк не обращал внимания. Это было ниже его достоинства рыться в земле, вымазывать камзол и штаны, стирать обувь до дыр. Но учитывая важность дела, Крюку было не до титула.

Тонкими пальцами обшаривая землю и медленно двигаясь, он прочертил крюком тонкую линию, разрывая травяной покров. Поднял вверх крюк, показывая команде остановиться. Тотчас же все стали на месте, боясь даже вдохнуть. Крюк ухмыльнулся и провел линию дальше вперед и остановился. Под своей рукой он почувствовал тепло, остальная земля была холодной. Привстав, он уткнулся лицом в огромный гриб. Это было оно, то самое место.

Он беззвучно отдал приказ людям оставаться на месте, затем медленно поднимаясь с земли, махнул им руками отойти назад. Старки первым понял жест и начал пятиться. Остальные последовали его примеру, отойдя на столько, сколько Крюку было нужно. Поднявшись, Крюк тихонько проследовал к команде и наклонился к уху Старки. Быстрым шепотом он приказал,

— Мы возьмем их всех. Я хочу иметь каждого Потерянного в своих руках. Пока Питер не будет у меня на крюке, я никого не освобожу.

— А после того как получите Пэна?

— Они мне будут не нужны. Отпустим их.

Старки кивнул.

— Рассредоточь людей. Где-то в метре друг от друга. Видишь те деревья? Именно оттуда они выйдут. Я хочу, чтобы все было окружено, чтоб ни единого шанса не было ускользнуть.

Старки отошел обратно в толпу, затем все разбежались по сторонам. Заняв позиции, они образовали полукруг вокруг деревьев. Для Потерянных оставалось мало шансов остаться невредимыми среди ночи, если они решат драться. Крюк зловеще улыбнулся, вытащил меч и подпер подбородок крюком, выжидая.

Минуты (если можно было назвать время минутами) шли, тишина давила на нервы. Он выругался, чем дольше они ждали, тем больше он сомневался. Но, наконец, послышался шорох в одном из деревьев.

Крюк поднял голову и дал знак команде замолчать и приготовиться. Сми нервно переступал с ноги на ногу, а Джукс, чьи глаза сверкали от злости, опустил подбородок. Затем из-за маленького дерева показался мальчик, которого Крюк раньше не видел. У него были вьющиеся, каштановые волосы, ярко блестящие в лунном свете. Старки схватил его, зажимая огромной рукой мальчику рот. Его швыряли из рук в руки, пока он не оказался у Сми, который сделал то же, что и Старки, но удерживая его у себя в плену, хотя и в более мягкой манере, отчего мальчик, прижавшись к животу пирата, как к подушкам, почти не испугался.

Один за другим мальчики скатывались на землю, и как только они касались земли, их тут же схватывали пираты. Крюк больше не припадал к земле. Он расхаживал по кругу, приводя мальчишек в ужас видом крови, оставшейся на его лице. Он одновременно сильно ждал и сильно боялся появления Питера Пэна, зная, что, наконец, настанет момент его триумфа, но в глубине души не желал этого.

В конечном итоге, все мальчишки спустились с деревьев и суматоха прекратилась. Капитан подошел ближе к маленькой роще, размахивая своим ужасным блестящим крюком. И когда последний ребенок был схвачен, он улыбнулся, потянулся к нему и схватил его за руку. Но, увидев его глаза, он отпрянул.

— Девочка, — произнес он, лишь сейчас вспоминая, что видел ее в лагуне.

Она уставилась на него, не мигая, широко открытыми изумленными глазами. Лицо было немного в веснушках, рот приоткрыт. Она была словно заморожена им, так, как Тигровая Лилия Питером Пэном давным-давно, когда была маленькой.

— Кто ты, девочка?

Она продолжала пристально смотреть на него, а ее светлые кудряшки спадали на грудь.

Сми подтолкнул своего мальчишку к другому пирату, и подбежал к Крюку.

— Это его Венди, Капитан.

Он нахмурился.

— Его что?

Сми тихонько улыбнулся девочке, а затем повернулся к Крюку.

— Его Венди.

— Его Венди? — фыркнула она.

Крюк не обращал на нее внимания.

— Объясни мне, Сми.

— Ну, я слышал, что Питер Пэн нашел себе маму, которую зовут Венди. Я знаю, что он сильно привязан к ней.

Уголок рта Венди при этом приподнялся вверх.

— Да неужели? — произнес Крюк, поднимая бровь.

— Так точно.

Раз так, Питер не уйдет из дома, и это успокоило Крюка. Он снова посмотрел на Венди и отпустил ее руку, взяв вместо этого ее за крошечную ладонь. Он решил повести себя как джентльмен с леди, даже не смотря на такие обстоятельства.

— Свяжите мальчишек, — приказал он, и пираты кинулись связывать каждого из ребят спереди по рукам и по талии. — Венди не трогать. Она должна остаться невредимой.

Связывание прошло гладко, как он и предполагал, из-за того, что Венди не стала особо бороться, она была слишком поглощена, разглядывая его. Мальчишки также, на удивление, не сопротивлялись. Когда подошла очередь Чуточка, дело слегка застопорилось. Он оказался довольно полненьким мальчиком, да он и всегда таким был, так что едва хватило веревки, чтобы обвязать его. Крюк сжал губы. Каким образом мальчишка так растолстел, если Пэн никогда их не кормил, кроме как выдуманной едой?

Крюк прищурился и обернулся посмотреть на дерево Чуточка. Оно было определенно больше чем остальные, должно быть большим. К тому же, дерево было почти в рост человека. Крюк метнул взгляд на Чуточку. Тот поймал его взгляд и побледнел, глаза широко раскрылись, и стали, как обеденные тарелки.

Крюк молча передал Венди Сми и снова начал осматривать дерево Чуточка. Ни одно из деревьев не было достаточно широким для капитана, но это, это не имело ветвей. Именно в этот вход в убежище Пэна Крюк мог бы пролезть. Здесь проходил путь к Пэну.

— Отведите их обратно на корабль, я останусь здесь.

Тон его голоса был таким, что никто из его людей не осмелился перечить ему. Они беспрекословно выполнили его приказ и увели с собой ребят и девочку. Капитан Крюк остался один среди деревьев с черной злобой в сердце.

Когда шум утих, и ночь снова стала тихой, Крюк снял с себя камзол и шляпу, оставшись в штанах, ботинках и изношенной льняной рубашке. Холод чувствовался на коже и в крови, но он сомневался, что виной всему погода.

Крюк подошел к дереву Чуточки и провел пальцами по грубым краям дупла, царапая ногтями тускло мерцающую кору. Занес ногу в отверстие дерева, пригнулся, и улыбка осветила его лицо. Здесь было как раз достаточно широко, чтобы он пролез, но, правда, впритык. Он начал протискиваться вниз по дуплу, радуясь, что оставил камзол и шляпу наверху. Щепки дерева цеплялись за его одежду, разрывая и оставляя небольшие дыры в ткани. Но он решительно продолжал спускаться, пока, наконец, не спрыгнул с глухим стуком на землю. И, войдя в проход, тут же вытащил меч, окидывая взглядом комнату. Рука сильнее сжала рукоять, а сердце начало бешено колотиться. Пэн был здесь, в комнате.

В дальнем темном углу дома послышался легкий скрип, он дернулся и вытянул меч впереди себя. Затем Крюк увидел его. Питер лежал там, в кровати, и спал, беззащитный. Свечи тускло горели возле кровати, придавая ему какое-то необычное свечение, от чего сердце Крюка сжалось. Вид Питера, с раскрытым ртом и взъерошенными волосами, разбросанными по подушке, был отвратительно счастливым.

Он сделал шаг по направлению к Питеру, вытянув крюк на уровне лица, и прячась за ним. И чем ближе он подходил, тем сомнение все больше одолевало его, пока не подошел впритык к лицу мальчика, полный нерешительности. Дыхание перехватило, он смотрел на Питера, вглядываясь в каждую черточку его лица, его маленькое тело, образ миловидности, скрытый за испорченностью.

Но потом Крюк обратил внимание на его губы, что скривились в самодовольной ухмылке. Он прищурился и оглядел мальчишку еще раз, дерзкая улыбка портила впечатление. Питер лежал расслабленный, рука и нога свисали с кровати так, что даже его тело выражало тщеславие. Это обозлило капитана.

Это была естественная гордыня, бездумное себялюбие, из-за чего Крюк лишился всего. Самодовольное высокомерие, которое заставило Питера забыть о том, Джеймс хотел вернуться домой, к своим родителям, к своей прежней жизни, к женщине, которую полюбил.

Он занес крюк над ним, пристально глядя на пульсирующую вену на шее. Но его глаза отказывались смотреть на это. Он не мог смотреть, как пронзает кожу и вену Питера Пэна. Это было слишком жестоко, слишком бесчеловечно, слишком преднамеренно. Вдобавок ко всему, ему послышался голос отца, делающий ему замечание.

— Как нехорошо, Джеймс.

Крюк закусил губу, скрепя зубами. Видение его отца было оправданным, нехотя признал он. Убивать мальчишку во сне было признаком дурного воспитания.

Само собой все это вызвало некоторые затруднения. Он не мог убить мальчика, пока тот был без сознания. Если бы он это сделал, то порвал бы все ниточки, которые связывают его с живущим в нем воспитанником Итона. А он не хотел совсем избавлять от него.

Очевидно, что нужно разбудить Пэна, и сражаться с ним один на один. Но в глубине души он знал, что если выберет честный путь и разбудит его, то это будет сравнимо с попыткой суицида.

Суицид. Крюк поднял голову, и у него тут же зародилась третья мысль. Он не мог

поверить, что она не пришла ему на ум раньше. Он тихонько положил свою шагу, и опустил руку в карман, сжимая пальцами флакончик. Вот он, способ соединить воедино свою честь и желание жить.

На столе рядом с кроватью, где лежал Питер, стояла маленькая чашечка. Она была чем-то наполнена, но Крюк не понял, чем именно. Крюк опустился на колени перед чашкой, вздрогнув, когда Пэн дернулся во сне. Крюк успокоился. Через несколько секунд он расслабился, и вновь вернулся к своему замыслу.

Он держал флакон в одной руке, а другой с помощью крюка проткнул пробку и вылил содержимое. Ему было не по себе от наличия яда, находящегося так близко к нему, от чего его рука немного дрожала. Но, несмотря на жар, распространяющийся от щек к шее и умолявший Крюка остановиться, он поднес флакон к чашке и перевернул его. Из него упало пять больших капель, растворившихся в жидкости, слегка обесцвечивая ее.

Стараясь не думать о своем поступке, он был уверен, что достиг такой степени подлости, которую никогда не хотел бы познать. По крайней мере, не в таких подробностях. Но дело было сделано.

Крюк пробирался вверх по дереву и, когда дошел до вершины, его кожу жгло от заноз. Но нечто другое снедало его совесть. Холод его не успокаивал. Он накинул камзол на плечи и надел на голову шляпу, от полей которой на лицо падала тень. И Крюк скрылся в ночи.

Сейчас Нетландия казалась менее растерянной, менее буйной. Листва, как и звезды, замедлила ход жизни. Лес потемнел, и теперь больше соответствовал происходящим событиям... Непроходимый, мрачный и решительный. Мир словно затаил дыхание.

Будучи наедине со своими мыслями, он задавался вопросом, выпьет ли Пэн яд, как только проснется, или же не обратит на чашку никакого внимания? А если все же выпьет, то умрет ли? Или же Нетландия подготовит для него какое-нибудь противоядие? Возможно ли вообще убить Питера?

И, как это часто бывает у Крюка, в нем боролись две стороны. Одна говорила, что нет, Нетландия принадлежит Питеру и любит его, а Питер — ее сердце. Так как Нетландия невозможно уничтожить, то и ее сердце тоже. Но другая сторона пришла к выводу, что Питер, хоть и был, без сомнений, фантастическим и невероятно защищенным без видимых причин, оставался все же мальчиком и может погибнуть, как и любой другой. Каким-то образом Крюк верил обеим сторонам.

Когда он вышел на его с Тигровой Лилией поляну, то тут же замер. Он не намеревался идти туда.

Он что-то проворчал и, не останавливаясь, быстро пошел через луг.

— Выпьет ли он яд? Умрет ли сегодня ночью? — громко бормотал он, что говорило о том, что он начал серьезно сомневаться. Но как только он произнес эти слова, услышал слабый звон колокольчиков. Он остановился и поднял глаза.

Над головой сверкал маленький комочек света, который снова затрещивал. Проклятые феи. Ему никогда не удавалось понять, о чем они говорят. Он отшвырнул ее и пошел дальше в сторону Мэйна, продолжая бормотать про себя.

Когда показался корабль, на лице Крюка не появилось и намек на улыбку. Он знал, что помимо яда существовала еще группа детей. Группа, с которой он и понятия не имел, как справиться. Все это очень сильно зависело от Пэна, умрет он или нет. Но Крюк подумал, что выбора у него нет, остается только ждать.

Сегодня ночью или, возможно, завтра утром вся Нетландия будет спокойно жить

дальше, или же будет оплакивать смерть Питера Пэна.

Крюк перебрасывал монетку через свой крюк снова и снова, мрачно посматривая на окно. Ночью было сложно определить, какая там погода. Было не особо холодно, но и не очень тепло, все выглядело просто черным. Никакого намека на то, как там Пэн — жив или нет.

Если Пэн умрет, он решил отпустить детей. Он даже не обдумывал этот вопрос. Конечно, они останутся в Нетландии без вожака в лице Пэна, но это лучше, чем умереть. Если же Пэн останется жив, это вызовет трудности.

По большей части, он ожидал, что Питер выживет. Он сомневался, что яд одолеет его, неважно, насколько он смертельный. Обстоятельства сложатся таким образом, чтобы мальчишка спасся, он был уверен. И тогда, не желая этого, ему нужно обдумать, что будет, когда Пэн прилетит на его корабль. Если, конечно же, прилетит.

Может быть, ему стоит казнить Потерянных, чтобы приманить его. Он был уверен, что Пэн почувствует, если его товарищи окажутся в опасности. Скорее да, чем нет, Пэн объявится прежде, чем он вонзит крюк в одного из них. Крюк прикусил щеку и задумался.

Затем снова выглянул в окно. За окном стало пасмурно, а на стекле образовалась корочка льда. Мгла. Лед. Он подскочил, роняя монету на пол.

Холод и темнота за окном означали лишь одно.

Пэн был мертв.

Крюк выскочил из каюты, улыбаясь морозному ветру. Холод колот его лицо, руки, каждую часть тела, не скрытую одеждой. Он растопырил пальцы и вытянул руки, наслаждаясь холодом. Крошечные серые снежинки кружились на ветру и падали на его волосы, он громко рассмеялся.

Это был мрачный, полный боли смех, такой, что вызывает сомнение, действительно ли это смех. Да еще и посреди ночи. Смех перерастал во что-то еще более безумное, и постепенно, все, кто был на корабле, повернули к нему головы.

— Капитан? — позвал Сми, ковыляя к нему.

Смех Крюка утих, безумием теперь искрились лишь глаза.

— Вы в порядке, сэр?

Крюк огляделся вокруг, на деревьях шелестели коричнево-зеленые листья, он высунул язык, словно пробуя воздух на вкус.

— Конечно, я в порядке, Сми. Чудесно, прекрасно, восхитительно. Ты же сейчас стоишь здесь, рядом со мной, разве нет?

— Эмм, да, с вами, — выпалил Сми.

— Тогда ты видишь, что я полностью, совершенно в порядке. — Он широко улыбнулся, на щеках даже появились ямочки.

Сми нахмурился. На его лице от холода, а, может, и от непонятно откуда взявшегося смущения, появился румянец. Он подошел к кучке детей, которые до сих пор были связаны, чтобы не улетели. Хотя это вряд ли можно было назвать связыванием. Скорее едва затянутые, ослабленные и свисающие веревки. Крюк задавался вопросом, как они еще не выпутались из них. У нескольких ребят была свободна большая часть тела.

Самый маленький из детей, в котором он узнал Чуточку, вытянул руки и схватил Сми за подол рубахи. Другой, не знакомый Крюку, ребенок выхватил у Сми очки и надел на себя, от

чего его глаза стали выглядеть больше. Сми отскочил назад и чуть не упал, а маленькие пленники залились смехом. Крюк лишь потряс головой.

Все эти действия между Сми и детьми тихонько кольнули сердце Крюка и подарили ощущение пустоты. Сми махал своим клинком, пытаясь выглядеть угрожающе. Большинство детей вопили и отскакивали от него, но делали это так, будто шарахались от страшных истории, и просили родителей рассказать их снова.

Наблюдая за ними, Крюк чувствовал сильное волнение. Когда кто-то из них осмеливался взглянуть на него, то на их лицах читалось то же самое выражение, которое было у самого Крюка при виде крокодила. Был ли он им сейчас? Хищником? Если это так, спрашивал он сам себя, значит, последняя частичка детства полностью исчезла из его сердца?

Ни один ребенок, включая тех, кого он когда-то называл друзьями, уже не смотрел ему в глаза. И Джеймс решил, что от этого в нем потух последний огонек невинности — в нем не осталось ничего, что дети могли любить.

— Маленькие дети не любят меня, — сказал он тихо самому себе.

— Что, Капитан? — спросил Старки, приближаясь к нему с двумя бокалами рома.

Крюк взял один и поднес сверкающий кубок к губам, закрыв глаза, когда пряный вкус подогрел его разум.

— Ничего, Старки. Ничего важного.

Старки промолчал. Но он смотрел, как капитан наблюдает за детьми, а Крюк думал, что Старки был более восприимчивым, чем Джеймс сам позволял себе. Это была не столько игра, которая беспокоила Крюка, или факт, что им, казалось, доставляла удовольствие компания Сми. Это была невинность. Та неуловимая черта, которую он так давно потерял. У него не осталось ни грамма ребячества, дети должны были ненавидеть его, а он должен быть злодеем, и совсем не важно, какой частью истории он хотел бы быть. Он запрокинул голову, залпом осушил бокал и отвернулся.

— Сми, прекрати заниматься подобными вещами с этими детьми, — крикнул Старки.

— Чем именно?

— Играть. Ведете себя не по-пиратски.

Сми усмехнулся.

— Играть? Да они ж дрожат от страха.

Крюк поднял бровь. Он не сомневался, что тряслись они от смеха. Затем посмотрел на группу ребят и с удивлением заметил, что Венди была привязана отдельно, и сидела дальше остальных. Это каким-то образом напомнило ему самого себя, и он встрепенулся.

Он прошел в ее сторону и притянул к себе стул, волоча ножки по палубе.

— Добрый вечер, леди.

— Дарлинг, — добавила она, дрожа.

Крюк нахмурился.

— Что?

— Леди Дарлинг. Венди Мойра Энджела Дарлинг.

— Мои извинения.

Девочка взглянула на него из уголка своих больших глаз, а затем отвернулась. Но, поскольку казалось, что сдержаться она не могла, она пробормотала:

— Добрый вечер.

— Почему, моя дорогая, ты сидишь так далеко от своих мальчиков?

— Потому что я устала. И предпочла не играть в их детские игры. Я не в настроении.

У нее был высокомерный тон, который сильно раздражал бы Крюка, если бы принадлежал даме постарше. Но поскольку Венди была ребенком, его это забавляло.

Он откинулся назад и скрестил ноги.

— Тебе не нравится Сми?

— Не то, чтобы не нравился. Я просто не верю, что сейчас подходящее время для игр, веселья и глупостей, — Она отодвинулась, и Крюк увидел за ее спиной, что она втянула свои пальчики в рукава своей вычурной ночной рубашки.

— А почему нет?

— Потому что предполагаю, что вскоре вы попытаетесь нас убить, — У нее был тонкий рот, а глаза тщательно скрывали эмоции. Возможно, она тоже его боялась. Но Крюк заметил, что она не избегает его взгляда, как остальные.

Он изобразил шок и прижал крюк к своей груди.

— Не дай Бог! Крюк не убил бы хладнокровно ни одной леди.

— Я не верю в это.

— Почему? Ты наслушалась рассказов о том, как я жестоко убиваю девочек и женщин ради веселья?

Венди поджала губы и взглянула на него.

— В общем-то, нет. Думаю, не слышала.

Крюк улыбнулся, затем украдкой взглянул за ее плечо на бушующее сине-черное море, на волны, качающие льдины. Небо загрохотало и, казалось, готово было обрушиться.

— Я слышала обо всех пиратах, которых вы убили, — сказала она, отрывая взгляд от моря и неба. — Я знаю обо всех местах, разграбленных вами, и я рассказала Майклу и Джону о том, как вы пытались побороть Питера Пэна.

Крюк улыбнулся еще шире. Эта улыбка была бы утешительной. Но черные облака, ударяющие молнии и бушующие волны придали ей совершенно иное выражение.

— А, ты сказочница, верно?

Она гордо кивнула.

— Да.

Крюк на стуле наклонился вперед, источая злобу, но пытаясь выглядеть дружелюбно. Это была печальная попытка, потому что он, казалось, забыл, как это делать. Когда Тигровая Лилия ушла, она забрала последний кусочек детства из его сердца, а он стал лишь негодяем, отчаянно пытавшимся найти то, чего больше не существовало.

Венди, однако, одарила его взглядом, который врезался ему в душу. Это был взгляд, которым она не должна была на него смотреть, не осознанно. Он так не подходил к тому, что ее окружало: к льдинкам, падающим с неба, к грозно ревущему океану, к пугающему и свирепому морю, и банде мужчин, находившейся рядом. Она с восхищением смотрела на него, не оцепенев от страха. Такая простая, чистая, искренняя и невинная. Джеймс притих и сел обратно на стул.

Он пристально смотрел на нее. По его телу пробежали мурашки. Вокруг них развевались засохшие, черные щепки гибнущих деревьев, окружающих пляж. На ее лице он заметил едва не королевскую отвагу, на губах голубой оттенок и чистую, нежную юность в ее глазах. Может, Пэн и в самом деле был мертв, и если бы так, то Крюк не знал, что он мог оставить эту очаровательную маленькую девочку на произвол судьбы в Лесах Нетландии. Возможно, Нетландия отпустит его, он отплывет в море и доставит Венди и Потерянных

мальчиков обратно в Лондон. Тогда все случилось бы так, словно ничего из этого глупого приключения никогда не происходило.

Он знал достаточно, чтобы понять, что это было маловероятно. Тем не менее, в нем загорелась искра надежды.

— Хотела бы ты узнать что-нибудь о своей истории, Венди Дарлинг? — спросил он.

Она сжала губы, взглянула на него, оценивая от макушки шляпы до кончиков ботинок, и вернулась обратно к его глазам.

— Они рассказывают свои истории, — сказал Крюк. — Они призывают их притворяться. Но ваше воображение, ваши игры, эти маленькие герои привлекли бы тебя. Твой Питер Пэн. Они все ошибаются. История — это лишь еще одно слово во имя лжи.

Венди смело улыбнулась ему в ответ, у ее крохотного, заостренного носика проступили маленькие морщинки, а глаза погрустнели, от чего она стала выглядеть намного старше.

— Я знаю.

— Знаешь?

— Питер — это не все, что есть в моих историях, которые я рассказываю. Я очень хорошо знаю.

Крюк прищурился.

— Тогда почему ты рассказываешь им?

Венди вновь взглянула на Потерянных мальчиков. На Чуточку, который удерживал рыжую голову, уткнув лицо мальчика в его подмышку. На новеньких близнецов, которые были очень малы и играли пальчиками в какую-то игру друг с другом, несмотря на мрачную обстановку.

— Маленьким детям нужно во что-то верить, — произнесла она, и Крюк почувствовал, что эти слова были словно нож у его горла. На мгновение его ресницы затрепетали, и он отвернулся. К нему в голову только что пришла мысль, что ему не во что было верить. Даже в Питера Пэна.

Сладкий голос Венди вернул его обратно.

— Так что насчет вас, Капитан Крюк?

— Меня? — спросил он. Тихий, прохладный ветерок, растрепал несколько прядей его волос, опуская и поднимая их на его лицо.

— Вы настоящий? Ложь ли мои истории о вас?

Он с любопытством посмотрел на нее.

— Ты, Венди Питера Пэна, рассказывала обо мне истории?

— Да, — ответила она, смотря прямо на него, настойчивее и с меньшим страхом, чем любой капитан пиратов, которых он когда-либо встречал.

— Когда мы играем, я всегда бываю тобой.

Он моргнул и откинулся назад, уставившись в холодное, кружащиеся и вертящееся небо.

Он не хотел думать о ее первом вопросе. Был ли он человеком, о котором она рассказывала истории? Безжалостным, равнодушным, жестоким капитаном пиратов? Ужасом Моря Нетландии?

Не раздумывая, и давая себя убедить в этом так или иначе, он прошептал:

— Я не выдумка, девочка Венди.

— Это хорошо, — сказала Венди, Крюк оторвался от разглядывания неба и нахмурился. — Капитан, которым я притворяюсь, не убьет нас. По крайней мере, не так хладнокровно. У капитана Джеймса Крюка есть честь.

Крюк приподнял голову, а на губах Венди появилась легкая улыбка.

На какую-то секунду, он действительно подумал развязать ее и остальных. И даже было поднялся, чтобы самому это сделать. Как вдруг оглушительно грянул гром, и все мальчишки прижали ладони к ушам, но не Венди.

Крюк разозлился и вскочил со стула, глаза потемнели.

— Не указывай, что мне делать, Венди Дарлинг.

— А я этого и не делаю, — спокойно ответила она, но в глазах зажегся огонек. — Я лишь говорю то, что знаю. Если ты это сделаешь, если убьешь всех нас со связанными руками за спиной, то проиграешь. А Питер победит, Джеймс Крюк.

Он воткнул крюк в стул и выдернул, разбрасывая повсюду щепки.

— Не хочется тебя разочаровывать, дорогуша. Но не в этот раз.

Венди спокойно смотрела на него, в глазах читалась непокорность, несоответствующая ее возрасту.

Крюк рассвирепел.

— Он не может победить, так как он мертв. Твой Пэн умер, Венди. Я лично убил его.

Венди зажмурилась и покачала головой. Крюк быстро подошел к ней, почти вплотную наклонившись к ее лицу, и приподнял крюком ее подбородок.

— Открой свои глаза. Посмотри вокруг. Разве ты не видишь бури?

И Венди открыла глаза. Когда он это сделала, пейзаж вокруг изменился. Черные тучи начали светлеть, пока не стали белыми облаками. Море успокоилось, вода стала зеркально чистой, и лучи солнца ярко отражались на синей глади. В воздухе запахло ванилью.

— Нет, — произнес Крюк, отпуская улыбающееся лицо девочки.

— Нет, — повторил он, выходя на палубу и хватаясь за волосы.

— Нет, — закричал он, голос ужасным эхом отозвался в его голове.

Его команда засуетилась, вытаскивая оружия и заряжая пушки, создавая шум вокруг.

— Я наконец-то мог уйти, Старки. Я собирался это сделать.

Слова стали бессвязными, он почти задышался. Старки похлопал его по плечу.

— У вас не получится это сделать в ближайшее время, капитан. Пэн жив.

Капитан нервно постукивал крюком по мачте рядом с ним. Он накиннул камзол себе на руки, желая защититься от ужасной жары.

— Пэн жив. Ну конечно. Чертов мальчишка.

Венди выглядела возмущенной, переводя хмурый взгляд на Крюка.

Он уставился на небо, всецело его презирая. Если Пэн действительно был жив, ведь другого объяснения изменения погоды не было, то ему придется использовать все средства, находящиеся в его распоряжении, чтобы добиться своего. И этими способами, он знал, были дети.

Как только Потерянным, и особенно его Венди, будет угрожать опасность, Питер узнает об этом, как узнал о своей флейте и Тигровой Лилии, а Испанский Мэйн послужит ему маяком.

— Старки, — позвал он. Его голос был на грани безразличия, которое появлялось тогда, когда становилось особенно страшно.

— Да, Капитан.

Крюк почувствовал, как в животе стало больно от чувства вины, когда он произнес:

— Свяжите детей покрепче. Освободите им ноги, но руки стяните потуже сзади. Нельзя допустить ни малейшего шанса, чтобы они улетели. А потом передайте их все мне.

Старки кивнул и направился к детям, призывая нескольких пиратов помочь ему. Сми также участвовал в связывании, но теперь дети были от этого не восторге. Как бы там ни было, это порадовало капитана.

Когда все было сделано, пираты подвели пленников к капитану, поставив их в шеренгу, все смотрели с мрачным видом, как будто их заставили выпить касторки. Этого следовало ожидать.

— Мальчики, сегодня шестеро из вас пройдут по доске.

Джукс подошел и стал рядом с ним, скрестив на груди свои большие мускулистые руки, и сердито поджав губы. Он был зол и суров, с тех пор как индейцы убили Флинвайса. Крюк кивнул ему.

Он нарочно избегал смотреть на Венди и старался не обращать внимания на голос, звучащий в его голове и повторяющий слова:

— Питер победит. Питер победит. Питер победит.

Несколько мальчишек гордо выпятили грудь на приговор, но некоторые из них поникли и опустили глаза. Увидев их страх, Крюку стало немного жаль их, особенно Шалуна и Чуточку. Ведь когда-то Чуточка был его другом... А Шалун был самым младшим из них, все тем же, к кому он чувствовал необъяснимую потребность оберегать до сих пор. Но все же, хоть они и действительно поверили ему, он чувствовал, что Питер не придет.

— На лодке у меня есть комната, как раз для двух юнг.

Сказав это, он почувствовал себя глупо. Но он настолько чувствовал себя виноватым под их пронзительными взглядами, что был вынужден предложить им хоть какой-то проблеск надежды. К тому же, может быть размышления мальчишек окунуться в пиратство быстрее привлекут Питера, чем угроза их жизни.

Ребята переглянулись между собой, вертя головами туда-сюда, и нервно переминаясь с ноги на ногу.

Крюк оперся на другую ногу.

— Ну же, мальчики, соглашайтесь. Это редкость — получить такое предложение от ужасного Капитана Крюка.

Шалун сделал шаг вперед, и Крюк улыбнулся с облегчением. Шалун был одним из тех, кто всегда ему нравился. Но посмотрев ребенку в лицо, Крюк понял, что Шалун его и близко не узнает. Это стерло его улыбку с лица.

— Проблема в том, мистер Капитан, что это кажется нам неподобающим. Моя мама упадет в обморок от этого.

— И кто же твоя мама?

— Венди, мистер Капитан, сэр.

Чуточка поддержал его,

— Это правда. Она кормит нас. Она ужасно строгая мама.

Чуточка тоже его не узнает. Неужели он действительно так сильно изменился?

Крюк прищурился и оглянулся на мило улыбающуюся Венди. На свету она выглядела старше, на фоне синего неба и освещенная солнцем, и на какой-то миг Крюк увидел ее такой, какой видели ее дети. Она немного напомнила ему его мать, там, дома, в Англии. Легкая улыбка, мудрость в глазах, милое лицо. Какая чушь. Питер втолковал им в головы, что она были их матерью, и ничем больше. Но это был умный ход.

Он проследил за ее взглядом к двум мальчикам, которых он не видел ранее. Один был высоким, тощим и надменным. Другой был маленьким, с мягко выраженными чертами лица, и с искорками озорства в глазах. Искоса он снова посмотрел на Венди и снова на мальчиков, и ухмыльнулся.

— Ты, мальчик, — обратился он, подходя к меньшему. Он присел перед ним и понизил голос. — Как тебя зовут?

— Майкл Дарлинг.

Дарлинг. Брат Венди, без сомнений.

Ребенок смотрел в пол.

— Майкл, скажи-ка мне, а ты никогда не мечтал стать пиратом?

Майкл по-детски скривился и уставился на Крюка.

— А я играл в это. И я всегда хотел, чтоб меня называли, называли...

— Называли как? — спросил Крюк, чуть нагибаясь и подставляя ухо к мальчику.

Майкл вплотную прильнул к капитану и прошептал:

— Краснорукий Джэк.

Крюк поднял брови и встал, положив руку на плечо Майкла.

— Краснорукий Джэк. Честно признаюсь, никогда не слышал такого свирепого имени для пирата.

— Я одолел капитана Кровавое Сердце. Это, чтоб вы знали.

Майкл улыбался, хотя и выглядел немного смущенным. А Крюк повернулся к мальчику, стоящему рядом с ним, который о чем-то задумался в этот момент.

— И как будут меня звать? — спросил высокий мальчишка.

— А как зовут тебя сейчас?

— Джон Дарлинг. Но я не буду зваться пиратом Дарлингом.

Другой брат. Крюк закусил нижнюю губу. Старки увидел его колебания и вышел вперед.

— Мы ужасно нуждаемся в Джо Черная Борода.

— А разве у вас такого нет? — спросил Джон.

— Нет. Мы избавились от него.

Джона это удовлетворило, и он кивнул.

— Мальчики! — закричала Венди. Оба брата резко вздрогнули.

— Как вы можете соглашаться на это? Подумайте. Вы же знаете, что сказала бы на это ваша настоящая мама, не так ли? Если бы вы стали пиратами? Вы же не злодеи. Я это знаю.

Оба, Джон и Майкл, одновременно отступили назад и склонили головы.

— Вы действительно предпочтете умереть, чем плавать под моим флагом?

Братья посмотрели на него большими жалостливыми глазами, затем снова глянули на Венди.

— Именно так они и поступят — ответила она за них. — Они умрут, как истинные джентльмены. И не замарают своей чести.

Их взгляды с Крюком пересеклись, и он снова был поражен, насколько она была похожа на его мать. Он смотрел на нее, пока не почувствовал, как в нем зарождается стыд, и он не мог больше этого выдержать. Крюк отвернулся от толпы и посмотрел на яркое спокойное море. Пэн все еще не пришел. Он нахмурился. Как так вышло, что он не явился, учитывая то, что все его мальчишки так близки к смерти? Хотя Пэн всегда относился беспечно к смерти и, возможно, его план провалился, и Питер вообще не появится. Он вздохнул и повернулся обратно к команде. План был запущен в действие. И вопреки опасениям отступить было поздно.

— Установите доску, — приказал он Тэтчеру. Тэтчер и Гекко исчезли под палубой, пока Крюк осматривал водную гладь. Под взглядами детей он чувствовал, как в нем назревает нерешительность. На него больше никто не смотрел, все глаза были устремлены на доску. Их лица побледнели, и Крюк гадал, имеет ли он такой же самый вид. Пэн все еще где-то порхал по Нетландии. Он только этим и занимался. А Крюк в скором времени будет вынужден столкнуть восемь детей в океан.

Гекко и Тэтчер принесли в руках неотесанную доску и поставили ее на край борта корабля. Затем долго возились, закрепляя ее, по крайней мере, так показалось Крюку. Во время этого были моменты, когда все, и Крюк и Потерянные обменивались взглядами, полными ужаса, ребята — потому что знали, что скоро встретят свой смертный рок, а Крюк — потому что организует как раз эту встречу.

Крюк снял шляпу, вздрогнул и обернулся назад. Солнце светило прямо на него, обжигая голову. Становилось все теплее. Значит ли это, что Пэн приближается? Или же он просто весело проводит время? Крюк раздраженно фыркнул. Это невозможно было узнать.

— Капитан? — окликнул Тэтчер.

Крюк уставшим голосом отозвался:

— Да.

— Доска готова.

Крюк не ответил. Он провел рукой по волосам, расчесывая запутавшиеся локоны и медленно поднялся. Надел шляпу обратно и поправил за щеголеватый уголок, все еще не оборачиваясь на помрачневшую маленькую группку детей. Потер камзол, пока он не начал сиять. И когда понял, что более нельзя медлить, обернулся, выглядя так элегантно и так грозно, что ни один из его членов команды не видел его таким ранее, и посмотрел на детей, переводя взгляд с одного на другого по очереди.

— Кто желает быть первым?

Никто из детей не поднял руку. Крюк обратил взгляд на самого высокого, Джона.

Почему его до сих пор не убили? Он был почти такого же роста, что и Питер. Хотя какая разница теперь? Разные мысли пронеслись в голове Крюка в одно мгновение до совершения омерзительного действия.

— Вот ты. Джо Черная Борода, — сказал он с насмешкой.

Джон посмотрел на него, в глазах был страх, но лицо отражалось упрямство и непоколебимость. Воспитанник Итона. Ну, или же обладатель такого сердца.

— Тебе выпала честь ступить первым.

Джон вдохнул, затем поднялся, пытаясь ровно выпрямиться, несмотря на связанные руки. Его тощие ноги тряслись, и все это видели. Увидев, как Джон подходит к доске, Крюк почувствовал острую боль внутри. Где Питера носит? Неужели он действительно вынудит его сбросить ребенка в океан?

Джон медленно подошел к месту, где доска соприкасалась с Мэйном, и бросил долгий и полный скорби взгляд на Потерянных.

Крюк резко и испуганно дернулся, боясь, что тот упадет в воду со связанными за спиной руками. Джон подпрыгнул и опрокинулся на доску, что закачалась тут же под его весом.

— Мальчик, подожди.

Джон сел, подобрав ноги на грубую деревянную балку и тотчас же поморщился. Крюк поежился, увидев расплывающееся пятно крови на ноге ребенка.

— Ты не умрешь со связанными руками. Я позволю тебе умереть достойно.

Уголкем глаза он заметил проблеск удивления на лице Венди. Он улыбнулся про себя. Затем подошел к доске и протянул крюк.

Джон посмотрел на крюк с явным подозрением. Но капитан оставался спокойным, и Джон трясущейся рукой схватился за его крюк. Он затащил Джона обратно на корабль и развернул его.

— Я подумал, что вы разрежете меня для верности, — сказал Джон.

— Мальчик, это было бы верхом плохих манер. А я буду не я, если не докажу, что хорошо воспитан.

Он взялся за связанные руки Джона и воткнул крюк в веревку, чтобы разрезать, как вдруг застыл на месте. Послышался звук, идущий сначала с моря, затем близко от корабля. Внутри все перевернулось, и он побледнел. Позабыв о Джоне и оставив его связанным, он отступил назад, дрожа всем телом.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Крюк, побледневший и дрожащий от страха, отшатнулся к стене своей кабины.

— Капитан? — произнес Старки, озадаченно глядя на него.

— Ты не слышишь? — Крюк почти не дышал. Тиканье часов за считанные секунды полностью изменило его.

— Слышу что, сэр?

На лбу у Крюка проступил пот, и он прошипел:

— Слушай.

Старки наклонил голову чуть ближе к борту и широко раскрыл глаза.

— Крокодил.

В мгновение ока Старки встал рядом с капитаном, размахивая шпагой в одной руке и пистолетом — в другой. Сми тоже приблизился к нему, так же, как и остальная команда — Кекко, Лапша, Тэтчер, Джукс и другие. Не обращая внимания на сковывающий его страх, Крюк был тронут их поступком. Парни выглядели ужасно напуганными и злыми, готовыми в один миг защитить его.

Крюк медленно дышал, делая вдох и выдох, а затем опустил оружие. Он отказывался брать на себя роль труса, пока вся его команда выглядела так, словно была способна сразить чудовище голыми руками. Но чем громче становилось тиканье, тем больше в нем таяла смелось.

— Он приближается к борту, — прошептал Крюк. Старки подошел ближе к нему и, не моргая, пристально посмотрел за борт корабля.

Как так получалось, что безмозглое существо столь сильно пугало его в том момент, когда мысль о борьбе с хитрым негодяем не холодила его кровь, а наоборот, заставляла ее закипать? Возможно, это само было безумие. Будучи очень коварным, он мог предвидеть это. У человека с мозгами есть стратегия, мысли, осторожность и слабость. Но рептилию, которая жаждала его крови, он не мог понять. Рептилия не остановилась бы ни перед чем, чтобы заполучить свое, даже если это было бы глупо. И хотя Крюк ненавидел признавать свой страх, он не мог остановить свое воображение, думая, как животное рвет его на куски, раскусывает или проглатывает целиком.

Лишь на мгновение он позволил себе допустить такую возможность, провалиться в своих мыслях и поддаться панике. После того, как он исчерпал все возможные чувства, которые мог испытать от своей ужасной и пугающей его смерти, ему больше ничего не оставалось, кроме как встать. Что он и сделал.

Несколько раз он быстро моргнул, а затем выпрямился в полный рост. Он контролировал свое дыхание до тех пор, пока оно не стало ровным и спокойным. Крюк пробежался пальцами по волосам, которые свисали до подбородка, и коснулся крюком своих губ.

Если ему придется встретить свою смерть в пасти этого ужасного существа, то, как и сказала Венди, он примет ее как английский джентльмен, как капитан. Крюк перевернул в руке шпагу и вышел вперед. Собравшись с духом, он пристально всматривался в синеву воды, приказав себе не бояться.

В тот же миг, когда он встретился лицом к лицу со своим самым потаенным страхом, то ощутил полный покой. Это могло быть связано с мгновенным изменением в нем самом или

же с неожиданным прекращением тиканья.

Крюк нахмурился и опустил шпагу.

— Вы слышите? Тишина?

— Да. Кажется, чудище исчезло, — сказал Старки.

Крюк насторожился и переступил с ноги на ногу. Это было странно даже для бестолкового существа, просто уплыть прочь прямо посреди погони. Он повернулся лицом к своей команде и уже открыл рот, чтобы произнести речь, но как только он это сделал, позади него послышался глухой шум. Крюк развернулся. Ничего. Возможно, он окончательно сошел с ума.

Крюк, скрепя зубами, сделал несколько шагов в сторону детей, которые по-прежнему были крепко связаны и сидели, тесно прижавшись друг к другу. Один из них тихонько ухмыльнулся.

— Почему ты улыбаешься, мальчик? — спросил он Чуточку.

Ухмылка тут же спала с лица ребенка.

— Я не улыбаюсь.

Крюк тряхнул головой. Все на корабле сходило с ума. Какое-то время Крюк ходил взад-вперед перед группой детей, пытаясь побыстрее успокоиться.

— Кекко, — позвал он.

— Да-да, — ответил парень, и поспешил к капитану. Его темные кудри развевались позади него, пока он бежал.

— Принеси мне бокал вина из каюты. Красного.

— Вина, Сэр?

Ноздри Крюка раздулись от недовольства.

— Не задавать капитану вопросов.

Кекко странно посмотрел на него и отправился к каюте.

Крюк понимал, что странно просить выпить — это странная просьба, особенно в данной ситуации. Но без него, он пребывал бы в параноидальной кутерьме, если бы Пэн все же объявился. И он сомневался, что без вина, действительно смог бы отправить хоть кого-то из ребят за борт.

Шло время. Крюк поморщился.

— Проклятый Кекко. Где он?

— Один, — торжественно произнес Чуточка.

— Что? — спросил Крюк, уставившись на своего старого друга.

Чуточка замолчал и вызывающе посмотрел на Крюка, видя в нем только пирата, но никак не Джеймса. Мальчик бы ничего ему не сказал.

Крюк закатил глаза и отправился к каюте.

— Кекко. Чего так долго?

Кекко не отвечал.

Крюк прошел дальше и устался в темноту. В каюте не было ни лучика, что казалось странным. Обстановка тут сильно отличалась от теплого света снаружи. Крюк почувствовал, как по телу прошел холод. Затем он нахмурился и поднял ногу. Темно-красная жидкость вокруг него не была вином. Его ботинок был в крови, когда он отступил назад.

— Кекко! — Позвал Крюк. В его голосе уже не было злобы, лишь страх.

Несколько членов его команды столпились вокруг него и устали в темноту.

— Выходи.

Ответа не было.

— Я сказал, выходи, либо отныне будешь зваться трусом!

На секунду повисла тишина, а затем раздались слова:

— Я не трус.

Снаружи выстрелил мальчик, который манил Крюка. Он тикал и смеялся. В конце концов, он пришел. Рядом с ним был маленький огонек света. Фея. Фея Пэна. Ну конечно... та самая фея, которую он увидел в лесу. Пэн переживал за фей так же, как и за Потерянных мальчиков. У Крюка никогда не было времени для того, чтобы узнать разницу между феей Пэна и множеством других. В особенности потому, что он с трудом различал их. Без сомнений, она предупредила его. Крюк нахмурился. Он ненавидел фей больше, чем кого-либо другого, кого он имел удовольствие ненавидеть.

Питер не направился к Крюку, не в первую очередь. Он пошел за Венди. Ну, конечно же, Венди. Он с легкостью разрезал на ней веревки, прежде чем кто-либо из пиратов смог что-то сделать. Затем он освободил несколько мальчиков. Среди них уже не было ни одного связанного. Каждый из детей, кого он освободил, быстро развязывал другого, и это было бесполезным занятием.

Тем не менее, Крюк не мог сосредоточиться ни на ком, кроме Пэна. Мальчик шнырял туда и обратно, полностью разогнал пиратов, отталкивая одного тут, пиная другого там, и при этом смеялся. Его маленький клинок блестел в солнечном свете, ослепляя отблесками Крюка. Он посмотрел на Пэна, и его взгляд помутился. Питер прошмыгнул между пиратами обратно в каюту, и никто из них не мог даже пошевелиться. Он вернулся обратно в суматоху, его руки были полны оружия. Мальчик бросил кладезь кинжалов и томагавков перед Потерянными мальчиками, которые тут же прибрали все к рукам.

Крюк размахивал шпагой, когда все дети стали пробираться к нему и его команде, вертевшим оружие. Это поставило его в положение, в котором он изо всех сил не хотел оказаться, положение, в котором ему пришлось драться на мечах с детьми, скорее играющими в битву и переодевание. Большинство его команды тоже оборонялось, но никто из пиратов не был настолько подлым, чтобы жаждать крови детей.

Несмотря на беспорядочные движения шпаги, битва сама по себе не была до ужаса пугающей. Дети с ножами в руках были, бесспорно, менее опасны, чем многие другие противники, с которыми Крюку приходилось сталкиваться. Он понял, что, пока в легкой манере размахивал своей шпагой и крюком, почти расслабился. Но это продолжалось до тех пор, пока справа от него не раздался громкий крик. Он повернул голову через плечо и увидел, как большое тело, покрытое татуировками, упало на пол. По спине Билла Джукса текла кровь и просочилась на пояс его штанов. Крюк сдержал крик.

Потерянным мальчиком, стоящим рядом с Джуксом, оказался Чуточка. Он злобно улыбался, а его нож был красным и блестящим.

— Два, — произнес мальчик. И тут Крюк понял. Он считал тела убитых.

Он почувствовал пустоту в желудке. Крюк, разумеется, и раньше терял своих людей, но не таким способом. Не от руки Потерянного мальчика, не мужчину, которого он знал по-настоящему. Крюк был в ступоре, глядя на огромного, умирающего мужчину. В этот парализующий, молчаливый момент, он почувствовал, как нечто большое и сильно ударило его.

— Берегитесь, Капитан!

Когда Крюк всем телом рухнул на пол, то вокруг были неразличимые цвета, неясные

очертания рук и ног, скрученных вместе, и грохот. А над ним парил Пэн, смеясь, кружась и летая. По его маленькому клинку текла кровь. Крюк почувствовал боль, потому что тот, кто лежал на нем, ударил его.

Ему стало еще больнее, когда он услышал мужской голос.

— Не беспокойтесь, Капитан. Это всего лишь царапина.

Когда Крюк почувствовал влагу, сочившуюся по его рубашке и впитывавшуюся в нее с другого человека, он чуть не лишился всего содержимого своего желудка. Старки.

Крюк выскользнул из-под своего первого помощника и уставился на него, не желая думать, что это он. Но, разумеется, это было не так.

— Старки, почему ты сделал это?

Старки кашлял, краска с ходила с его лица.

— Это моя работа, сэр. Защищать капитана.

— Ты не должен был, не должен, — произнес Крюк, едва способный связать и пару слов. В отчаянии он схватил рубашку Старки, прижимая руку к месту, откуда текла кровь.

— Я остановлю ее. Мы сможем остановить кровь. Конечно, сможем. Не волнуйся. Старки. Не волнуйся.

— Осторожно, Капитан, — задыхался он. На его губах были капли крови. Но он улыбался. — Только используйте нужную руку. Ведь тот крюк мне не поможет, верно?

— Не шути, Старки. Не трать силы.

— Их и так не много.

Крюк обезумел, его глаза метались в поиске предмета, способного остановить кровотечение. Он не мог потерять Старки. Кого угодно, но не его. И не из-за Пэна.

— Не говори так. Я твой капитан. Это приказ.

Старки широко улыбнулся и запрокинул голову, уставившись в небо.

— Не смей умирать. Я не приму этого.

Голос Крюка был излишне агрессивным, хриплым от страха и печали. Он продолжал прижимать руку к ране, пока Старки не схватил его руку.

— Оставьте меня, капитан. Позаботьтесь о Мэйн. Меня не первый раз ранят, и точно не последний.

Слабость в глазах Старки говорила об обратном. Он умирал. Свет Нетландии покидал его.

Старки толкнул Крюка в плечо.

— Идите. Уже трое умерли, пока вы тут сидите.

Крюк сжал зубы. Его глаза жгло от слез.

Старки медленно моргнул. Его глаза стали яснее, чем когда-либо, как только он перевел взгляд на Пэна, словно с них сходил туман. Затем он посмотрел Крюку прямо в глаза.

— Убейте мальчишку, Капитан Крюк.

Старки подался назад и прислонился к стене каюты, тяжело дыша. Его тело сжималось, а пальцы были красными от крови. Крюк поднялся на колени, его волосы спадали на его лицо, но он медленно поднял свою шпагу вверх. Его рука и крюк были покрыты кровью Старки. Его взгляд помрачнел, пока наружу не вырвалась ярость.

Он сделал глубокий вдох, а затем проревел:

— Пэн!

Его голос эхом раздался по всему кораблю. Пэн повернулся в его сторону и одарил его своей высокомерной улыбкой. Затем Питер ринулся вниз и перерезал горло Тэтчеру. Крюка одолел неистовый, глубокий и заставляющий дрожать гнев, и он направился в сторону ребенка. Волны злости отступали от Крюка, когда он приближался к Пэну, расчищая путь к мальчику.

Шалун смело шагнул навстречу капитану, вытягивая тонкое оружие. Обычно от этого в сердце Крюка что-то екало. Но не сегодня. Не сейчас. Крюк даже не взглянул на ребенка. Он одернул свою шпагу и ударил по кинжалу Шалуна. Он думал, что не навредил мальчику, но силы его удара хватило, чтобы тот упал на пол. Крюк продолжал без остановки пробираться к Пэну, и вздрогнул, когда Питер сразил еще одного мужчину.

— Двенадцать, — произнес Чуточка.

Крюк молчал. Брови скрывали выражение его лица, а в глазах читалась жестокая решимость. Он взмахнул шпагой и направил ее в Питера. Несмотря на вес, его рука была твердой. Капитан едва моргнул. Он просто вытянул оружие вперед, бросая вызов.

— Ты, — произнес он.

Питер скользнул вниз. Та ужасная ухмылка все еще украшала его лицо. Он повернулся к Потерянным мальчикам и сказал:

— Назад. Этот пират мой.

Они долго и пристально смотрели друг на друга. Каждый из них источал отвращение к другому.

— Гордый и наглый мальчишка, — сказал Крюк голосом, пронизанным ненавистью, — готовься к встрече со своей гибелью.

— Низкий и злой человек, защищайся!

Пэн напал первым. Но маленький клинок не совпадал с длинным лезвием шпаги Крюка. Он с легкостью парировал удар встречным ударом, переводя весь свой вес за шпагу, отбрасывая Пэна назад. Питер поднял бровь и подлетел обратно к Крюку.

Крюк чувствовал на себе взгляды Потерянных мальчиков и оставшихся в пиратов. Многие из них уже были мертвы либо умирали. Пэн вновь бросился на него, Крюк уклонился от удара, а затем они кружили вокруг друг друга. Возможно, в данный момент было лучше не думать о жертвах.

Капитан набросился на Питера, отвлекая его шпагой и ударяя крюком. Джеймс задел его щеку. Питер тяжело вздохнул и отошел назад, затем приложил руку к лицу. Когда он снова убрал ее, его пальцы были красными от крови. Питер нахмурился. Крюка накрыл мимолетный восторг, и он широко улыбнулся.

— О, так Пэн все-таки не столь несокрушим.

Питер стиснул зубы, выглядя словно ребенок, не получивший своего. Он бросился на

Крюка, и полоснул его по шее, разрывая длинный, красный камзол. Его верх упал и обнажил горло. Крюк почувствовал, как от поступающего воздуха кольнуло шрам. На его щеках вспыхнул румянец.

Когда Питер увидел это, в его глазах что-то загорелось. Едва ли не осознание.

— Откуда это у тебя?

— Один злодей подарил много лет назад.

Питер улыбнулся.

— А я подарю еще один.

Он тут же исполнил свое обещание, вонзив нож Крюку между ребер, проливая его кровь. Крюк отпустил шпагу, и она с грохотом упала.

Крюк побледнел. Это случилось.

Питер подошел к нему, протягивая маленький клинок. К удивлению Крюка, он опустился на колени и поднял шпагу, а не замахнулся, чтобы нанести удар. Затем он протянул шпагу Крюку. В этот самый момент он хотел, чтобы Питер пронзил его. Он предпочел бы это стыду, одолевшему его.

Но он этого не сделал. Капитан вздрогнул, когда потянулся за своим оружием, а затем схватил его, и Питер тут же вернулся к бою.

После этого уже не было никаких перерывов, никакого тихого самокопания или остроумных шуток. Были лишь крюк, кинжал и шпага, которые ударялись друг о друга с чувством необузданной мести. Крюк снова и снова делал выпады, тщетно пытаясь попасть в мальчика. Питер с легкостью кружил надо ни в воздухе.

К великому огорчению Крюка, он понял, что устает. Он больше не ребенок. Он больше не мог бесконечно быть в движении и не страдать от этого. Крюк тяжело дышал и изо всех сил нападал на Пэна. Разве не думал он не так давно о битве с Черной Бородой? Но тут был Пэн, вынуждающий его совершать маневры, которые он так ненавидел. Дыхание Пэна было едва различимо в те моменты, когда он не смеялся. Мальчик без каких-либо усилий ударял снова и снова и нырял в воздухе над Крюком, пролетая то на спине, но на груди.

Питер дурачился.

Как только Крюк понял этого, силы его иссякли. Ребенок даже не пытался. И если это было так, то способа покончить с этим не было, по крайней мере, не у него. Возможно для кого-то из его команды. Старки был еще жив, и у Сми тоже был шанс. Он сомневался, что кто-то из мальчиков был действительно способен поднять руку на мужчину. Но для него это было бы последней радостью. Поэтому прямо посреди маленького сражений он встал прямо, поправил шляпу и посмотрел на Питера так величественно, так смело, что и сам Питер на мгновение остановился и уставился на него.

Джеймс сделал глубокий вдох и ухмыльнулся. На его лице была та усмешка, которая появляется у человека, понимающего, что это конец.

— Ты забудешь Джеймса, ребенка, которым я когда-то был, забудешь своих фей и Потерянных мальчиков. Забудешь все, что когда-либо знал. Но ты никогда, никогда не забудешь меня.

С этими словами в воздухе пролетел кусочек металла, и Питер врезался в Крюка. Джеймс упал за борт корабля. «Как невоспитанно», подумал он, упав в океан.

Холодная, как лед, вода, колола его со всех сторон, окутывая его грудь и шею. Он падал в воду, но задался вопросом, смог бы он добраться до берега. Но ответ на этот вопрос последовал в тот момент, когда он развернулся и увидел позади себя чертового крокодила.

Крюк подумал, что было странно, что в этот раз тиканье не сопровождало это чудовище. Часы в его желудке, наконец, остановились. Какая ирония.

Крокодил ухмыльнулся, и Джеймс мрачно улыбнулся ему в ответ. Он начал плыть прочь, понимая, что это бесполезно, но все равно продолжал грести руками. Было бы недостойно бросить надежду, не так ли? Совсем перестать бороться?

В разгар заплыва, чтобы спасти свою жизнь, его отвлек какой-то звук. Сначала это было далекое-далекое, тихое эхо. Но по мере приближения крокодила, он становился громче. А затем он понял, что это. Это был колокольный звон и удары часов, стоящих в самом центре Лондона. Удары были глухими и громкими и отдавались звоном в ушах. И когда он взглянул на лиловое небо, то за облаками и лучами солнца, почти мог видеть его.

Биг-Бен. Он смотрел прямо на него. Доносился запах чего-то поджаренного, чего-то, что его мама тщетно пыталась сделать съедобным. Затем появился морской запах его отца, который теперь принадлежал и ему. Он улыбнулся, и его настиг неожиданное чувство покоя. Справа был Библ. Небо выглядело странно.

Если бы кто-то увидел его, то подумал, как странно, что он улыбается от того, что крокодил хватает его за пятки. Но Джеймса не волновало, что подумали бы воображаемые люди. Поэтому он продолжал улыбаться. То была частичка Джеймса, который навсегда остался бы Потерянным мальчиком. И когда он падал в ледяной воде, тот кусочек рос, пока Потерянный мальчик не заполнил всю его пиратскую сущность. Пэн ликовал, а крокодил щелкнул пастью позади него.

Умирать, думал Потерянный мальчик вместо Капитана, будет до жути большим приключением.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[←1]

Кенсингтонские сады — королевский парк в лондонском районе Кенсингтон, вокруг Кенсингтонского дворца. До 1728 года представлял собой часть Гайд-парка.

[←2]

Панфлэйта (или Флейта Пана) — многоствольная флейта, состоящая из нескольких пустотелых трубок различной длины.

[←3]

Марс — площадка на топе составной мачты, прикрепленная к её салингу. Служит опорой для наблюдательных и технологических площадок.

[←4]

Же́ода — геологическое образование, замкнутая полость в осадочных или некоторых вулканических породах, частично или почти целиком заполненная кристаллическим минеральным веществом и агрегатами минералов.